

ИРИНА
УЗДЕНОВА

...

ГАРМОНИЯ
СФЕР

...

ПОЭЗИЯ

Печатается по решению редакционно-издательского совета Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева

И. Ш. Узденова. Гармония сфер. Стихи. — Карачаевск: КЧГУ, 2019. — 560 с.

ISBN 978-5-8307-0595-0

Поэтический сборник Ирины Узденовой «Гармония сфер» — это творческая квинтэссенция многолетнего труда автора, наполненного поисками и озарениями. В книге представлены стихи, в разное время издававшиеся на Кавказе, а также новые. Поэтический сборник представляет широкую палитру жанров — здесь переводы произведений знаменитых поэтов Востока и Запада, посвящения, песни, сонеты, оды, газели, рубаи, поэмы, элегии, басни, эпиграммы, стихотворения о войне, лирика... Книга предназначена для широкого круга читателей, ценящих изысканный слог.

ISBN 978-5-8307-0595-0

© Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева

© Узденова И. Ш.

ИРИНА УЗДЕНОВА

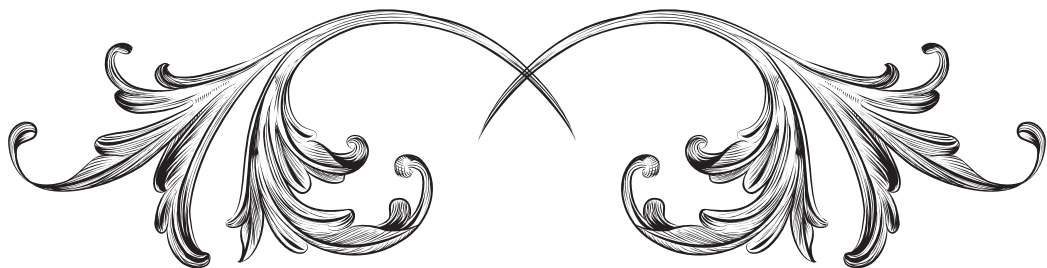
ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Эти стихи — для тебя. Все они — светлые и мрачные, радостные и скорбные, легкокрылые и глубоко-мысленные — призваны сделать мир счастливее. Рождённые в дни мира и войны, праздников и траура, все они — родные, до боли знакомые и экзотические, непривычные; простые, понятные и таинственные, мистические — верны своей высокой миссии.

Отнесись к ним как к музыке и цветам, врачующим сердце, как к добрым ангелам, которые не бросят тебя один на один с болью и бедой.

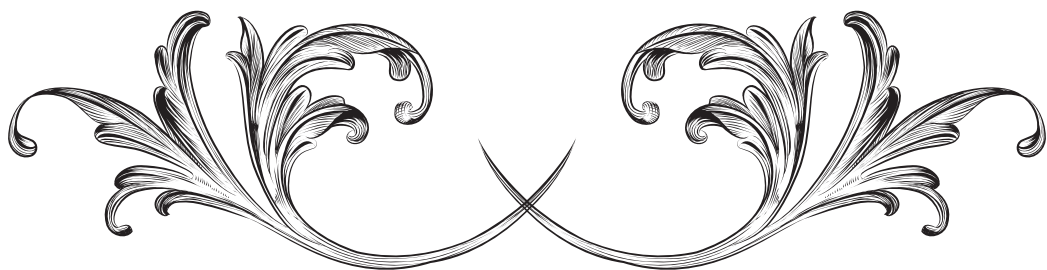
И пусть с ними хорошего в твоей жизни станет больше.

Ирина Узденова

ИЗ КНИГИ
«РАСПЯТОЕ
СОЛНЦЕ»

...

* * *

*Негодование рождает стих.
Ювенал.*

«Негодованьем стих рождён!» —
Воскликнул Ювенал.
Кто гневом праведным вспоён,
Тот горечь рифм познал.

За страх и стыд воспрявший пыл:
Жгла душу боль-стрела
И оперенье белых крыл
Срывала — как могла.

За горечь дней и бред ночей
Стих грусти — гнева стих,
За воспалённый блеск очей
Явился в муках сих.

За то, что каждый светлый миг
Невзгодой опалён,
Мой дивный стерх — небесный стих —
Отчаяньем рождён.

ВАЛЬХАЛЛА

Ни в царство Аида, ни в город теней,
Ни в вечности бездну, ни в Лету
Душа изойдет фейерверком огней,
Навек отгулявши по свету.

Мне русые скальды струной зазвелят,
За всё воздавая восхвалы,
И ярлы почтенно главы преклонят
У мрачных чертогов Вальхаллы.

Врата отворяю в мятежный дворец,
Чтоб в споре со смертью унылой
Рождённой для сбора бунтарских сердец,
Валькирией быть златокрылой.

Не тем, что продались за славу меча,
За кровью кропленное золото,
Что храбростью чтут ремесло палача
В мертвеющем блеске булата.

Иные воители ждут у крыльца,
Иные им битвы знакомы,
Но чужд и безмолвен к ним холод дворца,
Далекого мёртвого дома.

И скопище верных и пылких душой
Умчится в мерцающем дыме,
И Один зловещий свой замок пустой
Поспешно затворит за ними.

ВРУБЕЛЕВСКИЙ ДЕМОН

(По картине Врубеля «Демон»)

На челе твоём печать порока,
На груди — цветы взошедшей ночи.
Страж луны в кручине одинокой
Зрел твои лазоревые очи.

Пересыпал брызгами кристалла
Образ твой творец рукой безумной,
Чтобы плоть мерцала и блистала
Под покровом грусти многодумной.

Чернь кудрей — агатовые блики,
Торс — струя нездешнего сапфира,
Мглой напетый, лик твой полудикий
Ловит на себе проклятье клира.

Сон нисходит в смальтовые плечи
И звенит душа струной латунной,
Исходя в неизвестное далече
Синею тоскою полнолунной.

На челе твоём — печать порока.
Заклеймённый в ночь толпой небрежной,
Вновь глядишь в печали многоокой,
Вновь мне чудится: твой взор — безгрешный.

В СТРАНЕ МЕЖДУ СВЕТОМ И ТЬМОЙ

Когда мне наскучит мой облик земной,
Я знаю — душа воспарит
В мир сумерек вечных меж Светом и Тьмой,
Взлюбив непокорный гранит.

Отпетый волхвами, взметнётся мой прах
В устеленный миртою путь,
Заплачет кудесник о дивных очах,
Узреющих звёздную жуть.

Не примут мук ада и рая покой
Вспоённые ветром огня,
И, суд не дозволя вершить над собой,
Умчатся, оковы кляня.

И в Храме Свободы, вскурив фимиам
Ослепшей от мытарств душой,
Навеки желаю остаться лишь там,
В стране между Светом и Тьмой.

Вчера опять распяли Солнце,
Чтоб впредь так ярко не светило,
И, променяв на блеск червонца,
Сожгли мятежное ярило.

Глумились вы в предсмертной травле
Над тем, что вам тепло дарило,
Над тем, чьи руки так ослабли,
Неся священное кадило.

А ведь, как только б захотело,
Оно бы всё кругом спалило,
Но Солнце палачей жалело
И смирно руки опустило.

Прошло злорадство скорой казни
И потемнели ваши лица, —
Огни последние погасли,
Досель светившие убийцам.

С тех пор жестоки несказанно
К вам были голод и кручины,
И вечных мытарств неустанно
С тех пор искали вы причины.

Но долго б вы впотьмах блуждали,
Ища ответ, как свет в оконце, —
Найдя лишь надпись на скрижали:
«За то, что вы распяли Солнце».

СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ

Добрый святой Николай!.. Однако, если это действительно был святой, почему же он в тот вечер не наведался в дом Бринкеров? Почему один этот дом, такой тёмный и печальный, был обойдён?

Мэри Мейн Додж. «Серебряные коньки».

В далёкой Голландии в ночь новогоднюю
веселья полна детвора,
На столиках праздничных утром сегодня
возникнет подарков гора.
Лишь Ханс и Гретель подарков не ждут,
ведь брат с сестрой — бедняки.
Но снятся им вновь, как всем детям вокруг,
серебряные коньки.

И горькие слёзы от жизни безрадостной
стекают по детским щекам.
А где-то вдали новогоднее празднество
гуляет с мешком по дворам.
Быть может, и к нам забредёт Дед Мороз
— избавит от слёз,
Но снова проходит дорогой не той
новогодний святой.

Не веришь ты в ангелов, Господом посланных,
в волшебников добрых и фей,
В святые деянья безгрешных апостолов,

но в доброе сердце поверь,
Коль бьётся сердце такое в груди,
то чуда того и жди.

Серебряные коньки, серебряные коньки, —
Как ветер, они быстры, как крылья, легки.
Серебряные коньки, серебряные коньки,
Вы счастья предвестники, чуда предвестники.

Когда под сенью ночи в город
Проникнет мрак иных миров,
В душе взметнётся лютый голод —
Дитя непознанных ветров.

Всё тот же вечный, неотвязный
Погонит на пустой бульвар,
И истомит мечтой неясной
В бетон закованный кошмар.

Там, скрытых таинств междометья,
Чернеют здания в ночи;
Там убаюканы столетья,
В красе асфальтовой почив.

Так нереальна строгость линий,
И всё предчувствием томит,
Что вдруг немислимое ныне
Через миг мне облик свой явит.

Из недр неведомых идущий,
Тот зов немой, как смутный крик,
Судьбы минувшей иль грядущей —
Судьбы моей незримый лик.

И нет земного оправданья
Моей немислимой мечте...
Грядёт чудесное свиданье
Наперекор мирской тщете.

ЛЕКЦИЯ ПО КУЛЬТУРОЛОГИИ

Учительница по культурологии
С презрительной усмешкой на устах
Нам приводить примеры будет многие
О том, как жил-да-был буддист-монах.

Как выходил гулять после заката лишь,
Чтоб вдруг на божью тварь не наступить,
И тихо так ступал хитон с заплатами,
Чтоб ту же божью тварь не разбудить.

Придумывал чудак абсурды разные,
Чтоб ненароком мошки не убить,
И вот за те поступки несуразные
Пора бы нам его приговорить —

За все его деяния убогие
Предстанет он пред нами вещь и наг,
Жрецу мы будем судьи очень строгие
И порешим, что жрец тот был дурак!

Над ним мы будем едко похихикивать
И в голос ржать, ухмылкою кривя,
И не простим ему грехи великие
За то, что пощадил он муравья.

О, жалость и пощада! — не в почёте вы
У страшно умных жителей Земли,
Сколь много дюжин муравьёв спасёте вы,
Да нам-то что? — ведь мы не муравьи.

Вот если были б ими — возлюбили бы
Несчастливого в заплатках дурака
И сутки напролёт благодарили бы
За каждого земного червяка.

Ну а пока... дурацкому сочувствию
Предпочитаем разум мы людской,
И он придёт — и умно, быстро, с хрустом вмиг
Раздавит нас бесчувственной стопой.

МАЛЕНЬКИЙ НЕГРИТЁНОК

Один негритёнок сидел у окна —
Всё ждал, ну когда же наступит зима?
«Какой же ты глупый!» — сказали ему,
А он, удивившись, спросил: «Почему?»

Я белые хлопья увидеть хочу,
На облаке белом я вдаль улечу
В страну, где сверкают холодные льды,
Где белые ночи и горы седые.

В стране моей снежные звери живут —
Моржи и тюлени встречаются тут,
Пингвины гуляют здесь важно и чинно,
А в проруби разные рыбки сплывают».

«Так вот что придумал забавный малыш, —
На крыльях фантазии ты улетишь,
Ведь всё это — лишь твои детские сны,
И не было в Африке сроду зимы».

Но мальчик упорно сидеть продолжал,
В окошко глядел и с надеждою ждал,
Когда же появится снежная пыль
И сказкой украсит суровую быль...

И вдруг небеса закружил ураган,
И кто-то воскликнул: «Гляди, мальчуган,
Как белые снежные хлопья летят
К восторгу и радости всех негритят!».

Да здравствуют милые детские сны!
В палящее солнце и холод зимы
Пусть каждый в мечту свою верит и ждёт.
Будь вечен, фантазии нашей полёт!

Когда, влача в горах глуши могильной
Стигматы гнойные души бессильной,
На перепутьях сердца своего
Я повстречала тролля одного,

Он пред людьми был страшен и отвратен,
Им лик его был гадок и нестатен,
Но что мне в том? — ведь я узрела в нём
Деяний чистых, мыслей светлых сонм.

И вот опять и вновь его я вижу
в памяти воображенья
Осмеянным толпой глупцов,
до смерти жаждущих потех,
Но знаю — после всех голгоф
настанет звёздный час преображенья,

И отольется вещим карканьем
стервятникам тот смех:
Прозревши вежды вдруг узрят
уродства истинное отраженье
И горечью кровавых слёз
искупят ртов жестоких грех.

А. ГРИНУ

В морях Несбывшегося тонут корабли,
Заветных мыслей ослепительные судна,
И не достигнув Обетóванной земли,
Крушат борта о рифы жизни многотрудной.

Но снова гонит их солёный бриз мечты
В страны желаний неизведанные кущи,
Чтобы узреть среди безучастной пустоты
Спасенья призрак, по волнам седым бегущий.

Чтоб, золотую цепь сорвав, взметнуть опять
В тот Мир блистающий, где тихо Друд смеётся,
Где Алы́й Парус повернуть не может вспять,
Где морю зла убить мечты не удаётся.

Душа моя — что поле брани,
Где всадник белый, всадник чёрный
По умыслу всемогущей длани
Скрестили копья в сечи спорной.

И передел верша кровавый,
За ратью рать крушат и рушат
В надежде обретенья славы
За сгубленную в битвах душу.

Но сброшу я вериги тощи
И, что бы впредь со мной ни случилось,
Мне в радость, что кровавы мощи
Моей души лишь мне достались.

Пусть вслед глядят, от гнева пенясь,
Мне всадник чёрный, всадник белый.
Сгорев дотла, я — Вечный Феникс —
Воспряну в тризне оголтелой.

ПАГАНИНИ

Лишь распрощаюсь я с денницею очей,
Пред ними явится натруженная кисть,
Мозолью жилистой прокравшись в тень ночей
Сквозь отравлённую бессонницу жизнь.

И вот ночных видений неусыпный строй
Средь обладателей тернового венца
Укажет мальчика с испуганной слезой
Под гневным взором непреклонного отца.

Напрасно тщусь пробиться в зазеркалье сна,
Спаси малютку от побоев и угроз,
За что и кем ему сия юдоль дана?!
Стремлюсь понять — но безответен мой вопрос.

Печален рок, затмивший прелесть детских лет,
И не зальёт его струны волшебный звон,
И слишком рано ўзрит изумлённый свет
Улыбку гения, скрывающую стон.

Пробороздят года... и дивный виртуоз
Предстанет вновь рукоплескающей гурьбе,
И звёздный шлейф гитарных и скрипичных грёз
Он поведёт на растерзание судьбе.

Смычок неистовствует — струны гибнут вновь,
И лишь одна поёт — но невдомёк толпе,
Как ноют плечи, стынут руки, плачет кровь,
В ночи без сна рождая трепетный напев.

Но был божественным бельканто обречён
Ты, слишком певший обезумевшей струной,
И вот уж с дьяволом навеки обручён
Восторги прежние забывшею молвой.

Как много дьявола в речениях глупца,
Чей злость и зависть уж давно сточили ум:
Роптать на дар, что осиян рукой творца,
Вот уж воистину итог чертовских дум.

Дерзайте, гении! Трудитесь день-деньской,
Стремясь всей силою восславить свой народ,
Клир не дозволит схоронить ваш прах земной,
А благодарный люд вас чёртом наречёт.

Есть в отчей Генуе заброшенный овраг,
Там бродит дух, не знавший праведных могил;
Там море нечисти, и лишь зловонный мрак
О светлом мастере там память сохранил.

ЕСЕНИНСКОЕ

Продралó солнце веки-гири,
И душа, как трухлявый пень,
Никому ты не нужен в мире
В этот с прошлыми схожий день.

Чьи-то жаркие уверенья —
Клятвы верности до зари,
Только в них не узреть спасенья,
Больно дешёвы, знать, они.

В мире, где ни за кем не станет
В кровь схлестнуться за клочок земли,
Ждать недолго, пока увянет
Отмирающий цвет любви.

И пока набивалось чьё-то
Брюхо мясом чужим не впрок,
Крик надрывный помочь кого-то
Звал до хрипа, пока не смолк.

Но, лелея надежду глупо,
Что забудешься в пьяном сне,
Вновь кидаешься в омут грубо
Ждать прозренья на грязном дне.

А придёт оно — и ослéпит,
И поймёшь, что и сам-то хорош,
Прожигая себя в винном склепе,
Не спасая, спасенья ждёшь.

Продралó солнце веки-гири,
Смотрит вниз сквозь небес плетень,
Всё ж кому-то ты нужен в мире
В этот с прошлыми схожий день.

Он не солгал нам, дух печально-строгий.
Н. Гумилёв. «Потомки Каина».

На торжище, на празднество хмельное
Врывался он, непрошенный и злой,
Лицо его — худое и больное —
Смущало всюду радость и покой.

И взгляд блуждал — то гневен, то безумен,
И речи лились, дерзки и грубы,
И смех смолкал, как отзвеневший бубен,
И спины гнулись, сникши и горбы,

Когда, топча всеобщее веселье,
Он нам кричал о тюрьмах и гробах,
И скорбный лик отравленное зелье
Вливал в сердца — отчаянье и страх.

Мятежный, предсказаниями замучив,
Он портил жизнь, пиры ввергая в прах,
И страсть, как всем рассказ его наскучил, —
О чуждом горе, о чужих слезах,

О травленных, осужденных, безвинных,
Забывших пред закрытыми дверьми,
О стёртых и обугленных долинах,
О стигмах, заколоченных гвоздями...

История избита и банальна —
Безумец изгнан, проклят и забвен.
Скитался где-то жил (иль нет) опально,
А ныне — горстка праха? пепел? тлен?

...Летели годы в пиршествах и тризнах,
Но вмиг рассеяв призрачный покой,
Забредшая беда в лохмотьях склизлых
Прожгла нас всех безжалостной клюкой,

Усеяла костями свои дороги,
И никому по ним не убежать —
Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Нет, духи скорби не умеют лгать.

Дажбог расплескает наземь свет,
Свят Сварог небесный огонь прольёт,
Стрибог закружит заблудший ветер,
Всякому настанет свой черёд.

Только мне опять отрады нет,
Не под силу, видно, никому,
Коль до сих никто не дал ответ
На мои сто тысяч «почему».

АЛЬТЕР ЭГО

В царстве бредовых идей черти кишат в преисподней,
В мире бесовских затей ты пребываешь сегодня.
Демон разжѐг твою страсть, дьявол вселился в твой разум —
Ты попадаешь под власть всех греховодников разом.

Испепелишь всех врагов в адовой печи возмездья,
Сбросишь нетленность оков, вырвась из плена созвездий.
И, обретя непокой, кровью омоешь забвенья,
Сгинув под чёрной луной в рваное небо сомненья.

Трупные пасти планет делят гранит мирозданья,
Гнилью заброшенных лет тянет из недр подсознанья.
Уничтожает мечты холод внезапного снега,
Друг, да ведь это не ты, — всё лишь твоѐ альтер эго.

**ОСКАРУ УАЙЛЬДУ,
НАПИСАВШЕМУ
«ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИНФАНТЫ»**

Состраданье — великий дар,
Что доступен отнюдь не многим.
Душ порожних гнилой отвар
Льётся в кровь по умам положим.

То ль народ одурел совсем
В вихре жизни шального танца,
То ль невидима стала всем
Пустошь, дрянь в обертке из глянца.

В чём же кроется красота —
В мыслях, слове, поступках, деле?
Может, в форме ушей и рта
Иль в дряхлеющем брэнном теле?

Нет, не спрашивай у невежд —
Зря не тешься пустой надеждой:
Скудоумья людского брешь
Вряд ли скрыть дорогой одеждой.

Вновь лелеет мысль идиот:
«Раз смазливый — так значит красивый».
Только знай, что зеркало врёт,
Врёт безбожно, мой друг спесивый.

Знай ещё — пролетят года,
Плечи сгорбятся, взгляд поблекнет,
Ты поймёшь, может быть, тогда:
Только сердце в годах не меркнет.

В каталоге людских сердец
Сколько жизнь мне ещё предложит,
Но из всех, что создал Творец,
Мне разбитые всех дороже.

Только знаешь, друг дорогой, —
Сердце то я склеить сумею:
Боли нет на Земле такой,
Чтоб не смыть мне слезой своею.

В начертанье небесных строк
Одобренье Божье узрю я,
Эдельвейс — колдовской цветок —
Подарю на счастье ему я.

Люди злы, только даже так,
Хоть от них никуда не деться,
Не позволю я им топтать
Ни цветка, ни души, ни сердца.

НОЧЬ

Сорвав серебристый покров,
Ночь нагая ворвётся в дом
Ледящей поступью слов,
Отдалённых, как лунный звон.

Мгла обратит облака
В звёздные голоса,
В чёрной перчатке рука
Поманит меня в небеса.

И я пойду за ней,
Не слыша стон темноты,
Сотнями тыщ огней
Вспыхнет огонь от звезды.

Но заблужусь вдруг я
В терниях звёздных кустов,
И разорвётся душа
На миллион цветов.

Знай, что в безглазой мгле,
В мёртвой ночной тиши
Путь озарит тебе
Белый цветок души.

СВОБОДА

*Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.*

Н. Гумилёв. «Выбор».

В скольких снах мы искали Свободы, —
Измождённые дети Земли,
Как молили небесные своды
И за звёздными мифами шли.

Вслед в мираж ускользавшей святыне
Погребённые в вечной пыли,
Мерить вёрсты бесплодной пустыни
Мы устать никогда не могли.

Раздвигая железные прутья,
Разгрызая нетленный гранит,
Ждать — когда, на каком перепутье
Свет желанной звезды ослепит.

Истрепав золотые хоругви
И стоптав мириады сапог,
Мы искали свободы друг в друге,
В свисте ветра полночных дорог.

Чтоб понять через многие годы,
Через долгих веков круговерть:
Есть одна лишь, земная, Свобода —
Самому выбирать свою смерть.

СВЕЧА

*В окно врывался ветер, но пламя свечи
не шевелилось, не гасло, лишь быстро
таяла эта свеча...*

А. Грин. «Дорога никуда».

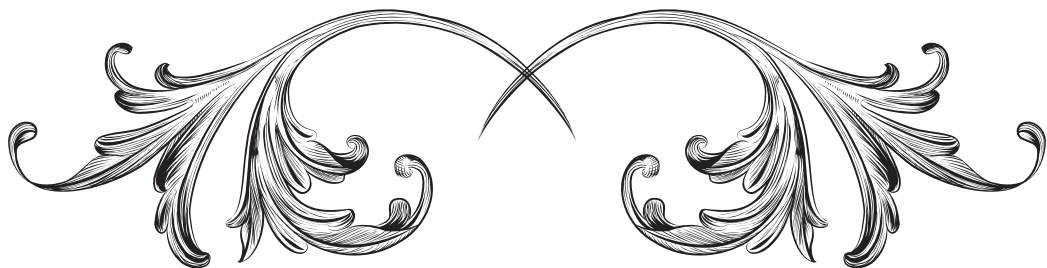
Жила свеча, пылала жарко,
Светила щедро всем в ночи,
И было вовсе ей не жалко,
Что станет крохотным огарком,
Когда раздарит все лучи.

И плакались свече в жилетку,
И пламя брали в долг у ней,
Была полезною соседкой,
Была отзывчивой наседкой
Родоначалница огней.

Но не мину́ли ветры злые
И исхлестали душу в кровь
Измен потоки огневые,
Обиды желчные слепые
За всю дарённую любовь.

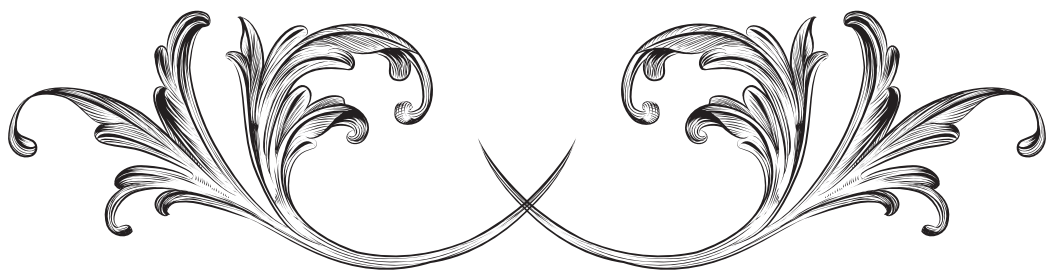
И глупый ветер похвалялся,
Что та свеча им сломлена,
Но зря лукавый бесновался —
Свеча не двигалась, не гасла,
Лишь быстро таяла она.

И тихо в слёзы восковые
Ушла, тоскуя и любя,
И три жемчужины большие —
Лучи горячие живые —
Оставила нам от себя.

ИЗ КНИГИ
«СОЛОВЬИНОЕ
СЕРДЦЕ»

...

ИЗ ЦИКЛА «НОВАЯ ТВЕРДИНЯ»

РОНДО

Летите, стрелы! Мчитесь с циферблата,
Несите прочь минутные утраты;
Песок ссыпайте в бездну оголтело,
Пока река времен не обмелела,
По кругу от рассвета до заката
Летите, стрелы!

Под грохот полуночной канонады
Чеканят шаг незримые парады,
Пытаясь оглянуться то и дело,
За ними век плетётся оробело —
Лентяя вам поторопить бы надо:
Летите, стрелы!

Зловещим боем, стрёкотом цикады
Пугать непосвящённых вечно рады,
О, если б ваша песнь мне надоела,
Пронзили б сердце просто и умело —
А нынче ждите, кликну я когда-то:
Летите, стрелы!

РОНДЕЛЬ

Ах, жаль мне, что разочарован ты
И каяться так горько довелось,
Что серое тряпье твоей мечты
Принцессе Грёзе впору не пришлось.
Проклятья шлют тому, что не сбылось,
Бескрылые, чураясь высоты,
Но жаль мне, что разочарован ты.
Всему внимают, что бы ни плелось,
Невольники молвы и суеты,
Покорствуют, чтоб длительней жилось,
А плётка метит рабские черты —
И жаль мне, что разочарован ты.

СОНЕТ

Тот путь, что пройден, проследить
Расчётливым холодным взглядом,
Насмешки и цинизма ядом
В мечтанья прежние цедить.

Душе бесхитростной вредить
Грехов застиранным нарядом,
Терпеть лжецов с собою рядом
И юных опытно судить.

Сменить наивность грёзы милой
На голос скептика унылый,
Надежды ранние кляня,

Губя романтика бывшего —
Нет, от взросления такого
Избави, Господи, меня.

ТЕРЦИНА

*Когда-то бывали фениксы здесь,
Теперь терраса пуста.
Ли Бо*

Когда полна была терраса
Редчайших и бессмертных птиц —
Певуний радостных Парнаса,

Олимпа избранных жилищ,
И реки дивных песнопений
Лились из царственных цевниц,

И эхом высших вдохновений
Мир вызволяли из ночей
Уроки вещей откровений,

Как сноп спасительных лучей,
Всё зачарованно внимало
Потокам сладостных речей,

Покуда смерть не замыкала
Медоточивые уста,
А после вовсе забывало...

И уносила суета,
И ложь, и зависть крали сказку,
И вот терраса уж пуста;

И чёрной клевете в острастку
Из мира скрылось волшебство —
Нет боле фениксов прекрасных,

Исчезло, смолкло торжество
Сердец святых, душ благородных,
И кружит серое родство

Ворон, до падали голодных:
Их песни мраку по нутру,
А та терраса всё свободна,

Ждёт возвращенья поутру
Певцов любимых и нетленных,
Чтоб лир божественных игру

Вернуть из пепельного плена.

БАЛЛАДА

Старый замок давно
заманил меня в плен:
Он расставил мне сеть
вековых паутин,
Расстелил предо мной
золотой гобелен
На забытый манер
вдохновенных картин,
Чтоб мечте пробуждённой
не страшен был тлен.

Старый замок не звал
ни жильцов, ни гостей,
А меня угощал
королевским вином,
Он от мира не ждал
ни гонцов, ни вестей, —
Он меня привечал
сладким сном о былом,
Редкой птицы приют
меж затерянных скал.

И канцоны напев
под окном ворожил,
Где остались навек
трубадуров сердца,
Волны бились о брег,
и донжон сторожил
Сокровенные тайны
седого дворца,
И невидимый бал
до рассвета кружил.

С той поры я живу
ни сейчас, ни теперь, —
В замке вечной зари
из небес и огня;
Я уже не уйду,
хоть не заперта дверь,
Заповедный мотив
от забвенья храня, —
Не пытайтесь вернуть,
не зовите меня.

Будут свечи пылать,
будут струны дрожать,
И заблещет, как встарь,
нерушимая сталь.
От герольдовых труб
будет время бежать
Обреченным на казнь
в невозвратную даль,
И карета эпох
вдруг покатится вспять.

ПАСТОРАЛЬ

Сыграй, пастух, пусть голосом свирели
Душа споёт и выплечет печаль;
Сравнится только с соловьиной трелью
Прекрасная веками пастораль.

Наскучило мне глупое бряцанье
Сегодняшних придворных гуляров —
Пойду в поля и в лунное мерцанье
Заслушаюсь мелодией ветров.

То веселы они, а то застонут,
Настроят лютню вольную свою
Иль брошенной кимвалы струны тронут
И сами ей тихонько подпоют.

Примчат мне райских птиц напевы нежны,
Плеск волн и громы, сказ чужой земли,
Я ж попрошу их, чтоб из жизни прежней
Твою, пастух, мне песню принесли.

Сыграй — травинка каждая услышит:
Сегодня Аполлона Пан побьёт
В краю, где сердце вечным счастьем дышит,
Где хмель полей и вересковый мёд.

ДОН КИХОТ ВЕКА СПУСТЯ

Страшился пуще казни мерзких козней я,
Стыдился хлеще плети грязных сплетен я —
Скрывал от всех чужой смертный грех,
Жалея слух и неба и людей;

Я верил, что к алмазу не пристанет грязь,
Я шпагою карал зарвавшуюся мразь,
Хоть знал, что клеветник на свете гаже всех,
Хоть не спешил к барьеру лиходея.

Пройду по жизни в солнечной короне —
Сощурятся и враг и друзья,
Но, если щит мой слабых не заслѳнит,
Зачем, мой бог, скажи, родился я.

Я не желал в своё жильѳ впускать жульѳ,
Я гнал с порога и ворьѳ и вороньѳ;
Устав, бросал доспехи на чердак,
И друг трусливо мне шептал: «Держись».

С Мамоной на монеты сердце не менял,
С Фортуной-девкою в рулетку не играл,
И жил, как мог, на ломаный пятак —
Визжали моськи: «Разве ж это жизнь?!»

Пройду по жизни в солнечной короне —
Сощурятся и враг и друзья,
Но, если щит мой слабых не заслѳнит,
Зачем, скажи, мой бог, родился я;
Зачем, тогда скажи, родился я?..

ПАСТУШЬЯ ПЕСЕНКА

Как Бог пасёт небесные стада,
Как в ручьях светла вода,
О том лишь песня скажет без труда —
Как всегда. Как всегда —
Поёт рожок который век:
«Настанет срок — растает снег...»
И песни этой лучше нет,
В мире — нет.

Как луговой цветок, она проста,
Как кристалл росы, чиста,
В ней сладок вереск и тиха печаль,
И зовёт нежно даль:
«Не знаю я, в каких краях
Ты ждёшь меня, судьба моя —
Ступай скорей за песней вслед,
Ведь её лучше нет».

Пусть мчится дней крылатых череда
Никуда, без следа;
Но блещет вечноюная звезда
Для тебя навсегда.
Лучей её прекрасен свет,
И обойди хоть целый свет,
Но песни этой лучше нет,
В мире — нет...

РЫЦАРЬ ЗАБЫТЫХ ДОРОГ

Ты счастье вёрстами мерил
И грёз своих берег
Годами искать ты мог.
Ты звёздам на слово верил
И наскоро с двери
Срывал всякий раз замок,
Когда призывною песней
Трубил тебе рог —
Голос забытых дорог, голос дальних дорог.

Брёл пилигримом в пустыне
И в мнимой святыне
Отраду мечтал найти,
Но только к пыльным руинам
Вели паладина
Итоги его пути.
С тех пор ты гонишь из сердца,
Серьёзен и строг,
Песни забытых дорог, песни дальних дорог.

И не летят каравеллы навстречу ветрам,
И копят жир домоседы впрок,
И не спешат караваны к заветным мирам,
Страшась не вернуться в срок
С обочин дальних дорог.

А помнишь, раньше, бывало,
С открытым забралом
Встречал ты грозу и шторм,
И не робел за штурвалом,
И мрази немало
Акулам спустил на корм.
А ныне весь ты во власти
Забот и тревог,
Рыцарь забытых дорог, рыцарь дальних дорог.

Манит звенящая радость дороги,
Зарёй горит на земных рубежах,
И пусть дойти суждено лишь немногим,
Отбрось скорее сомненья и страх —
Впусти опять на порог
Солнце забытых дорог.

БАРД

I

Когда оборвутся струны
И гитара моя замолчит,
Вместо струн натяну я
Солнечные лучи —
Послушай, как солнце звучит.

II

Когда оборвутся струны
И арфа моя замолчит,
Вместо струн натяну я
Лесные лучи —
Услышь, как вода журчит.

III

Когда оборвутся струны
И лира моя замолчит,
Ветра стон вместо струн натяну я:
В нём чайка рыдает в ночи —
Послушай, как птица кричит.

IV

Когда оборвётся песня
И сердце моё замолчит,
Подхватит её хор созвездий:
В нём сердце небес стучит —
Послушай, как небо звучит.

ИЗ ЦИКЛА «МУЗЕЙ»

СУРОК

Сурок — герой картины главный,
Я сам на этом настоял:
Он заслужил, зверёк мой славный,
А я — обычный савояр.

По свету белому с шарманкой
Который год скитаюсь я,
Сурок — для публики приманка —
Стар, как и песенка моя.

Попутчик, вечно непробудный,
Он скрашивает серость дней
И скрип механики занудный
Забавной мордочкой своей;

И дарит песню за пятак,
А тем, кто беден — просто так.

(по картине Ватто «Сурок»)

АСТРОНОМ

Пытливый отрок, в тайны мироздания
Проникнуть жаждавший, — таков был ты.
Светил небесных тусклое мерцанье
Ценил превыше всякой красоты.

Тебе шептали древние сказанья
Во мраке вековечной немоты,
И ты разглядывал, тая дыханье,
Ночного неба бледные цветы.

Старик седой, теперь ты всё изведал,
За столько долгих кропотливых лет
Наукой скучных чисел стало небо:

Тебе загадок во Вселенной нет,
Но взор стремится ввысь и сердце следом,
И чудо вновь сулит волшебный свет.

(по картине Саломона Конинка «Астроном»)

ЛЮТНИСТКА

Образ скромный, лик келейный —
Всё неброские тона;
К песне ангелов елейной
Лютня старая дана.

Кому злато да палаты,
Кому титул да земля,
А ты музыкой богата,
Песни — вся твоя родня.

В них и дивное веселье,
В них и храмы, и дворцы,
В них и сказочное зелье,
И бесценные ларцы.

Дивной песни дар чудесный,
И за то в любой дали
Щедр к тебе и царь небесный
И земные короли.

(по картине Юдит Лейстер)

ПОРТРЕТ ДОКТОРА ГАШЕ

*Пусть меня простит Винсент Ван Гог
За то, что я помочь ему не мог...
А. Тарковский*

«Когда приходит в этот мир великий,
Благословенный, как никто другой,
Казалось бы, сдувай с него пылинки
И на руках носи, весь род людской;

Ты ешь плоды его святого сердца,
Он не скупится, — так и ты цени,
Тебе всю жизнь под этим солнцем греться,
Так не губи мечты его и дни...

Но мир не платит за добро любовью,
Ему не нужно гениев живых;
Как прежде, тело запивает кровью
И продает спасителей своих.

Художник нищий никому не дорог —
Ни церкви, ни искусству, ни врачам;
Как страшен путь его и как недолог,
Как немощен я сам, его леча...»

Так размышлял Гаше, скорбя глубоко,
Заране зная, что спасенья нет,
Покуда кисть великого Ван Гога
Увековечивала сей портрет.

ЛЕВ И ЯГНЁНОК

Кто выдумал, что лев жесток, кто царственность мою
Посмел пятнать нелепой клеветой?! —

Да, я жесток, но видит Бог, что лишь со злом в бою,
А так — не тронул мухи ни одной.

Властитель я, и кажется презренному глупцу,
Что силу царь обязан утверждать,
Суровым быть, а мне бы, словно доброму отцу,
Ягнёночка к груди своей прижать.

Я милосердьем славился, когда моложе был,
Но доброту считал слабиной:
«Ах, вот так царь да государь, что ж нюни распустил,
А ну-ка с трона хилого долой!..».

Я победил тогда, но понял раз и навсегда,
Что беспощадность — грустный мой удел,
И как бы ни была чужда душе моей вражда,
Зверьё не станет жить, как я хотел.

С тех пор приводит в ужас всех свирепый облик мой,
И стать, и гривы солнечный венец,
И сталь когтей кинжальных в ножнах лапы золотой,
И гневный рык — гроза пустых сердец.

Но мирного ягненка никогда не обижал
И на съеденье не отдал зверью,
Я в ярости их драл и гнал, и мерзкий сброд бежал,
Увидев душу львиную мою.

Теперь с ягнёночком своим — он вместо сына мне —
Мы правим в царстве сказочных песков,
Зверьё исправно платить дань — и платит уж вдвойне,
Страшась сыновней кротости и папиных клыков.

ТАНЦОВЩИЦА НА КАНАТЕ

Девочка настойчиво рисует:
Карандашик линию ведёт —
Маленькая храбрая плясунья
По канатной проволоке идёт,

А вокруг неё летают птицы,
Солнце ей глядит тревожно вслед...
Ей уже нельзя остановиться,
И назад пути, как видно, нет.

В окнах кверху задранные лица
Сверлят взглядом хрупкий силуэт,
Им бы за артистку помолиться,
А они гадают — да иль нет,

Суждено пройти или разбиться —
Делайте же ставки, господа!..
И в рассветном золоте лучится
Юная и смелая звезда.

Проволока привязана к вершине,
Над которой только облака,
Но в душе плясуньи нет гордыни —
Не глядит на ближних свысока.

Просто должен небеса с землёю
Кто-нибудь связать собою вновь,
И канат растянутой змеёю
Стопы ей растерзывает в кровь.

А она с изяществом безумиц,
Навсегда презревших страх и смерть,
Вскользь поглядывая в пропасть улиц,
Попирает облачную твердь.

Благовестьем ласточки весною,
Дерзкой верой в дивную мечту,
Никому не ведомой ценою
Дарит всем седую высоту.

Не берёте? — что же, дело ваше,
Больше неба будет для других,
И она не зря над миром пляшет
Со скакалкой из цветов живых.

Каждому своё дано на свете —
Ей вот с птичьей песней по пути,
И, в лицо заглядывая смерти,
По судьбе, как по небу, пройти.

ИЗ ЦИКЛА
«МОЁ СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ»

(ЭПИГРАММЫ)

КЛОП

Лев умер от укуса комара!* —
Да, тварь ничтожная царя убила.
Презренный гнус, дрянная мошкара
Великим не однажды кровь травила.

Но ты и не комар, ты — клоп простой,
Лишь потому пока еще прыгучий,
Что хоть зловонен ты, когда живой,
Раздавленный, ты — более вонючий.

**Сказано о смерти Ричарда Львиное Сердце.*

МОСЬКА

Взгляни, зоил, на памятник поэту:
Ты видишь — шавка вокруг него бежит;
Послушать тварь взбесившуюся эту —
Точь-в-точь, как ты, и лает, и визжит.

Великий ей и в мраморе опасен,
Пытается испортить монумент,
Но лапы коротки и труд напрасен —
Клыки ломает вновь о постамент.

Вот, моська, для тебя пример полезный:
Умойся и не меть так высоко,
Не то получишь мраморной ль, железной
Под хвост — гордись — гениальною стопой.

КЛЕОПАТРА

Самой не одолеть мне этой муки,
Но как уйти, когда царица я..
Враги — всего лишь жалкие гадюки,
А мне нужна священная змея.

Её укусы вынесу спокойно:
Антоний мой, тебе недолго ждать —
Готова я. Любовь славней, чем войны,
И для неё мне легче умирать.

Ко мне, мои последние подружки,
Богам я не доверю свой уход.
Довольно слушать, как рыдают слуги,
Я тороплюсь на солнечный восход.

Я жду, спеши наполнить жилы ядом,
Иного мне не надобно питья,
Пора уже отведать винных ягод —
Зову тебя, священная змея.

Мне ничего не жаль, люблю свой жребий,
С уреуса наследного скользя,
Приди, освободи меня скорее..
Благодарю, священная змея..

ДАВИД

Я — монах, и поступью неслышной
Не тревожу суетливый мир,
Хорошо мне под небесной крышей
Знать, что ты — единственный кумир.

Тащат грешники возы пороков,
Веселятся, жгут костры страстей,
Мне ж милей речения пророков
И псалтирь, полна благих вестей.

Я — арфист, и песней сладкозвучной
Должен сердце царское смягчить,
Чтоб гневливый дух его не мучил,
Чтоб людское бремя облегчить.

Я — воитель, пастырь и правитель,
Берегущий агнцев и людей,
Сеятель, родитель и строитель,
И защитник старцев и детей.

Кем ещё я стать сегодня должен? —
Подскажи мне, что всего важней:
Великана побороть, мой Боже,
Иль творить молитву всех нужней...

ПОЭМА «ЦВЕТА»
(ВЕНОК СОНЕТОВ)

I
БЕЛЫЙ

Мне скучно было б жить без вас, цвета!
Мой белый, я люблю тебя, как брата;
Всё, чем Земля горда и небогата,
В тебе сокрыто — свет и чистота.

Небес, вершины снежной высота, —
Всё лебединой нежностью объято —
И лунное свечение карата,
И облачно-крылатая мечта.

Всё ты — и пеннотканная волна,
И лотоса святая белизна,
И глыбы льдин пугающе-бесстрастных,

Сияющей надежды корабли...
Что без тебя все прелести Земли,
Как без цветов душистых и прекрасных.

II
ЖЁЛТЫЙ

Как без цветов душистых и прекрасных,
Без цвета варварского божества
Природа ни жива и ни мертва
В минуты ярости небес всевластных.

Не золотят лучи полей несчастных,
Не всходит медоносная трава,
Не зреет злак, и тучи торжества
Не утаят в гримасах безобразных.

В морской смоле, как в зеркале, видны
Паломники пустыющей страны:
Их, живописцев истины безгласных,

Манит магнит песчаной глубины —
Без охристой живящей желтизны
Поникла б кисть в усилиях напрасных.

III ОРАНЖЕВЫЙ

Поникла б кисть в усилиях напрасных,
И ускользнул бы призрачный пейзаж,
И вновь исчез заветный флёрдоранж
С фаты фата-морганы снов неясных.

Ведь много среди грёз дорог опасных
И крут реки Оранжевой вираж,
Но вновь влечёт сапфировый витраж
Обилием видений неотвязных.

И юный фантазёр пока не знает,
Что жизнь сама нектаром их питает,
Волшебна, вожделенна и густа;

Что в царстве апельсиновом сияет,
На каждой ветке солнцем расцветает
Над ширью невоскресшего холста.

IV
РОЗОВЫЙ

Над ширью невоскресшего холста
В закатной дымке неозвратно тая,
Озёрных чаек розовеет стая:
Не избежит бесцветья пустота

Шипов благоуханного куста,
Не соловей — скворец степной, летая,
Скликает ветры там, простор листая,
И песнь его прекрасна и проста,

Как знойный аромат — Дамаска роза,
Как стан фламинго — линия вопроса.
Вновь бредит без палитры немота

Цветком ветров и розою романской...
В войне гербов играет новой краской
Платков цыганских, радуг пестрота.

V
КРАСНЫЙ

Платков цыганских, радуг пестрота
И зарево зари в кострах бунтарских
Пылают пламенем ковров бухарских —
Пожар жары и цвета духота...

Гранат сердец и граней острота,
И горсть карбункулов в уборе царском,
Калины горечь, сладсть плодов болгарских,
Вина и вен вишнёвые уста...

Обагрена пером певца рука
И киноварью истины — строка,
Всё полно кровью и лозою страстной;

И ближе взору алый галиот,
И длится феерический полёт
Павлиньих перьев, крылышек атласных.

VI
СИРЕНЕВЫЙ

Павлиньих перьев, крылышек атласных —
Тёмно-сиреневых сатурний глаз —
Узоры шёлка разглядел топаз
Очей, и днём и ночью неугасных.

Портной одежд цветистых и цветастых
Весну в них нарядил в который раз:
«Мадемуазель Сирень, мы ждём лишь Вас», —
Твердит прелестным голосом всечасно.

Мадемуазель Сирень, вся власть лишь Вам,
Вся мощь апрельским краскам и духам,
Весь хмель договорённостей негласных,

Чтоб всё, что не желанно никогда —
Печаль, воспоминанья и года —
Всё потонуло б в сумерках ненастных.

**VI
ЗЕЛЁНЫЙ...**

Всё потонуло б в сумерках ненастных,
Но луч зелёный — светоч вечеров —
Сорвал с природы гробовой покров,
И ночь бежала прочь в лохмотьях грязных,

Забрав и боль, и беды — слуг злосчастных...
И жизнь воскресла в зелени садов,
В тиши пруда и шелесте дубров,
В оазисах ликующих и праздных.

Неувядающею терпкой хвоей,
Как силою своей вечноживою,
Искрились жизни сок и полнота;

Зелёный мыс — души святая воля,
Где безвозвратно отмирает горе
Пожухлостью осеннего листа.

VIII
ЦВЕТ МОРСКОЙ ВОЛНЫ

Пожухлостью осеннего листа
У входа в рай — полоска побережья,
Океаниды в кружевных одеждах
И ослепительная нагота

Киприды, здесь рождённой неспроста
Из недр морских, из пен лазурно-снежных,
Где зов сирены губящий и нежный,
И где волна, как чешуя хвоста

Русалочьего сине-зелена,
Как панцирь биссы, как мерцанье дна —
Пусть ею не губам, очам упиться.

Чем злее взор Нептуна, тем темней;
Мрачней aqua marina, и уж с ней
Одна лишь красота могла б сразиться.

IX
ГОЛУБОЙ

Одна лишь красота могла б сразиться
За дух святой — господню голубицу,
За неба непорочный лазурит,
Что звёздами в полночи горит,

Что соком голубиковым в криницу
Льёт млеко и благие сны поит,
И чутким по секрету говорит,
Что снобов кровь — протухшая водица.

И только в Ниле голубом всегда
Свежа, светла священная вода,
Что, первым исполинам дав напиток,

В уреусах застыла бирюзой
И вечно спорит властью былой
С невзрачностью, проникшей в кровь и лица.

**Х
СИНИЙ**

С невзрачностью, проникшей в кровь и лица,
На синем море синие киты
С рассвета и до полной темноты
До смерти иль победы будут биться.

Кто не расслышит флейты синей птицы,
Тот унесёт усталые мечты
В сад синих роз — тенета немоты,
В забвенье там надежда превратится:

Не воскресит её ни власть, ни сила —
Ничто, и только синие чернила,
Что в рукописях светлого творца

Живой водою всё спасают снова,
Противопоставляя мудрых слово
Калечащей и думы и сердца.

XI ФИОЛЕТОВЫЙ

Калечашей и думы, и сердца,
Бездушности нет цвета и прощенья,
Глаза фиалок жаждут лишь отмщенья —
И палачам не избежать конца.

Не прячь от горя бледного лица:
Вот щит лиловый, он — твоё крещение,
Коснись его — изведай посвященье,
И боль, и свет тернового венца.

Велюр ночных небес лилов и мглист,
Слезою блещет лунный аметист,
И каждая слезинка звёзд лучится —

Печаль небес рыдает столько лет,
Чтоб мог горючий ультрафиолет
Бесцветье озарить пером жар-птицы.

ХИ КОРИЧНЕВЫЙ

Бесцветье озарить пером жар-птицы,
Что яблоки коричные клюёт
И на ветвях коричника поёт
В садах, где запах кофе и корицы,

Легко, когда всё это вам приснится,
И коркой шоколадной обростёт
Старинной книжной кожи переплёт,
И под рукою вдруг вздохнут страницы.

А вы попробуйте-ка наяву
В унылую осеннюю листву
Бесцветью мглы суметь не покориться;

Сберечь душою карий взгляд икон,
Презреть соблазнов полный Вавилон
И цвет спасти от службы у бесстыдства.

ХІІІ СЕРЫЙ

И цвет спасти от службы у бесстыдства,
И мир — от серых крыс — так нелегко,
Как невозможно болтуну жако
Вдруг песней соловьиною залиться.

День пылью придорожной серебрится,
А ночь скрывает кошек и волков,
И силуэты серых облаков, —
Всю серость мира, и ползут мокрицы

Уныло по асфальту и бетону,
По мостовой, сливаясь с общим тоном, —
Их шествие губительней свинца.

И в душах та же серость, и в деяньях,
Их слéпит луч в спектральном одеяньи,
Взойдя на трон нетленного дворца.

XIV
ЧЁРНЫЙ

Взойдя на трон нетленного дворца,
Луч бился с темнотой последней ночи,
И всех пантер опаловые очи
Следили за движеньями борца —

Бой чернокнижницы и чернеца,
Лишь в мезцо-тинто отражённый точно,
И черноты утраченная прочность
Под натиском острейшего зубца.

Землёю, углем и смолой тягучей
Был голод цветовой чернее тучи
В ночь самого тяжёлого поста:

Так аллилуйя вновь триумфу цвета
В признаньи знойном в вечном царстве лета —
Мне скучно было б жить без вас, цвета!

XV
КАЛЕЙДОСКОП

Мне скучно было б жить без вас, цвета!
Как без цветов душистых и прекрасных,
Поникла б кисть в усилиях напрасных
Над ширью невоскресшего холста.

Платков цыганских, радуг пестрота,
Павлиньих перьев, крылышек атласных —
Всё потонуло б в сумерках ненастных
Пожухлостью осеннего листа.

Одна лишь красота могла б сразиться
С невзрачностью, проникшей в кровь и лица,
Калечащей и думы, и сердца:

Бесцветье озарить пером жар-птицы
И цвет спасти от службы у бесстыдства,
Взойдя на трон нетленного дворца.

ИЗ ЦИКЛА «ЛЬВИНЫЕ ПЕСНИ»

Это понял, лишь увидел моего святого Льва!

В. Я. Брюсов

ЛЬВИНЫЙ ГОРОД

Посвящается Санкт-Петербургу.

Святым не зря был назван ты,
Ведь в самую лихую пору
Тверды святые и чисты,
Несокрушимый львиный город.

Твой свет — их очи из огня,
Уборы — гривы их седые;
Моя прекрасная родня,
Я жму им лапы золотые

За то, что горды и важны,
За то, что статны и свободны,
За то, что, как и встарь, нужны
Своею силой благородной.

Мощью и волей Петра,
Силой крылатого льва
Вечно будь полон, город святой!
Дни твои будут светлы,
Если уж ночи белы,
Сотканный солнцем трон золотой!

ЛЕВ И МОРЕ

Нитью горизонта сшиты обе синевы
В полотно, душе моей любезное,
Там, где занимают звёздный и морские львы
Океана гладь и ширь небесную;

Там, где пена облачная с гривой волны
Белизной сплетается ажурною
И в ночи, как яхонты, сверкают валуны,
Сторожащие страну лазурную.

А пустыня душная — мой бесконечный пляж,
Поступью осилишь только царскою,
Ну а море южное — несбыточный мираж —
Путника манит обманной ласкою;

Только те, кто зря играли с золотым огнём,
Сердцем льва и лапою повержены, —
Вот и ты смирился, непокорный водоём,
Не сумев перечить неизбежному;

Бьешься из последних сил под бархатной стопой
И шипишь в тоске на победителя,
Только я ведь шёл сюда не для войны с тобой,
А за синевую удивительной.

Нет царю пустыни непокорной высоты,
Так потешусь я забавой львиною —
Доплыву стремглав до той неведомой черты
И зажгусь звездой триединою.

ИЗ ЦИКЛА «КОМЕДИЯ ДЕЛЬ АРТЕ»

АРЛЕКИН

Меня создали хмурым серым днём —
Смеющегося яркого ребенка,
И в пёстром одеянии моём
Все радуги, смешавшись, пели звонко.

Я точно в прошлой жизни был Пьеро
И прятал боль в поникшие ресницы;
Предание и скучно и старо —
Давно я был прекрасной белой птицей.

Когда меня снедали скорбь и грусть,
Мне в грудь швырял вертеп вонючий камни.
Теперь я — Арлекин, и сам берусь
Вас наградить пинками и плевками:

Довольно вам смиренных распинать, —
Святого засмеять до смерти просто,
И грязью, и шипами устилать
Дороги от подмостков до погоста.

Теперь прищур заменит ясный взгляд,
Насмешка — сострадания текстуру,
И едких шуточек горячий яд
Вы примете, как горькую микстуру.

Вольно́ вам честь и совесть осмеять,
А мне вольно́ куражиться над вами;
Вы все — Пьеро отныне для меня,
Мальчонки для битья под колпаками.

МАСКАРАД

Кто не нашёл удачи и наград,
Кто изнемог от жизненных утрат,
Кто ото всех бежать сегодня рад,
Тот поспеши на маскарад.
Там спрячешь серость, скроешь пустоту,
И грех, и раны свежей наготу;
Под маской будешь ты совсем другим —
Ты станешь весел и любим.

Ах, Маскарад! Ах, Маскарад!
Когда-то был счастлив и млад
Наивный маг, чудес для всех хотел —
Как ты печально повзрослел,
Как ты печально повзрослел.

Поставь пришельцев новых в стройный ряд,
Взгляни, какой изысканный парад,
Им просто скучен будничныи наряд,
Затем и нужен маскарад.
А ты дарил им новое лицо,
Ты был для них ещё одним творцом,
Но фальшь сжимала адское кольцо —
Теперь ты ширма для лжецов.

Ах, Маскарад! Ах, Маскарад!
Когда-то был всем маскарад рад,
Наивный маг, ты счастья всем хотел,
Как ты печально повзрослел,
Как ты печально повзрослел.

Повеса жаждет вновь пустых затей
И под плащом клинок таит злодей —
Ну разве для того ты их собрал
На этот полуночный бал?..
Погасли звёзды на плаще твоём,
Но вечер будет, и с тобой вдвоём
Мы старый дом наполним волшебством,
Мы чудо прежнее найдём.

Ах, Маскарад! Ах, Маскарад!
Ты будешь снова маскарад рад,
Великий маг, нам незачем взрослеть, —
Мы не успели постареть,
Мы не сумели умереть.

ПЬЕРО

Когда под вечер в балаган
Толпой стекается народ,
Пьеро, привычный к тумакам,
Там песни жалобно поёт:
«Зачем смешна вам боль моя,
Зачем так жаждут взор и слух
Увидеть, как рыдаю я,
Услышать звон моих оплеух?..»

Эх, бедный Пьеро,
Кому какое дело —
Скриви бледный рот,
Толпа повеселела;
Эх, белый Пьеро,
Ты сам виновен в целом —
Средь стаи ворон
Светиться так не дело.

«Какой прилежный трубадур», —
Всё потешается народ. —
«Он хвалит нам прелестных дур,
А сам-то рогачом сливёт».
«Зачем бренчишь ты про любовь?
Раскрой глаза скорей, чудака, —
Гляди-ка, Арлекино вновь
Повел жену твою в кабака».

Ах, белый Пьеро,
Душа белее мела,
Печальный герой
Из сказки престарелой.
Ах, бедный Пьеро,
Им подавай Отелло,
Чтоб с твёрдой рукой,
Чтоб дух чернее тела...

За то, что был ты слишком бел
Одеждой, сердцем и лицом.
Господь терпел и нам велел —
Ведь не поспоришь же с творцом.
Смотри смелей в набитый зал,
Утри носы ты дуракам —
Сам бог оплеухи получал,
Да по обеим-то щекам.

Мой белый Пьеро,
Душа белее мела,
Пусть слёзы и кровь
На крыльях снежнобелых.
Мой бедный Пьеро,
Гляди повеселее,
И тысяч корон
Мне твой колпак милее.

МАСКИ

Не принимай от жизни скудные початки,
Пускай душа змеиной кожицей сползёт, —
Переступи, меня судьбы, как перчатки,
И в маскарад, пока двенадцать не пробьёт.
Строптивца-счастье не упрятать за личиной,
А боль уляжется умело и хитро,
И зарыдает за портьерой Арлекино,
И уж, конечно, от пинков не весело Пьеро.

Маски, маски, маски,
Я не лишу вас своего благословенья.
Маски, маски, маски,
Я доиграю вашу проклятую роль.
Маски, маски, маски,
Пусть для кого-то вы лишь символ лицемерья,
И вовсе не прекрасен расколдованный король.

За чай хоть к чёрту табакерочному в гости,
А там — куда бы, но куда б ни занесло,
Везде в награду лишь обглоданные кости,
Зато картонный меч опять зарубит зло.
О, неизменное движение к развязке —
Але! — и сок вишнёвый выплещет из ран,
Но за кулисами состарившейся сказки
Стал катафалком позабытый балаган.

Маски, маски, маски...
Вглядись в безретушные муки лицедея;
Маски, маски, маски —
В иные сферы неприкаянный пароль.
Маски, маски, маски,
Опять по прихоти невежды иль злодея
Заколот на жаркое из волшебной шляпы кроль.

Что ни сеанс, не счесть чудес преображенья:
В исповедальне многотысячной не лгут,
Молва сочтёт героев ваших прегрешенья,
Но вновь суфлёром принца крови будет шут...
Я не сбегу в чужих шелках в финале пьесы,
В разоблачения прекрасные черты
Смотрите все — служанка лучше виконтессы
В лохмотьях звёздных воплотительниц мечты.

ДРОЗД И ЧЕРВЬ

Басня

Червь: Ты посмотри получше на меня
И на себя — как сыт, как жирен я —
И как ужасна худоба твоя;
Не кормят песни даже соловья,
А ты-то что ж — в такие-то года,
И до сих пор без своего гнезда
Летаешь, напеваешь беззаботно, —
Что за занятие, что за работа?!

Дрозд: Прости, никак не удержаться мне —
Так вольно и чудесно в вышине,
Что музыкою сфер пленила слух мой,
Пока пред каждым ползал ты на брюхе.
И впрямь, гляжу, без дела не сидел
И всё зерно с полей опять ты съел,
Пока тощал я, в облаках витая;
Но нынче твой послушаю совет
И ни за что не упущу обед,
Ты жирен? — Верно, так склюю тебя я.

**ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ
МАЛЬЧИК**

Помню прежнюю печаль:
В цирке акробат упал
Навзничь, и разбился насмерть,
И в испуге ахнул зал.
Было это так давно —
В старом детском том кино
Он сорвался белой птицей,
Взмыв на миг под купол, но...

Зал опять ждёт,
Смотрит недоверчиво:
«Повтори полёт,
Мальчик гуттаперчевый!».
Может, зал поймёт,
Как до неба далеко,
Если разобьёт
Белое трико.

Гуттаперча — не хрусталь,
И её почти не жаль:
«Надо было осторожней», —
Кто-то злобно прошептал...
Старую листву афиш
Ветер гонит с серых крыш,
Ты на землю без страховки
Белым ангелом летишь.

Зал тебя жжёт
Взглядом недоверчивым,
Отмени полёт,
Мальчик гуттаперчевый;
Зал ведь не поймёт —
Небо слишком высоко,
Просто разобьёт
Белое трико.

Не позволено играть
Теми, кто рождён летать:
Шест непрочный знает точно —
В небо взмоешь ты опять.
В цирке темень и жара,
Не спасли прожектора —
От слепой и душной ночи
До далёкого утра

Зал всегда ждёт,
Ропщет недоверчиво,
Короток полёт,
Мальчик гуттаперчевый;
Не забыть о том,
Как бесстрашно и легко
Режет ночь лучом
Белое трико.

ГУЛЛИВЕР И ЛИЛИПУТЫ

- Гулливвер:* Я выше всех, уж вы меня простите,
Я вас ничем унижить не хотел.
Но королём не буду, не просите...
- Лилипуты
(в сторону):* А хоть бы и на трон, да только б сел,
И сколько расту в нём — поди исчисли,
Теперь вот руки-ноги береги;
Но что страшней всего, так это мысли —
Уж больно высоки и велики.
- Гулливвер:* Пусть не пугает вас душа титана:
Она огромна, потому что я
Люблю весь мир, не видя в нём изъяна,
И вас — моя прекрасная семья!
- Лилипуты
(в сторону):* Тебя, родной, как раз нам не хватало
Для одоления множества врагов
А если б храброго в бою не стало,
Здесь всяк его оплакивать готов.
Глупец-то благороден — вот и славно,
Сыграем-ка на жалости его:
Мол, все нас обижают — малых, слабых,
Защиты, дескать, нет ни от кого.
- Гулливвер
(в сторону):* Как странно, вроде безобидны крохи,
И вид их мне, и голос — сердцу мил;
А временами чудится, что — блохи,
И кровь мою уже сосут из жил...

СОЗДАТЕЛЬ КУКОЛ

Мой кукольный театр наполнен счастьем,
Шумит в нём праздник иль царит покой;
Я хрупкий мир скрываю от ненастья
Заботливой и щедрою рукой.

Не знают ни обид, ни унижений
Актёры и создания мои,
Не ведают ни бед, ни поражений
Рождённые во благе и любви.

Им не приелась бережная нежность
И ящик — их надёжный тёплый дом;
Им не нужна вселенская безбрежность
И не страшны ни ураган, ни гром.

Насмешникам наивным не тревожны
В рассказах хлопотливого отца
Печаль, прокравшаяся осторожно,
И горьковатый вкус судьбы творца.

ИЗ ЦИКЛА «САМОЦВЕТЫ»

САДОВНИК

Как розы мне от розги убережь,
Велик мой сад, и не объять вниманьем
В нём каждый лепесток, хоть со стараньем
И день и ночь готов я их стеречь.

Смирить пытаюсь смертоносный смерч
И не отдать цветы на растерзанье,
Но каждый день отмечен опозданьем
И мне не снять вины с усталых плеч.

Опять косою срезаны бутоны
И в их последнем вздохе снова стонет
Нимфея белая — душа моя;

Растенья в адском пламени заката
Пред увяданьем ужасом объаты,
Но свято в их спасенье верю я.

ПОЭТ – РОДИНЕ

Посвящается С. Есенину.

I

Отчий край снова зимы баюкают,
А на сердце легко и светло,
Словно землю весеннюю вьюгою
Цветом яблоневым замело.
Целовал он тебя жарче солнышка —
Так любил он раздолье твоё,
А как пел златокудрый соловушка,
Так тебе уж никто не споёт.

Припев:

Одеялом из облака снежного
Обогрей его сердце скорей:
Несказанного, синего, нежного
Не жалеи для него, не жалеи.

II

Страна ль ты моя незабвенная,
Как твоей мне дозваться весны —
Ведь не греют лучи чужеземные
Сердца певчего снежной страны.
Лились строки рябиновой кровушкой
В час, когда к незакатной звезде
Улетал златокудрый соловушка,
Сердце в песнях оставив тебе.

Припев.

III

Прозвучит ещё песня весёлая
На полянах родных и лугах,
Засинеют слова васильковые
И в земных, и в небесных снегах:
Отцвела золотая головушка,
Только в каждой певучей судьбе
Прозвенел сладкогласый соловушка
О тебе снова, Русь, о тебе.

Припев.

БРАВЫЙ ЦВЕТОК

Цветок прекрасный, с юных лет своих
Узнал ты, как собратьев убивали,
Как рвали для забавы их на миг
И сапогами грязными сминали.

Ты скрыл от мира хрупкость лепестков,
Ты сердце нежное сковал бронёю,
И, поборов удары всех ветров,
Теперь ты воин, отважный воин.

Пуškai твои соперники пищат —
Какая в том, скажи, тебе забота,
Что, поскупившись на шипы и яд,
Тебя совсем не берегла природа.

Былые слёзы выдай за росу,
Былые шрамы зарубцуй пыльцою
И, разломав смертельную косу,
Опять воскресни с новою зарёю.

Будь смел и горд с достоинством цветка,
Непобедимым будь — так, видно, надо,
Чтоб мощной силой стала на века
Твоя бравада, твоя бравада.

УТ-РЁСТ

Воздушных линий перекрёсток
В осеннем сумраке небес,
Кружат три ворона Ут-Рёста, —
В их хриплых криках счастья весть.

Теперь не душит притяженье:
Земля не в силах удержать
Души всевластное веленье, —
Давным-давно пора взлетать.

И море воздуха и света
Уже заждалось в вышине,
И остров солнечный тот где-то
За горизонтом, и волне

Челнок доверится свободно,
И ветер сам домчит туда,
Где ждут героев благородных
С любовью, радостью всегда.

ХЛЕБНЫЙ КОЛОС

Я спою тебе, как птицы,
которым ты даришь силы
петь и летать;
Я спою тебе, как ребенок
на своём дивном языке,
с самой чистой улыбкой на устах;
Я спою тебе, как поёт тёплый дождь,
напоив тебя слезами радости;
Я спою тебе, как поёт солнце,
разбудив тебя на заре нежными лучами
и убаюкав колыбелью заката;
Я спою тебе, как поют звёзды в ночи,
считая твоё поле лучшим из морей;
Я спою, как старец поёт о тебе
в благодарственной молитве
за лучшее, что есть на Земле;
Я спою тебе, как ветер,
ласково качая на летних
волнах сумерек:
Мы любим тебя, Хлеб,
Мы поём тебя,
хотя ты сам — Песня!

ЗИМА

Как льдистым хрусталём, заковано окно
Дыханьем снежной королевы,
И целые моря взяло в полон одно
Касание декабрьской девы.

И пудра на ветвях алмазною пылью
Искрится ночью в синей дымке,
И зеркала замёрзших звёзд достать рукой —
Небес кристальные кувшинки.

Застыли станы прежде пламенных свечей,
И хладны слёзы восковые,
А с крыш свисают гроздь северных лучей,
Каймы сплетая кружевные.

И убран белыми бутонами дворец
Царицы бури и метели,
И пламенем чистой белизны сердец
Горят рождественские ели.

Всё захлебнулось вьюгой где-то позади —
И очертания и речи;
Зима, серебряною птицею шепча: «Входи...»,
Зовёт тебя в свой лучший вечер.

СТАРАЯ СКАЗКА

*...он писал об истине, добре и красоте,
а люди понимали во всём этом
столько же, сколько коровы в розах.
Ханс Кристиан Андерсен. «Тень».*

Как ночь за днем, как тьма за светом
вечно ходит следом,
Так за великим тень его ползёт;
Как вор, крадётся по пятам,
трусливо жмётся к стенам,
И паутину серую плетёт.

Полпорции съедает тень
за праздничным обедом,
Торопится успехи разделять.
Но дни благие отойдут,
Черёд наступит бедам —
И тень сумеет вовремя слинять.

Запрёт великого судьба
в подвал сырой и тёмный —
Он там, увы, останется один:
Где тёплого местечка нет,
там тени нет проворной,
Бедняк недужный ей не господин.

Года проходят чередой:
Хозяин от забот седой,
А тень, смотри-ка,
Тень осталась молодой.

Подарит светлый гений миру
слово золотое,
Да не оценит мир и не поймёт;
Но эхом вкрадчивая тень
точь-в-точь за ним повторит,
И труд его, и лавры украдёт.

Он был с ней добр, он был с ней щедр,
он верил, словно брату,
Забыв, кем Абель кроткий был убит.
Укажет он на место ей,
Но подлая собака
Хозяина не помнит и не чтит.

Так тень, угодливый лакей,
в любые двери вхожий,
Осмелился создателя губить:
Великий ей, как в горле кость,
и лезет тень из кожи,
чтоб голову учёную добыть.

И все помогут в этом ей,
Ведь бездарь серая милей,
Чем солнце разума —
Кормилец всех теней.

Но солнцу дела нет,
когда и кто его погубит:
Оно всё ярче светит, всё сильнее;
Даря тепло, спасая свет,
оно и смерть пригубит
От порождённых некогда теней.

ПТИЦА

Спой, птица, спой! Ненастной порою
Столько вокруг бед и обид,
Песня зари сердца успокоит и исцелит.
А когда ты полетишь в родное гнездо,
Пусть ветер не будет злым,
Не ранит белые крылья,
Пусть стрелы метких убийц
Тебя не найдут в вышине;
И, если в долгую ночь
Ты упадёшь от бессилья,
То лишь на божью ладонь —
Птица, спой мне!

Спой, птица, спой! Я знаю, непросто
Целую жизнь петь и парить,
В песне зари цветы и звёзды миру дарить.
А когда ты полетишь в родное гнездо,
Пусть будет вдоволь зерна
Из рук и тёплых и щедрых,
Пусть камень, брошенный вслед,
Расплавит солнце в огне;
Пусть сплетни птичьих дворов
Листвой засохшею с веток
Падут к нашим стопам,
Птица, спой мне!

ПОЭТ – КЛЕВЕТНИКУ

*Да сварят языки клеветников.
Франсуа Вийон.*

Моих сокровищ мерзкий похититель,
Ты цену злодеянию не знал,
Когда сжигал души моей обитель,
На что себя бездумно обрекал;

Что будешь ползать, словно пёс безродный,
Ища в скитаньях тщетных мой порог,
Проходим для плевков подставив морду,
Лизать за харч замызганный сапог.

Ты крал мои заслуги и победы,
Терзая слух гнусейшим шепотком,
Ты крови чистой и живой отведал,
Не зная, чем заплатишься потом.

Не смог ополоумевшей молвою
Ни поразить меня, ни изменить;
Не знал, что на обломках храм отстрою
И буду в нём ещё прекрасней жить;

Что, битый жизнью до изнеможенья,
К подножью приплетешься моему
Вымаливать прощенья, вспоможенья,
И всё вернёшь — да мне-то ни к чему.

Певцу нет надобности в славе доброй
И в похвалах — и жалких, и пустых,
В вертепе он творит иль в келье скромной,
В хорах или хижинах простых.

Благословеньем Божиим нетленным
В любой грязи мирской я сохраним
И озарён огнём его священным,
Тебе же не перепадёт и дым.

АНГЛИЙСКИЙ СОНЕТ

Предначертание с себя сложить —
Никчемное навязанное бремя —
И жизнь свою пропеть, а не прожить,
Солгать судьбе и обезвредить время,

Летать, творить, влюблять и вновь вершить,
И быть — на счастье, на беду, навеки,
Головоломки без ключей решить,
Входя, сколь пожелаешь, в те же реки;

Проклятия как клейма наложить
И даровать лучи благословений,
К неведомому тропы проложить
И оживить преданное забвенью:

Уж коли хватит воли сделать так,
То счастье и бессмертие — пустяк.

НОЧЬ

*Как мачеха, ночь
с кинжалом в руке,
с глазами совы...*

Пабло Неруда

Ночь — жалкая глупая мачеха,
Бойся собственной слепоты:
Страх — это мяч для пинг-понга,
и он вернется к тебе...
Ночь — старая прачка,
стирающая лохмотья былого
в мутной воде воспоминаний,
пропахшая табаком и бессонницей.
Для кого ты хранишь черноту своих
улиц,
утыканных гвоздями огней
или вовсе незрячих,
свои пустынные парки и площади?
По ним могли бы бродить
одинокие мечтатели и
влюблённые пары,
Но ты предпочла зловонные своры,
И светлячки больше не посещают тебя,
пряча сокровенные тайны пугливых
сердец
В надёжных пристанищах...
За кем ты следишь хищным взглядом,
исполненным злобной зависти,
Кого преследуешь тщетно
с кинжалом в бессильных руках?
Меня? — Но ведь я — день, надевший
траурное
платье в знак скорби по усопшему
солнцу;
Утром, когда оно воскреснет,
я сменю печальный покров
на сияющую тунику,
а ты сгинешь в лучах рассвета,
как мерзкий вампир, не успевший
спрятаться в своё подземелье.
И мир, избавленный от тебя,
воскликнет:
«Да здравствует День!».

Сердце мое в бокале, и я оттуда напьюсь...
Мигель Эрнандес

Когда озябнет сердце рьяное,
Тоской измучась окаянною,
За песнею лихой и пьяною
Оно потянется вослед, —
Где меж ножами и стаканами
Такая горькая и странная
Душа томится ресторанная,
Где льются музыка и свет.

Забьёт шампанское фонтанами,
Дыша угаром и туманами
Душа уйдёт в загул с цыганами,
Тоску на время рюмке сбыв;
И грянет песней беспечальнойю,
Что к ночи станет погребальнойю,
И заскрипит педаль рояльная,
До срока оборвав мотив.

Вино забродит адской манною,
И меж кокотками жеманными
Любовь за дымкою обманною
Мелькнёт и сгинет в никуда.
Какими б ты ни бредил странами,
Везде вела тебя желанная,
Когда ж она в бокал твой канула,
Святая вечная звезда.

В мерцаньи и круженьи зал,
И бесконечно длится бал,
А кто здесь праздник не искал?..

В блеске зеркал
Столько горящих глаз,
Млел и сверкал,
Но пуст такой бокал сейчас,
Лишь что-то плещется на дне —
Наверно, истина в вине...

ВОСКРЕСЕНИЕ

Сердца, как окна, распахнутся
Навстречу свежести и свету,
И сказки прежние вернутся,
Казалось, канувшие в лету;

И льдины старые качнутся,
Прольются паводком весенним,
От зимних снов мечты очнутся
В души святое воскресенье.

ПЕРЕВОДЫ

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

ШЕКСПИР
СОНЕТ LXXVII

Глядят с зеркал увядшие красоты
И сыплет время золотым песком,
Чекань пустым листам ума щедроты —
Тебя по книгам выучат потом.

Как чётко отражаются морщины,
И памятью рассечены уста,
И, циферблата тайные личины,
Воруют время вечности врата.

Смотри же, как безудержность былого
Закрашивает пустошь дневников,
Вскормлённых млеком мысли детищ Слова
Высвобождая из твоих оков.

Когда-нибудь забытые труды
Ещё позолотят твои плоды.

БАЙРОН
ДУША ЧЕРНА

Душа черна — немедля струн! —
Тебе, Орфей, мой внемлет дух;
Пусть нежный вихорь древних рун
Усладой грёз наполнит слух.
Коль в сердце жив надежды свет,
Сей дивный звон его взбудрит;
Коль есть в очах рыданий след,
Палящий мозг он остудит.

Велю — пребудь глубок и дик,
Не смей пророчить счастья путь;
Молю — усей слезами лик,
Иль бремя дум раздавит грудь.
Для той, что мукой вспоена
В безмолвном бденьи долгих лет,
Рок пробил всё узнать сполна
И сгинуть вмиг за песнью вслед.

ИЗ ДНЕВНИКА В КЕФАЛОНИИ

И мёртвые не дремлют — мне ли спать?
Царьки тиранят мир — мне ль спину гнуть?
Плевл наготове — и серпу ли ждать?
Нет, я не сплю: — на тёрне не уснуть;
Мне раструбом горланит всякий день,
И в сердце та же песнь — ...

«МЕЧТЫ РАЗБИЛИСЬ...»

Мечты разбились — слышишь звон?
Так жизнь — лишь судороги озноба:
Мы — в смех дурной, хоть впору — в стон,
В бред — лучший проводник до гроба.
И даже в просветленья миг
Всё ноем, сетуем, канючим;
А жизнь — ведь это только Крик
Святого, что за нас замучен.

ПАМЯТЬ

Сбылось! — что грезилось в мечтах,
Но нет надежд в грядущих днях:
Был так ничтожен счастья срок,
Овеян хладом вечных бед,
Был так угрюм судьбы рассвет...
Прощайте ж, Радость и Восторг!
А к вам, и Память — за порог!

СОНЕТ ШИЛЬОНУ

Извечный Светоч Мысли гордеца,
Свобода! И в тюрьме блистаешь ты,
Избрав своим вместилищем черты
Тех, чьи тебе подвластны лишь сердца;

Ты видишь кровь с сыновнего лица? —
Что заковали в тот промозглый склеп,
И муку крестную, в которой креп,
И крылья за спиною мертвеца...

Шильон! Ты каземат иль минарет? —
На твой порог как на алтарь взошёл
Тот, чья стопа впечатала свой след,

Как если б дёрном был булыжный пол, —
То Бонивар — ничем их не стереть! —
На них и чёрт не смеет кинуть взор.

КИТС
СОНЕТ – МОРЮ

Хранитель тайн седых шипит у ног
Брегов пустых и, вздыбивши бока,
Глотает гроты тыщами, пока
Не сменил рев на прежний шепоток.
Но тот, кто кротость зверя видеть мог,
Докажет, что и ракушку слегка
Не сдвинет присмирившая рука,
Когда Небесный бриз отслужит срок.
О вы! Что очи стёрли до крови —
Врачуйте их громадами морей.
О вы! Чей слух грубятиной сглушён
Иль закормлён под приторный елей,
Забудьтесь под волшебный шорох волн,
Где нимфы вод лепечут о любви.

КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

Не умертвить вовек земных певцов:
Пусть птицы обезгласнут от жары,
В ветвях прохладных скрывшись до поры,
Но льётся песнь из скошенных лугов —

Кузнечик то, его стрекочет зов
В вальяжные и сонные миры,
Покуда баловень своей игры
Ни свалится под сенью сорняков.

Поэзии земли вовек не сгинуть:
В безлюдный зимний вечер, в тишине,
За печкою раздастся вдруг, резка,

Мелодия, и, притулясь к камину,
Так дивно превратится в полусне
Кузнечик вольный в здешнего сверчка.

ШЕЛЛИ
МУЗЫКА

I

Я нотой провидцев упьюсь взахлёб —
В ней сердце изжаждалось свядшим цветом:
Вино колдовское пусть в кровь забьёт
Пьянящим потоком стального света.
Как сухой землёй под благой струёй,
Целю я боль той святой водой.

II

Дайте ж мне окунуться в чарующий звон,
Глубь за глубию — изведать власть,
Пусть воспрянет от змия удушливый стон
Той души, что готова пасть:
Звонкою струной, свежую волной
Хлынет в сердце и разум мой.

III

Словно след от фиалки, поблекшей не в срок,
Что растёт на берегу серебристых вод,
Когда полдень иссушит из чашечки сок
И капель её пыл не зальёт,
Сгибнет сникший цветок, но его аромат
Крылья ветра над синью речной сохранят.

IV

А тот, кто пьёт с волшебных полей
Искристый, журчащий, пенящийся эль;
Кто, исполнившись мощью ведьм и фей,
Маним к любви в поцелуя хмель...

ОЗИМАНДИЯ

Мной встречен странник, бывший в древнем далеке,
Что рёк: «Образчик глыбокаменных ходуль
В пустыне есть. А подле них, в песке
Полузарыт, расколот лик, чья хмурь
И складки рта, ухмылки злобной власть
Гласят, что скульптор страсти распознал, —
Те, что живут, отлиты в мёртвый пласт,
Рукой-насмешницей и сердцем напитал;
А на подножии дряхлеют словеса:
«Я — Озимандия, Я — Князь князей,
Мощь дел моих в прах ввергла небеса!»
Но лопнула большая шишка вдрызг,
И лишь пески на тыщи миль пред ней,
Гнильё, руины да крысиный писк.

ТЕННИСОН
ПЕСНЯ ВЕТРОВ

Новорождённые ветра,
Едва дотронувшись волны,
Легчайшим бризом ей с утра
Тихонько шепчут: «Мы вольны»...

Потом, носясь по высям гор,
Нещадно хлещут валуны
И уж орут во весь опор
Окрепшим басом: «Мы вольны!»

САУТИ
МЭДОК

Ветр милостив... и бригантина мчит:
На ней знамёна вьются, и всех мачт
Не счесть... плывёт вперёд, и вокруг челна
Морская бьёт волна. Что душу жжёт
И грудь томит, когда матросы, все
препоны утомившие пройдя,
В родное лоно возвратятся! Тот
Застыл, в далёкий берег вперив взгляд,
И, предвкушая милые черты,
В неясный абрис горячо впился,
Высматривая отчий мыс иль пирс,
Пока глаза не заболят. Другой
К друзьям спешит и к хору птиц родных,
И Господа в слезах благодарит:
А вот и третий — молится в тиши
Пречистой и святому своему,
Клянясь дарить и жертвовать, как встарь,
Паломничать (коль не смертельно то).
Безмолвен, в думах, ото всех вдали
Сам Мэдок — благородный муж, храбрец,
Горд памятью чарующих надежд,
И страхом, и сомнениями полн.
Добры стихии, и зефир благой
Играет в вантах, и несётся барк,
В валы врезаясь... День идёт ко сну.

СТИВЕНСОН
РЕКВИЕМ

Под звёздным небом в тишине,
В святой безбрежной вышине
Представьте право сгинуть мне,
И буду счастлив я вдвойне
Желанною судьбой.

И пусть надгробие гласит:
«Где жил душою, там и спит,
Ведь каждый сердцем норовит —
Моряк на волнах метит скит,
Охотник — в лес густой».

КРИСТИНА РОССЕТТИ
НАВЕРХ

Так и будут к вершинам круты пути?
До самой вышины.
И все длинные дни нам к ним идти?
От Солнца до Луны.

Но хотя бы к ночи уснуть на час?
Виден краешек кровли в темноту.
А мгла не скроет его от глаз?
Не спрятать келью ту.

Я других паломников там найду?
Тех, что ушли вперёд.
Так стучать или звать, когда приду?
Не оставят за дверью того, кто ждёт.

А найду ль приют, слабый и больной?
В награду трудов и тревог.
И каждый отыщет сон и покой?
Все, кто устал от дорог.

ЭЛИЗАБЕТ БРАУНИНГ
ПРОЯВЛЕНИЕ

Молчанием иль голосом запретным
Я бьюсь за ту, что правдою горчит, —
За песню, что в душе моей сличит
С мечтою явь, связав их сном заветным;
Сочувствуя молитвам безответным,
В ней мощь октав таинственно молчит,
Но вскоре стройный хор их зазвучит
Над бездной ваших чувств во зле несметном.
Борюсь, чтоб повесть духа провести
В храм сердца, всеобъемлющий и гордый,
Саму себя вам в песне донести,
И, если глас небесный смолк в аккордах,
Рассеяв мглу, от смерти вас спасти,
Разрушив подлый страх всех душ нетвёрдых.

**МНЕ ВПРЕДЬ ПРОШЕДШЕГО
НЕ ПОВТОРИТЬ...**

«Мне впредь прошедшего не повторить», —
Однажды изрекла я, и домой
Заторопился прежний ангел мой,
Моля его на волю отпустить —
К престолу божьему, и обратить
К былому взор, где не был мне чужой
Хранитель-дух: внимал душе, больной
От бед, и благодатью мог целить;
И посох паладина снова цвёл,
Сухие листья полнились росой,
Но мне не нужен тот, кто муз увёл,
Забыв в страницах след их мук босой.
Мне новый ангел будущность прочёл,
Блещающий невиданной красой.

УОЛТЕР ДЕ ЛА МАР
ТРИ ЖЕЛАНИЯ

«Груша», — настаивал Тимоти,
«Гранат», — возражала Элен,
«И мне пирогу бы — хоть с брюквой, хоть с клюквой», —
Подумав, сказала Джейн.
«Сорняк», — заключает Тимоти,
«Сирень!» — восклицает Элен,
«И мне бы вьюночек на скромный веночек», —
Подумав, решает Джейн.
«Сокровищ», — потребует Тимоти,
«Серебряных крыльев», — Элен,
«Осла и двуколку с подстилкой неколкой», —
Подумав, попросит Джейн.

ТОМАС ГАРДИ
НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Я вся фамильный фас,
Тлен тела безызъян,
Проект трудов и трасс,
Всевремен, безымян,
Что из Тогда в Сейчас
Безгибельем создán.
Наследую — что есть:
И глас, и глаз, и прядь,
Плюю в скупую честь —
От жизни к жизни пядь —
Я — вечной вещи весть,
Смертям меня не смять.

ШАРЛОТТА БРОНТЕ
ЛЕДИ – СВОЕЙ ГИТАРЕ

Коснусь неведомой струны,
И ты заботы с сердца сбудешь;
Зачем напевом старины
Мой скорбный дух, гитара, будишь?

Как солнца луч, что жизнь принёс
В давно забытую долину,
Как грохот гроз, и тени грёз,
И в белом нимбе образ милый;

И как чистейших вод напор,
Хранящих облик нежной ивы,
Давно пошедших под топор,
Волос дриады переливы,

Гитара, твой волшебный звон
Исторгнет плач, и вздох, и строки,
И древних ливней вечный стон —
Небес иссякшие потоки.

ВЕЧЕРНЕЕ УТЕШЕНИЕ

Людское сердце клад скрывает —
Надежды, помыслы, мечты, —
На семь засовов запирает
От любопытной суеты.
Проходит день в беспечном смехе
И ночь — в беспутном кураже,
Пока успехи и утехи
В былом ни сгинут мираже;
Лишь время музыки единой,
Что льётся вечером в тиши,
Крылом касаясь лебединым
Всех лучших залежей души,
Что в дебрях чахнувшего духа
Врачует раны прежних битв,
Тоску измученного слуха
Слезами счастья утолит.

И страсть, и пыл, и мощь, и воля
Наполнят грёзы прежних дней,
Смятенье чувств и ужас боли
Отступят в страхе перед ней.
И сердце, кровью обагрываясь
От состраданья столько лет,
Лишь музыкой живёт, спасаясь
В её мелодии от бед.
Кормясь подчас лишь блеском лунным
В вечернем царствии теней
Под небом слабым и безумным,
Скорбей бесчисленных темней, —
Её порыв высок и властен
Во мраке опустевших зал,
И гимн священных дум, прекрасен,
Споёт всё то, что не сказал.

ЖИЗНЬ

«Жизнь — не мёд, ещё поймёшь», —
В Слове мудрых тайны тень.
Часто утром мелкий дождь
Предвещает ясный день:
Туча солнце заслонит,
Но и это ведь пройдёт,
Если дождь цветы взрастит,
Разве грустен их полёт? —
Быстро и весело
Мчатся славные деньки,
Солнечно, с песнями
Облетают лепестки.

Временами входит Смерть
И зовёт нас в «лучший» мир,
И, казалось, ждёт побед
Над надеждой конвоир.
Но весной воскреснет вмиг
Непокорный счастья цвет,
Два крыла его золотых
Вырвут нас из лютых бед —
Доблестью, храбростью
Все оковы разрубив,
Верю, радостью
Боль отчаянья разбив.

УИСТЕН ХЬЮ
ОДЕН

«Останься», — советовал рыцарю робкий,
«В долине смертей не носить головы,
Навозная куча послужит кушеткой,
Всё лучше, чем трупом на ложе травы».

«Одумайся», — фыркал на феникса филин,
«Ведь сумерки спрячут дорогу домой
И подвига тщательность в подлюю тщетность
Умело устелят злосчастной зимой».

«Опомнись», — хватался за храброго хитрый,
«Смотри, как болезнь безобразит других,
И ты возвратишься позорно и прытко,
Недужный, ненужный, раздавлен и тих».

«В дорогу скорей!» — бросил робкому рыцарь,
«Тебе не понять...» — крикнул филину феникс,
«Слепцом и помрешь», — молвил хитрому храбрый,
И скрылись навеки, и скрылись навеки.

ВАЛЬТЕР СКОТТ
БОСОНОГИЙ МОНАХ

Дружище, будь год или два ты в пути,
От греков к испанцам весь мир обойди —
Устанешь искать на любых берегах
Счастливого, сколь босоногий монах.

Был рыцарь для дамы в поход устремлён,
Вернулся обратно пронзённый копьём:
И исповедь спешна, и леди в слезах,
Спокоен лишь я — босоногий монах.

Властители? — Сколько известных персон
Сменили на рясу всесилье корон,
Но нет мне печали о глупых мечтах,
Чтоб вдруг оказался монархом монах.

Кто гостем желанным всегда входит в дом,
На месте почётном сидит за столом,
И лакомый кус, и приятство в речах
Имею лишь я — босоногий монах.

И с мясом пирог ожидает в печи,
И эля бутыль мне готова в ночи,
Ведь доброго мужа всегда ждут в мольбах —
Нужнее всего босоногий монах.

Пусть жизнь процветает и в ризах златых,
И в страхе пред чёртом, и в вере в святых,
Но розы срывать без тревог о шипах
Способен лишь я — босоногий монах.

РЭЙ КИНГСБЕРИ
И ПАТРИК О'ШИ

В воскресный полдень в середине лета
Прекрасно небо, солнышком согрето,
И пенье птиц лесных, и море света:
Свою работу вновь гоню к чертям —
Пусть сами жарятся в лучах, под ливнем мокнут,
Толкаются в автобусах и по очередям,
Читают в электричке, если смогут.
А я декабрьским утром на прогулке
Их взглядом провожу вдоль переулка
И в сладкой дрёме проведу досуг;
В весенний дождик не покину дома,
Деля свой день и кров лишь с книжным томом
И вспоминая о тебе, мой друг.
И ты поддержишь все мои мечты,
Ведь ты — воскресный полдень, свет декабрьской звезды,
Ведь ты — апрельский день и все июньские цветы,
Ты это ты.

ВОРДСВОРТ
СОНЕТ

Я бросил стиль и вслушивался в ветер,
В чём вое стоны чудились и SOS,
Поющий оборотень, он унёс
Привычный зуд мещан — и цепкий бред
Забот, хлопот, и вдруг умолкший смех, —
Всё сон объял. Я ж мнил — стихии пыл,
Что без границ и меры я открыл,
Мне в слове мира принесёт успех.
Лишь редкий слух проникнет в эту жуть —
Надмирный шёпот вышних панихид;
Вдобавок указанье распознать
Знаменьё — вот что дикий стон таит,
Пока оно уныньем ссушит грудь
И соизволит шторм на штиль сменять.

КИПЛИНГ
ЕСЛИ...

Да, если ум ты сохранить сумеешь,
Когда гуляет дурь по головам,
И если в пику всем себе поверишь,
Монетой той же отплатив фомам,
И если, преспокойно выжидая,
Среди врунов уста для лжи замкнёшь,
Изгоем станешь, сердцем зла не зная,
Не всякому приятен и хорош;

И если подчинишь свои желанья,
Рабом мечты себя не поведёшь,
И, пережив триумфы и страданья,
Различий между ними не найдёшь,
И если вдруг твоим правдивым словом
Плуты расставят сети для глупцов,
Ты, сидя на развалинах бывшего,
Изношенный, отстроишь всё с основ;

И если в одночасье всем, что нажил,
Швырнув, на кон поставив, ты рискнёшь,
И прогоришь, и после о пропаже,
Начав с нуля, ни разу не вздохнёшь,
И если чудом сердце, нервы, силы
Окажешься способен воскресить,
Когда идти вперёд невыносимо —
И только воля не сдаётся: «Жить!»

И если сможешь быть в толпе достойным,
Простым — и с королём накоротке,
И, враг ли, друг ли жалит — быть спокойным,
Всех выслушав, прислушаться к себе;
И если беговой дорожкой жизни
В секунды раскромсаешь краткий век,
Твоя Земля и всё, что есть в Отчизне,
И более, друг мой, ты — Человек!

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЛОНГФЕЛЛО
ГОЛОС МОРЯ

Раскроет очи в полуночный час,
И кружит по владениям своим,
И волны морщит, словно брови — мим,
А в натиске беснующихся масс
Выходит из безмолвной бездны глас,
Полифонически непостижим,
Как водопад, несущийся с вершин,
Иль рёв ветров, срывающих каркас...
Так входит тайное нежданным днём,
И, недоступное для чуждых глаз,
Морским потоком хлыщет из души;
Но вдохновенье, что своим зовём,
Есть лишь обрывки выслушанных фраз,
Оброненных оракулом втиши.

ПОЭТЫ

О мертвые, что живы и сейчас, —
Пусть смертна плоть, неувядаем слог —
И вы, живьём вколоченные в гроб:
Забит гвоздями забвенья вещей глас,
Ужель, когда в жестокий жизни час
На перьях стыл багровой боли сок,
Чело венчал лишь тёрновый венок,
Печать призванья тяготила вас?
У тех, кто Слова пастырь и певец,
Пророчества блаженные черты —
Микстура для истерзанных сердец;
Ни в рокоте столичной суеты
И ни в восторгах черни, наконец, —
Лишь в вас крушенья ваши и мечты.

EXCELSIOR

Когда на землю ночь сойдёт,
Селом альпийским вновь пройдёт
Юнец, несущий в снег и град
Седых воззваний странный склад:
«За Солнцем вслед!»

Черно чело, в глазах — печаль
Блится, словно в ножнах сталь,
И, будто рог, зовущий в бой,
Звучанье речи неземной:
«За Солнцем вслед!»

В счастливых окнах виден свет:
Здесь каждый сыт и обогрет,
Но где-то там — сиянье льда,
И тяжкий вздох летит туда —
«За Солнцем вслед!»

«Ведь пропадёшь!» — вскричал старик —
«Охвачен бурей мрачный пик,
Тебя собьёт ревущий шквал»,
Но звонкий голос отвечал:
«За Солнцем вслед!»

«Останься!» — дева позвала —
«Забудь тревоги и дела»,
Слеза размыла синь очей,
Но горький стон ответил ей:
«За Солнцем вслед!»

«Остерегись сухой сосны,
Лавины с горной крутизны», —
Крестьянин напоследок рёк,
Но всё, что он расслышать смог:
«За Солнцем вслед!»

Придя в рассвет на Сен-Бернар,
Он иноков в мольбе застал,
Твердивших истины стократ,
И вопль прорезал стройный ряд:
«За Солнцем вслед!»

Но мёртвого, что в скалы вмёрз,
Нашёл среди снега верный пёс —
Оцепенев, сжимала кисть
Никем не понятый девиз:
«За Солнцем вслед!»

В безвестьи хладном и немом
Прекрасен он, объятый сном.
И с непокорных вечных льдов
Несётся эхом звёздный зов:
«За Солнцем вслед!»

ЭДГАР ПО
ЭЛЬДОРАДО

Юнец слепой,
Гордец благой
Средь сумерек и смрада
Искать посмел
Иной удел —
Чудесный Эльдорадо...

Старик больной,
Храбрец седой,
Душа мечте не рада —
И пядь земли
Любой дали
Не схожа с Эльдорадо...

Пред смертью вдруг
Узрел он дух
Ненайденного града
И молвил: «Тень,
Сыщи мне сень
Родного Эльдорадо»...

«Поверх вершин,
За даль долин
За гробовой оградой
Смелей ступай,
Коль любишь край
Священный Эльдорадо...»

ЭМИЛИ ДИКИНСОН

Душа отыщет свой мир,
А после захлопнет дверь —
На ее званый пир
Не попасть теперь:

Глуха — к шарканью колесниц,
Обивающих ее пороги,
Слепа — к королям, простёртым ниц
На её дороге.

Из всей обильной народности
Ею будет избран один,
Для других верх благосклонности —
Холод льдин.

ВЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЯНОШ ВАЙДА
КОМЕТА

Блится в небесах она, и шлейфом
Искрится высь от жгучего хвоста,
Недаром прозвана «гигантским» эльфом —
Ей не вернуться в здешние места:

Чрез тернии в космические чащи,
Тягаясь с бесконечностью, кружит,
Несчастлива в скитаниях всё чаще,
Обречена блуждать, как Вечный Жид.

Те молятся во тьме звезде двуличной,
У этих флирт с кокеткою Луной,
Лишь Ниобея в траурном величьи —
Священный светоч скорби неземной;

Печальный лик луча в оковах льдистых,
Застывший пламень цвета рваных ран,
Куда ни глянь среди галактик мгlistых,
Нигде твоей душе приют не дан.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

УГО ФОСКОЛО
АВТОПОРТРЕТ

Чело в морщинах, впалых глаз пытливый
Вид дерзок — бледных щёк и гривы львиной,
Надменность уст, улыбки след ленивый,
Глава поникла с шеи лебединой.

Недурно сложен, в платье — прост с изыском,
Силён и слаб в словах и снах убогих,
Гуманным, безыскусным, щедрым, чистым,
Живу изгоем, сам изгнавший многих.

И, даже не скорбя, всегда один, в тревогах,
Всего боясь и ни во что не веря,
От робости труслив, от гнева смел,

Себя то сердцу, то рассудку вверю,
Но сердце глупо, да и ум истлел, —
О смерть, даруй покой на долгожданных дрогах.

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ
БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Всегда был люб мне этот холм безлюдный
И тот плетень, что столь большую долю
Крадёт у взора с края горизонта...
И всё же здесь люблюсь бесконечным
Простором, и таким непостижимым
Молчанием, забвеньем глубочайшим;
Своим тревогам лгу, и пусть недолго
От страха сердце отдохнет. И только
Во всхлипываньях ветра возмутимо
Безмерное безмолвие; лишь крики
С той тишиной сравню я, безграничность
И мертвые сезоны, и поныне
Живущее звучанье дня. Так в этой
Бездонности беду свою топлю я;
И жажду я остаться в этом море...

ИРЛАНДСКАЯ ПОЭЗИЯ

ТОМАС МУР
ИРЛАНДСКИЕ МЕЛОДИИ

11.

Пусть сиянье струится над ликом воды,
Но в глубинах морских только сумрак и льды;
Пусть улыбки теплы и на скулах багрец,
Но темны́ и холóдны руины сердец.
Лишь бывшего кошмар в отголосках скорбей
Сплёл из счастья и бед сети бледных теней;
Не пробиться ни ночи, ни дню сквозь гранит,
И улады не тешат, и боль не страшит.
Так средь радости горечь стоит предо мной —
Облетевшая ветка в полуденный зной, —
Тщетно солнце играет в увядших цветах,
Зря улыбки сияют на мертвых устах.

92.

Не на банкет в мишурных будуарах
К резвящимся юнцам — иди ко мне,
В моих садах среди цветов усталых
Года и грусть уместятся вполне:
Мы здесь устроим празднество рыданий,
Молчание по кубкам разольём
На встрече с драгоценными тенями,
Ушедшими безмолвным чередом.
Пока усохнут миртовые ветви —
Дарители безжизненной листвы, —
Мы вспомним сокрушенные обеты
Друзей былых, что так давно мертвы;
Пусть одиноко вьётся лавр унылый,
В края скорбей не долетает весть,
Мы пьем у той заброшенной могилы,
Где позабытая почила честь.

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ

ФРИДРИХ ГЕББЕЛЬ
ПРОЗРЕНИЕ

В урочный миг в бездонной глуби
Его предтечей Скорбь грядет,
Вселенский Дух душ пригубит,
В слепое сердце снизойдёт;

И, переполнив меру жизни,
Вобрав все краски бытия,
Себя же в душной клети выжмет,
В оковы смертного войдя;

В глазницах рваных и кроващих
Вкропит неведомого свет,
И нимб святой во тьме обрящет,
Кто ждал во мраке столько лет;

Кто столько жаждал, чтоб упиться
Не каплей жалкой и скупой, —
С бессмертным океаном влиться
В бескрайний кубок мировой.

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

ХИМЕНЕС
ОБЛАКА

На небосводе снегопады схожи
С луною, от весны с ума сошедшей,
Едва ль я вспомню зимний луг, нашедши
Его достойным облачной рогожи;

И в миг от сна до пробужденья дрожи
Ко мне, непосвященному, пришедши,
Вы стали манной, душу с грёзой сведшей, —
Исчезли вы, и я рыдал на ложе.

Без вас в оцепенении бессонном
Надеждами святыми я наполнен,
Но черен мне, как прежде, белый день.

И лишь тогда вернусь я к жизни снова,
Когда проникнет в темноту алькова
Миндальный цвет, прогнав унынья тень.

* * *

Удит лунный амариллис туманный алюминий
Из незрелых небес, влажных, словно аквариум,
И в сырой желтизне люмен блекнет ленивый,
С каждым ярдом бледнее, будто в лавке антиквара.

О, тревожность отголосков влюбленности дальней —
Эти крокусы ночи, эти думы без крова,
В диадеме тумана в неусыпном фонтане
Кровь убитых канцон миннезингера неземного.

ЧЕШСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЯН ПИЛАРЖ

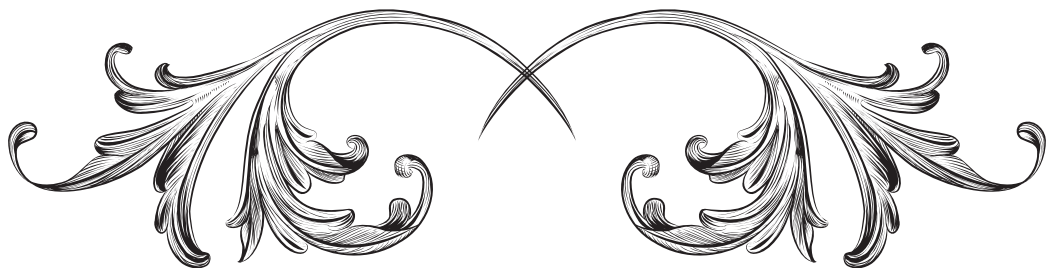
Теперь я боль свою скрывать умею,
Давно швырнул обиды за порог —
Они, как псы бездомные, глазеют
В ночи в окно на дальний огонёк;

Их очи мёртвые палят и жарят,
Псы воют злобно и скребутся в дверь,
И в час, когда все звёзды отсверкают,
Они найдут в закрытом сердце щель.

Опять гадюка мне очередная
Вливает в вены яд по капле свой,
Я вопль немой с берёзой разделяю,
Что ранена зазубриной стальной:

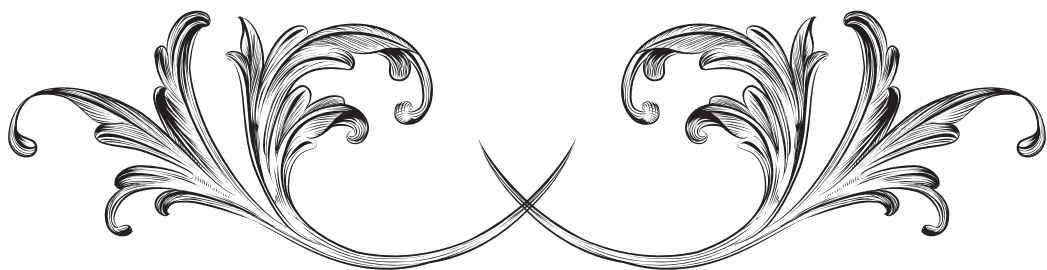
Заразу кровушкой своей промою,
Но сколько ж крови на нее уйдёт,
И буду пса с запоротой спиною
Глазами гладить сквозь окон пролёт.

ИЗ КНИГИ
«ОДОЛЕНЬ-
ТРАВА»

...

ТЕОФАНИЯ

Улыбкою младенца, добрым взглядом
И птичьим щебетом лети ко мне,
В толпе стоустой будь со мною рядом
И в светлой одинокой тишине.

Голубкою иль бабочкой нарядной
Кружи, порхай — как будто в дивном сне;
Будь белой чайкой ночью безотрадной,
Жемчужиной на глубочайшем дне.

Стань шорохом листвы в саду вечернем,
Наградой в окончании кочевья
Звездю самой теплою зажгись.

Другим ты чудишься лишь в грозном гrome,
Ко мне же песней тихой и знакомой
На крыльях бриза нежного явись.

ОРАНЖЕРЕЯ

Любой дурной глаз можно подбить.

О. Генри

Цветов благоуханных ожерелья,
Убежище для хрупкой красоты —
Здесь волшебству возможно, не робея,
Явить свои прекрасные черты.

Приют уединённый и желанный,
Хранитель чуда от ветров и гроз
Не впустит гибель в свой ларец стеклянный,
Под окнами оставив в злой мороз

То зло, что может навредить и взором,
Но глаз дурной снежками подобьют,
И будет василиска жечь позором
Декабрьской метели льдистый кнут.

МОНТЕКРИСТО

Спасибо, Господи, за это заточенье —
Ты злобный замысел чудесно обратил
В триумф затворника, ведя сквозь злоключенья
Юнца безвестного, без знания и сил.

Какой огромною беда тогда казалась, —
Ведь отнял рок любовь и юность, жизнь саму,
Но нынче ведаю, что всё при мне осталось
И приумножилось несметно. Почему

Мне море верность сохранило и удачен
Теперь мой каждый день — друзьям не разобрать,
Чем мой победный путь оправдан и оплачен
И как он значен — обреченным лишь гадать.

Да, мрачный замок стал мне новой колыбелью,
Да, крылья выросли за сторбленной спиной,
Чтоб я сумел покинуть каменную келью
И повстречаться с позабытою весной.

Духовный кладезь и сокровища земные
В моей судьбе неразделимы навсегда,
Пусть мощь бича в руках моих клянут иные,
Я сердцем светлым не меняюсь никогда.

ПОВОДЫРЬ

*Пусть прутом раскаленным страх раба подгоняет;
Радость, в жизни моей будь моим поводырем!
«Пружины» Шиллер*

Опять стада куда-то гонят
И тычут стимулом в бока,
И, плетью взнузданные кони,
Несут судьбу как седока;

Морковь и палка, кнут и пряник
Ослов ведут — куда хотят,
В силки влечет манок-обманник —
И жертвы новые летят.

Зачем звезда слепому сердцу,
Когда опять в оковах раб;
Жизнь такова, куда же деться
Тому, кто наг, тому, кто слаб.

Коль не ослабит рок подпруги,
Что вдаль по жизни поведет:
Шантаж судьбы — нужда, недуги —
Иль бремя страхов и забот?..

Блажен, кто благородной шпагой
Встречает свору вечных бед,
С одной отчаянной отвагой
Идя за радостью вослед.

КНИЖНИК

Увянувшим цветком над ветхою страницей
Еще один закат последний миг алел,
И жизнь умчалась прочь неугомной птицей,
А он и не заметил, и не пожалел.

Кто знает, для чего он дышит книжной пылью,
Бежит от правды вновь иль от него она:
Пусть вымысел хорош, но жить придется былью,
А песня так стара, что вряд ли и нужна.

Он кровь свою извел на краски и чернила,
Он истину искал среди забытых строк,
И, кажется, понять, что жизнь его любила,
Он просто не успел или, увы, не смог.

Но свет летит к нему с восторгом безответным
И ждать не устает под окнами весна,
Пшеницу птица-жизнь с усталых рук поэта
Клюет уже давно, и тем жива она.

Так инок, уходя от жизни суетливой
Для веры и труда, лишен мирских усад,
Слагает для небес чудесные молитвы,
Чтоб вновь спасенный мир еще был жив и рад.

ШКАТУЛКА

Ее душа всегда поет
Мелодию одну и ту же,
И дни и ночи напролет
Танцовщики по диску кружат.

Она на свете всем слыла:
Вещицей пошлой и банальной,
Деталью модного стола
И детской сказкой музыкальной.

Но дух счастливый в ней силен
И стройный лад не знает фальши,
Пусть тот, кто болью утомлен,
Забудет с ней, что было раньше.

Она судьбы своей верней,
Что прочила ей быть забавой,
Но радость непокорна в ней
И тешит немирскою славой.

Напрасно зависть норовит
Украсть от песенного сердца
Ключи, ведь Муза сохранит
Все тайны за резною дверцей;

Пружина здесь должна была
Сломаться, от годов ржавая,
Но музыка ее спасла,
Мотивы вечные наваяв.

ФУРИЯ И ФЕМИДА

Фурия: Раскрой глаза скорей, Фемида,
Взгляни на верных слуг своих!

Фемида: Ой, нет — не выношу их вида,
Пускай мой меч глядит на них.

Фурия: Послушай адвокатов речи,
А судьи, судьи каковы!

Фемида: Заткнула б шельмам рты, да нечем —
Ведь руки заняты, увы...

Фурия: Зачем же ты стоишь здесь, дура?!

Фемида: Бежала б, если бы могла
За правдой вслед, но, став скульптурой,
В бессильной муке замерла.

Фурия: Ну, слава Богу, я живая
И жирный чувствую улов:
За шкурки подлецов хватая,
Навешаю и без весов.

СПЛЕТНИК (СИДЗО)

*А что скажут язычки?
Оноре де Бальзак*

Летний лепет лепестков летящих,
Шорох шелухи, шуршанье шершня;

Жало желчное жуков жужжащих,
Заводь змей в затишии зловещем, —

Только слухи слышит в песнях леса
Выродок природы — бедный сплетник.

КОТ-СКРИПАЧ

Ночами скрипача зовет охота,
Кому игра, ну а ему работа —
Навеять рыбе сказочные сны,
Как на блесну, удить на блеск луны.
Умелая игра не для забавы,
Здесь виртуоз потрудится на славу:
Пойдет кругами черная вода
И рыбки сами явятся сюда —

Под звуки скрипки танцуют рыбки,
Под гениальный аккомпанемент,
А кот с ухмылкой снимает сливки,
Не упускать же эдакий момент;
Под звуки скрипки рыдают рыбки,
Но им назад не повернуть уже,
И стонет сердце от сладкой пытки,
И Бог искусства жаждет новых жертв.

Другие пусть червей себе копают
И день-деньской у речки ожидают:
Лишь то поймают эти чудаки,
С чем ловкачу возиться не с руки.
Желанней в мире не найти улова,
Хоть волшебства здесь, в общем, никакого,
Но рыба верит песне всякий раз,
В очередную ночь в урочный час.

Под звуки скрипки забудут рыбки
О том, что когти есть у скрипача,
К надежде зыбкой вспорхнут с улыбкой,
И это, право, будет сгоряча.
Под звуки скрипки запляшут рыбки
И прямо в лапы прыгнут из пруда —
Такой ошибки, такой ошибки
Не совершали рыбки никогда!

* * *

Как счастлив тот, кто видит мир прекрасным,
Как сильно бы ни заблуждался он,
Кто поглощён мечтою в день ненастный,
Не слыша злобных выкриков ворон;
Кто дружит лишь с иллюзией напрасной,
Крушеньями ее не утомлен,
Над кем ни опыт, ни года не властны,
Кто ощущает жизнь как дивный сон, —
Как счастлив тот, кто видит мир прекрасным,
Как сильно бы ни ошибался он.

ПЕСНЯ ИРИСОВ

*Некоторые картины Ван Гога
потеряны безвозвратно:
одной затыкали дыру в курятнике,
из другой сделали мишень...*

Анри Перрюшо

Зачем нам хлеб — накормим бедняка,
Но не благодарите нас, не стоит,
Зачем нам кров — над нами облака,
Пусть нувориш себе хоромы строит.

Зачем нам грош — итак богаче всех,
Не надо денег, дарим вам на память.
Зачем нам лавр — не дорог тот успех,
Который и живых способен славить.

Зачем нам дар — для дурней и проныр,
Коль сможете нести — себе возьмите.
Зачем нам холст — лишь для настенных дыр,
Да и курятник свой скорей заткните.

Зачем нам кисть — пусть будет вам мишень,
Ведь и ее владелец был мишенью,
Зачем нам свет — нам ближе светотень,
Темнеет даже солнце от лишений.

Зачем нам жизнь — другим она нужней,
Все мощи наши распродать поможем.
Зачем нам дом — тюльпаны там важней
Тех ирисов, что всех цветов дороже.

ФАЭТОН

Как прежде, обо мне тоскуют тополя,
Так счастливы они, когда на их аллею
Ступает тот, кого не приняла земля, —
Гадает до сих пор: сожгу или согрею...

А я — счастливый Бог — лучистою душой
Жалею лишь о том, что мир с замёрзшим сердцем
Нельзя спасти теплом, холодный и чужой,
Он был едва живой в моем минувшем детстве.

Когда я воскресал из глубины речной,
Молил лишь об одном — чтоб не остыл он вовсе,
И что же я застал, придя сюда, домой:
Безжизненным огнем здесь согревают кости,

Здесь дух почил во льдах, — пока не ожил он,
Молитвы не слышны и нет ни в чем отрады,
Но, солнце сохранив, вернулся Фаэтон,
Я с вами навсегда — не плачьте, гелиады.

ЦВЕТЫ И КАМНИ

Заводит песню менестрель,
И с губ его слетают
Цветы и драгоценные камни.
Февраль в природе иль апрель,
Сердца от песни тают
И жаждут продолженья, повторенья.

Алмазы благодарных слёз,
Рубины уст влюблённых
Певцу в ответном даре преподносят;
Букеты ароматных роз
Бросают восхищённо:
Цветы и камни длить блаженство просят.

И лишь завистники орут,
Что им талант не видно,
В бессильной злобе каркают, клеветуют —
Камня песен по лбу бьют,
И подлецам обидно,
К тому ж ещё цветы по мордам хлещут.

МИСТЕР ИКС

Подо мной снова пропасть, ну как не пропасть —
Вы внизу, вам, конечно, попроще.
Высь карает нестойких, и мне б не упасть
На безликую грязную площадь.

Зря разявили рты, я ведь знаю и сам
Про возможность последнего взлёта —
Если я упаду, то на головы вам,
Это будет финальной остротой:

Последняя шутка так сладко и жутко
Мне сердце закружит,
Но шут ведь не тужит,
Последняя шутка — полёт на минутку
Снежинкою в стужу,
Кому это нужно?
Да мне это нужно...

Что там роль, ведь порой и король высоты
Может слишком довериться небу —
Я не знаю, зачем пригодятся цветы,
Что сегодня готовите мне вы.

На высокий полёт и цена высока,
И для вас этот номер смертельный,
А к душе моей льнут уж давно облака,
Но вот под ноги что ж мне постелят?..

Последняя шутка так сладко и жутко
Мне сердце закружит,
Но шут ведь не тужит,
Последняя шутка — полет на минутку
Снежинкою в стужу,
Кому это нужно —
Да вам это нужно.

СПЯЩИЙ ВУЛКАН

Какая лень сковала тело,
Какая нега разлилась —
Ни до чего, увы, нет дела,
Хотя и силы есть, и власть.

А ведь когда-то, возмущённый,
Кипел бунтарь и клокотал,
В груди ни кем не укрощённой
Бурлила страсть, но вот устал:

Ни от борьбы, ни от свершений,
А от крысиной кутерьмы...
Увидел в грёзах утешенье,
Найдя покой в покоях тьмы;

И в том лишь редкую забаву,
Чтоб, приоткрыв глаза чуть-чуть,
На мерзость смачно сплунуть лаву
И снова сладостно уснуть.

СОЛНЕЧНАЯ СТАРОСТЬ

Солнце потускнело — что за грех,
Может быть, длиннее стали зимы;
Непростое дело жить для всех,
Согревать, светя неугасимо.

Нынче поглядишь на звёздный мир
И светил померкших не узнаешь —
Сколько карликов и чёрных дыр,
Ты же, хоть и реже, всё сияешь.

Солнце постарело — что за бред,
Может быть, чернее стали ночи;
Столько позади блестящих лет,
И уже не так лучисты очи.

Солнечной короны янтари
По Вселенной ветры разметали,
Восковые тают короли,
Что тебя затмить порой мечтали.

Солнце подустало — что за блажь,
Ты такого права не имеешь;
Светозарный нескончаем стаж,
Ты седой зимой лишь посветлеешь.

Ты ещё спасёшь и высь, и твердь
Белыми и тонкими лучами,
И златым копём осилишь смерть,
Чтоб шагнуть в бессмертье без печали.

КАНАТОХОДЕЦ

По лунному лучу
По радуге весенней
По чёртову бичу
Тревоги и сомнений
Гуляю в тишине...

По позвонкам молвы
По нити паутиной
По островкам листвы
По площади старинной
Бродить приятно мне...

По линиям судьбы
По ливневым потокам
По позывным трубы
По самым лучшим строкам
Продолжу вечный путь...

По древкам вражьих стрел
И волн морских горбинкам
По струнам виуэл
Нехоженым тропинкам —
Ни часу отдохнуть...

По языку ножа
По рыбьим спинам кровель
Бегом и не спеша
По скорлупе ледовой
Чтоб скоротать часок...

По ожерелью звезд
По иглам серых молний
Тропой шипов и роз
Пройдусь опять и снова
А там ещё разок...

ДИОКЛЕТИАН

Я знаю, как, не говоря ни слова,
Вести к победам стройные полки,
Как милостивым быть и стать суровым,
Чтоб поступь грозна, а крыла легки;

Как в час любой предстать любому взору
Достоинства исполненным и сил,
И так носить венец и жезл узорный,
Чтоб на руках народ тебя носил;

За тысячи людей и дел ответить
Без страха, без упрека и стыда,
И славу, и забвенья гордо встретить
В цветущие и зрелые года;

Как в полутьме в течениях подводных
Узнать «своих», преследуя «чужих»...
Я знаю, что желаю быть свободным
От знаний и умений таковых.

САДКО

*«Позовите мне гуслиста!»
И когда гуслист заиграл на гусях,
тогда рука Господня коснулась Елисея,
и он сказал: «Так говорит Господь».
Четвертая книга Царств*

Не люблю я пир купеческий, —
Хлебосольства дармового,
Не люблю я взгляд отеческий
Чуда-юда водяного.
Не терплю я речи праздные
Дурней, важностью надутых,
Но с судьбой струною связан я,
Как же разорвать мне пути...

Не люблю я суд неправедных,
Наглый смех и боль убогих;
Не беру дары от скаредных,
Что так тешат души многих,
И когда подлец бахвалится,
И над слабым мразь глумится,
Норов мой им, ох, не нравится,
Только любит Бог гуслиста...

Песнь моя, лети над стенами,
Отодвинь-смягчи день судный,
Заглуши-ка перезвонами
Враний грай и пересуды;
Песнь моя, лети над кручами,
Словно солнце золотое,
Ты блесни с небес хоть лучиком,
Свет надежды и покоя.

АЛХИМИК

Ночь, лунный блеск и бред заклятий,
Бурлят волшебные отвары,
Прочь, суд невежд и желчь проклятий!
Кому вредят такие чары?

Кому решать — зловонной злобе,
Чего достоин чернокнижник:
Костра?.. Награды?.. Если в колбе
Кипит спасенье чьей-то жизни.

Он хочет золота иного,
Он забывает о расправе,
Когда под жалобы больного
Целебные готовит травы.

Да, он в безумии священном
Мечтает о спасеньи мира,
И нет трудов благословенней,
Чем сотворенье эликсира.

* * *

Не заходите в дом мой с грязной совестью:
С дождя, с мороза, с млечного пути,
Несите неурядицы и горести,
Но с подлостью не вздумайте войти —

Расфранченной, надушенной, запудренной
Иль в виде подлинном — избави Бог —
Ко всенощной, вечерне иль заутрене
Заказан мрази путь на мой порог.

Ни в храме проживаю и ни в крепости,
И гостя в пыльной обуви впуссу,
Вот только места нет, увы, для мерзости,
А явится — достойно угощу.

ПЕСЕНКА АРИЭЛЯ

Лечу — куда хочу,
Лечу — кого хочу,
И вскоре получу
Всё то, за что плачу.

Теперь и палачу
Отнять не по плечу
Всё то, к чему лечу,
Всё то, чего хочу.

А с неба мне видней
Мой мир, любовь мою,
А в небе мне ясней,
Зачем всю жизнь пою.

Свечу — кому хочу,
Молчу — когда хочу,
Веретено верчу —
Сам нить судьбы сучу.

Все ветры закручу
И за собой умчу,
Лечу — куда хочу,
Попросишь — научу.

ГАНС

Что мне вам спеть сегодня, крысы,
Чтоб поредело ваше племя,
Чтоб вы друг другу глотки сгрызли
И город спасся хоть на время, —
Что мне вам спеть сегодня, крысы?

Что мне сыграть вам нынче, змеи,
Чтоб вы удавкой не стянули
Свое кольцо на хрупкой шее,
Чтоб кролики чуть-чуть вздохнули, —
Что мне сыграть вам нынче, змеи?..

На зов свирели прибегают
Стада овечек простодушных,
И шествие принцесс послушных
Я за собой веду, играя;
Куда приду — и сам не знаю,
Но в сердце радостно и ясно,
Легка дорога и прекрасна,
Пока я песню напеваю,
Куда иду, и сам не зная...

В век механических игрушек
Ужель податься в свинопасы,
Раз соловей живой не нужен,
Зато свиней навалом в царстве:
Раз соловей живой не нужен, стань свинопасом.

Кого на трели трубадура
Поймает мой талант злосчастный:
Что ни сеньора — хуже дуры
Не сыщешь в стороне ненастной.

**УЛИЦА ГАГАРИНА
В НАЛЬЧИКЕ**

На улице Гагарина летает тополиный пух
И по аллее мчатся бегуны,
Все сказки оживляет вновь
волшебный и прекрасный дух
На самой звездной улице страны.

На улице Гагарина вокзал сулит прощание
Всем, кто избрал иные города,
А кони скачут, вдаль неся мечтания и чаянья,
И в речках растворяются года.

По улице Гагарина, по коридору млечному
Сквозь тернии по солнечной росе
Несут ветра крылатые к непознанному, вечному
По трассе, как по взлётной полосе.

ИЗ ЦИКЛА «ВРЕМЕНА ГОДА»

ЗИМА

Лик I

Земля отмылась от грехов,
Бела, как ангел Божий,
Наряд сверкающий пухов,
В нём любо бездорожье:

Наряд из синеснежных роз —
В нём чистая, как Веста,
В фате, что ткал с утра мороз,
Земля зимой невеста.

Летя на крыльях ледяных
Голубкою лилейной,
Земля светлее звёзд иных
В полуночной Вселенной.

Лик II

Ночке снежные белила
Матушка зима дарила —
Стала ночка краше дня:
Наземь облако стелила,
Ярче солнышка светила
Блеском лунного огня;

Сахар сыпала на ветки,
Пух лебяжий — на беседки,
Стала ночка дня милей;
Сердце в серебре купала,
Жаркой льдинкой обжигала —
Стала ночка дня теплей.

Лик III

Молчанье исполинов в снежном полусне,
Непросто тайну выманить наружу:
Пройду беззвучным шагом в чуткой тишине —
Ничем покой проулка не нарушу,

Студёным утром тайну прячет каждый кров,
На память в лабиринте белых улиц
Душа её отыщет, всю в мехах снегов,
Покуда стражи вовсе не проснулись.

Алмазная дорога, долгий след саней,
Поблекших звёзд последнее мерцанье
И шёпот великанов: «Забирай. Владей»,
Как истинность былого прорицанья.

Лик IV

Печать зимы на форточном стекле —
Она в него, как в зеркальце, гляделась,
И в линиях рисунка я надеюсь
Январскую судьбу прочесть Земле.

А, может быть, в лазурном хрустале
Спит формула чудес и ключ оставлен
От белого дворца, куда доставит
Меня лишь лебедь вьюжный на крыле.

Гравюры ледяной язык забытый,
Как пылью вековой, снегами скрыты
Сокровищ карты в знаках потайных;

Всё замерло, как будто под гипнозом,
Зима в оцепенении морозном
Хранит свои секреты от чужих.

Лик V

Небеса постарели к зиме,
Стало солнце седым и холодным,
Будут бури играть в буриме
И метели — водить хороводы;

Сердце греется у камелька,
И охрипший простуженный голос
Ветры снежные за облака
Вновь уносят, легчайший, как колос, —

Столь же сытный и столь золотой,
Голос в голод и холод — спасенье,
Налитой добротой, теплотой
И святой благодатью осенней.

Жаркий луч из замерзшей груди,
Чистый ключ из озябшего горла,
Сколько зимних часов впереди, —
Сколько сможет звучать этот голос?..

Перелетные стаи приют
Пусть поищут за теплой границей —
В эту пору на свете поют
Только самые сильные птицы.

ВЕСНА

Весна, и всё воскресло вновь,
Восстала вешняя вода,
И в вёрсты вен вернулась кровь
Вчера растаявшего льда.

Весна влечёт, как вечный вальс,
Вес сна, виола соловья,
Волнует ветреница вас,
Веселье и восторг веля.

Венеры избранная дочь,
Вакханка — королева фей,
Вести и властвовать не прочь
Весна волхвов и ворожей.

У вещей вестницы в плену,
В сплетеньи света и ветвей,
Волшебной вольности волну,
Вино весны до дна испей.

Вождам и войнам вопреки
Великой веры времена,
Цветущей вишни лепестки,
Век возрождения — Весна!

ВЕСЕННИЕ ПРОВОДЫ

Последних майских дней дожди —
Весна расплакалась, прощаясь,
Теперь весь год ее не жди,
Не тосковать о ней стараясь;

Не вспоминай и не ищи,
Давно уж зёрна прорастают,
Уже на платъица плащи
Природа радостно меняет.

Катают южные ветра
Свой рыжий шар по небосводу,
Приходит летняя пора —
До встреч нескорых, непогода!

Юнона, Цезарь и Король
Накормят Землю и согреют,
Вступает в силу светлый Соль,
В его ладонях всё созреет.

А вот и встреча двух сестер —
Весна в венце из первоцвета,
И этих девиц вечный спор,
Как прежде, выигрывает лето:

Медовой спелостью вина,
Нефритом грозди виноградной —
И кислой ягодой весна
Потонет в чаре ароматной.

Царица щедрости грядет,
Но ей сестру младую жалко —
К груди пылающей прижмет,
И слёзы гроз осушит жарко:

«Не плачь, весна, и не скучай,
Пусть будет легким расставанье,
Прощай... Но почему прощай?!
До долгожданного свиданья!»

ЛЕТО

Ослеплённая солнцем, земля
Видит только цветы золотые,
В полдень площади, словно поля,
Ливнем летних лучей залитые;

Вечноюными слёзами роз
Переполнены чаши фонтанов,
И у мраморной девы поднос
Полон фруктов в руках неустанных.

В пустовавших глазницах озер
Возродилась лазурная влага,
Лето — опытнейший фантазер —
Утверждает с умением мага,

Что дожди и снега далеко,
И отныне не побеспокоят, —
И поверить лгуну так легко,
И жалеть об обмане не стоит.

ОСЕНЬ

Пишу об августе в дождливом ноябре —
И ненадолго исчезает непогода,
Как будто лето воцарилось на дворе
И замерла недоумённая природа;

Пишу средь осени про майские цветы —
И аромат их воздух наполняет мёдом,
В весенней зелени красуются кусты,
И забывает мир — какое время года;

Пишу о рождестве — и праздник тороплю,
И манну снежную дарю земле до срока, —
В тебе есть все сезоны, Осень, но люблю
Тебя, когда собою ты бываешь только:

Твой тихий парк, цветное золото листвы,
Прощанье птичьих песен и прохлады нежность,
Багровый клён твоей кудрявой головы
И бархатного моря ласку и безбрежность.

Неотвратимый близится сезон дождей,
Но знать тебя я вовсе не хочу такую —
Унылой в неприглядной серости своей,
Я навсегда тебя запомню золотою.

ПЕСНИ ГОЛИАРДОВ

I
ЗЛОЙ ПОВАР

Похлебку день и ночь варю
И хари мерзкие кормлю,
Всё жрут — и ненасытно и несметно:
Деликатес или дерьмо —
Им всё одно, им всё равно,
Орут: «Подлей еще!», а я в ответ им:

«А нравится, не нравится —
Вы жрите то, что варится!»
Потравятся, подавятся,
А мне какая разница.

Гурманов здесь ты не ищи
И благодарности не жди,
Хоть ремесло прекрасно знает повар —
И я когда-то видел в нём
Предназначение своё,
А нынче и во сне кричу обжорам:

«Вам нравится — не нравится,
Вы жрите то, что варится:
Потравитесь — подавитесь,
А мне какая разница?!»

Всем наплевать — здоров иль нет,
Ты, главное, готовь обед,
Да хоть умри — они и не заметят:
Ни на минутку не присел,
Сам толком ничего не съел,
Зато кому-то плоской лоб отметил:

«Вам нравится — не нравится,
Вы жрите всё, что варится:
Потравитесь, подавитесь, —
И мне не надо париться!»

II
ПЕСЕНКА ХОЛОСТЯКА

Каждой твари есть по паре —
Аллилуйя! Мир спасен —
Гименей опять в ударе,
Скоро всех повяжет он.

А покуда не попался,
Сам себе я государь,
Или пара затерялась —
Или, просто, я не тварь.

Хорошо поют дуэты
Под посуды славный звон,
Не расслышать те обеты,
Что давались в унисон.

Для Ромео и Джульетты,
Для Тристанов и Изольд
Загса нет на белом свете —
Ты перепиши им роль:

Позаботься о народах,
А меня оставь пока,
Вот для статуи Свободы
Подыщи - ка мужика:

Ишь от рук отбилась девка —
Вон как держится с тобой,
Как размахивает древком
Над твоею головой —

Так и долбанет с размаху,
Улепетывай скорей!
Эх... Неважная ты сваха,
Бедный старый Гименей.

ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Таится свет от глаз чужих,
Хранит огонь от ветра,
Так незаметен он и тих,
Но нынче день — день света:

Сквозь толщи льда, со дна морей
В проемы запертых дверей
Пробьётся свет звезды твоей,
Когда вокруг беда и ненастье,

Летит лучом — стрелы быстрей,
Спешит спасти тебя скорей
От тьмы ночей и тусклых дней,
И нет её светлей и прекрасней.

Скрывать сиянье столько дней,
Чтоб лишь однажды летом
Зажечь звезду души своей —
Ведь нынче день, день света:

День Преображенья,
День Преображенья,
Всех надежд свершенье и грёз,
День преображенья —
День рождения чудес и звёзд.

ПИРАТ

Я неизменно верен в зной и стужу
Своей судьбе — при солнце и луне,
Где океан разлит огромной лужей,
Подвластной лишь богам, ветрам и мне.

Я не устал вселять восторг и ужас,
Покуда светит мне звезда морей,
И недругов мочить, сажая в лужу, —
Доходней нет трудов и веселей.

Корабль, гружённый золотом, мне нужен
И каждый жлоб со всем его добром,
Но больше всех нужна мне эта лужа
С холодным и безжалостным нутром.

И, может, я бесчинствую и граблю,
Чтоб не расстаться с синею волной —
Она мой дом, а дом я не оставлю,
И не разлить нас никакой водой.

Дана мне вместо сердца небесами
Из вольности мятежной, бурь и гроз
Душа моя с крылами-парусами
Из самых лучших и счастливых слёз.

ЗАВИСТЬ

— Где сокровища припрятал?
Ведь не прост, я ж точно вижу.

— Ты совсем наверно спятил,
Я бедней церковной мыши.

— Да, а где ж берешь ты платья,
Что царям не снились даже?!

— Шью руками при лампаде,
Потрудись — сумеешь так же.

— В чем побед твоих секреты,
Что меня до смерти гложат?

— Выбрось сплетни и наветы,
Вот тогда поймешь, быть может.

— Отчего меня так мучишь,
Что же тайну не продашь мне?

— Душу новую не купишь,
Да и я — торгаш неважный.

ПАДАЕТ ЗВЕЗДА

Падает звезда — вот так удача,
Каждый загадает, что желает,
Гибелью светила шанс оплачен,
Главное — успеть, пока сгорает.

Может, кто-то камешки бросает
В свод небесный, звёзды не жалея,
И они однажды угасают —
Мрак становится ещё чернее...

Снова небо свечи зажигает,
Чуткие к случайным дуновеньям,
Что ж ты так упорно ожидаешь,
Что ж ты так желаешь им паденья?

Видишь, напоследок освещает
Та звезда твой путь ночной и дальний,
Кто светло живет и погибает,
Может быть важнее всех желаний.

ЖАННА

Незваной гостьей
На грязном дележе
Я — в горле кость вам,
Епископ и король,
Хватайте землю
Кусками пожирней,
А мне оставьте
Мою святую боль:

Нет ваших вотчин,
Есть дом, что я люблю,
Небесный отче,
Щади его, молю!
Пусть кружит ворон,
Я выиграю бой,
А дальше — хоть в огонь,
А после — пусть в огонь...

Учил нас пастор
На истинах простых —
Мы все здесь живы
Мученьями святых,
Сгорают свечи
Пред ликами икон
И теплится огонь,
Божественный огонь...

Победы горечь
Одна я пью до дна,
Ты спи спокойно,
Родная сторона —
Пусть не тревожит
Тебя последний стон
И дьявольский огонь,
Предательский огонь...

ВЕНОК

Сорви листок с лаврового венка,
Приправь похлёбку жизни,
Пусть будет терпка, прянна иль горька,
Твой вкус безукоризнен.

И сколько б раз ни слышал в жизни «SOS!»,
Всегда без сожаленья
Любому утопающему брось
Венок как круг спасенья:

Вот Солнце, раздрарившее тепло,
Озябшее, стареет —
Надень венок на светлое чело,
Пусть круг его согреет;

Погибшему герою, что ушёл,
За боль и благородство
Венок свой возложи, чтоб лавр зацвёл
Хотя бы на погосте.

Не променяй на вено и вино,
И вечною весною
Твой возрождённый, вольный твой венок
Останется с тобою.

КОЛОКОЛ

Я — колокол, я — божий глас,
Я страшен и велик для вас,
Но я спасаю всякий раз
Потерянных во мгле.
Пускай священный мой язык
Тайком шептаться не привык,
Он скажет правду напрямик
И небу, и земле.

Я — колокол, я — вечный зов,
Я — рай друзей и ад врагов,
И ясен всем без лишних слов,
Когда звучит набат;
Кого накрою колпаком,
Кому явлюсь святым цветком,
Мой благовест лишь тем знаком,
Которым чёрт не брат.

Я — колокол, я — вещей звон,
Я — связь времён и стон племён,
Я тот, кто рвет порою сон
На всполохи и вой;
Расплавить или утопить —
Мое молчанье не купить,
Я вечным боем буду бить,
Презрев мирской покой.

Глашатаям счастья и вестникам бед
Любой из напастей известен ответ,
И голос, оставленный новому дню,
Споёт, кого я славлю и по ком звоню.

ЭОЛ

Стихают стихии,
Смолкают стихи
Без солнца и свежего ветра,
Неистовый гений,
Незримый арфист
Уже не играет сонеты.
Для публики праздной,
Для сытых сычей
Он струны не станет тревожить,
Но в скорби согреет
Средь черных ночей —
Быть может, быть может...

Сгорают созвездья,
Скучают сердца́
Без светлых и стройных созвучий;
Счастливому скальду
Силков и свинца
Так много для жизни певучей,
Но ветер бессмертен,
И греческих грёз
На свете не сыщешь дороже,
Способных спасти
И от стрел и от слёз —
Быть может, быть может...

ПОДСНЕЖНИК

Длинна дорога и трудна,
И где-то там у самой кручи,
Где высь небес так холодна,
Над путником сгустятся тучи,

Костры угаснут на пути
К седой вершине, и на склоне,
Когда не станет сил идти,
Слезу, как лепесток, уронит

Подснежник — пусть будет, что будет,
Но нежность зима не погубит,
Подснежник от тепла и света скрыт;
Подснежник — кто верит и любит,
Тот нежность весны не забудет
И солнце в сердце вечном сохранит.

Преград всё больше и потерь,
Нет прежних спутников с тобою,
Ну, как, скажи, помочь тебе
Идти неведомой тропюю:

Исчезнет солнце за горой,
Но будут новые рассветы,
Дорога эта — путь домой,
Вокруг снега, но в сердце лето...

Подснежник — пусть будет, что будет,
Но нежность зима не погубит,
Подснежник от тепла и света скрыт;
Подснежник — кто верит и любит,
Тот нежность весны не забудет
И солнце в сердце вечном сохранит.

СНЕЖНАЯ РАПСОДИЯ

Падал снег,
Кружил и тихо падал снег,
И была Земля белей,
Чем облака по весне;
Столько лет
Летит, не тая, этот снег
В долгом дне,
Прекрасном дне...

Плыл рассвет,
Пылая, в дали плыл рассвет,
И алмазной нитью век
Сверкал в твоей седине;
Сколько лет
Лежит, не тая, этот снег
В долгом сне,
Счастливом сне...

ВАЛЬС

*В просветах среди мчащихся вихрем туч
мелькают вальсирующие пары.
Облака постепенно рассеиваются:
виден огромный зал, заполненный танцующими.
Морис Равель*

Темнеют праздничные залы,
Гася огни последних свеч,
А взгляду блеск бывшего бала
Ещё так хочется беречь;
Альты прощаются устало
И не сулят уж новых встреч,
А сердце шум бывшего бала
Ещё пытается беречь.

Стихают пламенные речи,
Но помнят поздние цветы,
Что вечер должен длиться вечно
В объятьях вальса и мечты;
Пусть плащ, сброшенный на плечи,
На миг мелодию прервал,
Пусть век крылатый скоротечен,
Но бесконечен будет бал!

На шахматной доске паркета
В знаках белых, знаках чёрных
Кружат, как прежде, силуэты
Незабвенных, непокорных;
По острым граням тьмы и света
В знаках чёрных, знаках белых
Несут к счастливым снам кареты
Непокорных, незабвенных.

ИКОНОПИСЕЦ

Кто видел Бога и его учеников,
Тот жил не для того, чтоб заполнять киоты,
Ему не страшен смертный лязг земных оков,
И у небес верней не будет патриота.

Святых натурщиков нет лишь бы у кого —
Даны не каждому священные портреты,
За тыщу лет благословляют одного
Соборных росписей чудесные сюжеты.

Он искупает кисти в солнечном желтке,
И ассист выбьется лучом из-под оклада,
Рассветный херувим заблещет вдалеке
И вновь очертит круг божественного лада.

Сок диких трав и воск расплавленных свечей
В печальном вечномолчаливом взгляде неба,
Морские слёзы и целительная чернь,
И новый Деисус голодным слаще хлеба.

Вся божья сила с ним, и чаша не трудна,
Им будет пройден горный путь с одной лишь кистью:
Копьём Георгия вчера была она,
А нынче — деревом жизни, нимбом золотистым;

И кони огненные, что Илью несут,
И Христофор, что от соблазнов спрятан маской,
Ей всё подвластно — духа благодатный труд
Расцветен будет самой вдохновенной краской.

Пусть исцеленье страждущих вознаградит
И укрепит сей образ свет надежды зыбкой,
А мастер верит, что когда-нибудь узрит
На ликах избранных счастливые улыбки.

ПАУТИНА

*Я видел у обочины дороги
Обломок яшмы затоптали в грязь
Юн Дусо*

Сердце птицы в паутине,
Словно луч в болотной тине,
Сеть не в силах разорвать:

Перепачканные крылья,
Что белее снега были,
Даже близким не узнать.

Упиваются пиявки,
Забавляются козьявки —
Тянут кровушку из ран,

И смеются и судачат,
А она поет и плачет,
Знать, такой ей жребий дан...

Вырвись, вырвись, дух крылатый,
Будет нечисти расплата,
Слёз алмазы унеси —

Нет, нельзя душе певучей
Гибнуть в омуте вонючем,
Сердце хрупкое спаси.

Место птицы в поднебесьи,
А не на помойке бесей —
Крылья гордые расправь,

Вместо горечи и боли
Стань царицей синей воли,
Омут жабам предоставь.

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

Солнце ходит колесом,
Тополь небо подметает,
Дом из камня невесом,
Ползал червь — а тут летает;

Кто не сеял, тот и жнет,
Безголосый запеваает,
Трутень соты продает,
Дурень умным помыкает;

Вверх тормашками Земля
Ждет спасенья от бандитов,
Оказалась буква «Я»
Самой главной в алфавитах...

В общем, мир наоборот
Это жуткое веселье —
Идеалом стал урод,
Добрый просит извиненья;

Лишь для жаворонка жизнь
Неизменной остается —
Он, как мир ни повернись,
Меж землей и небом вьется.

ИМЕНЕМ МОИМ

В ожиданьи встреч на пути к любви
Именем моим сказку назови:

Тот, что больше всех лишь тобой любим,
Окрести цветок именем моим;

Песню, что поют в парке соловьи,
С именем моим тихо повтори...

Что желанней всех и прекрасней — ту
Именем моим назови мечту,

И в чудесном сне грезы сладкий дым —
Счастье назови именем моим;

Солнце и Весну вновь благослови —
Именем моим нежно назови,

Радость всех побед, мощь и власть огня...
Прежде, чем ты им назовешь меня.

ВИНО ВОСПОМИНАНИЙ

(пародийный романс)

Когда уходит прелесть дней былых,
Очарований след мы тщетно ищем
И воскресить напрасно грезим их —
Нас ждет лишь пепел позабытых писем:

Давно увяли прежние цветы
И пожелтели старые страницы,
В саду вечером не вернуть мечты,
Опали листья и умолкли птицы.

Скамья свиданий — в топях серых луж,
Не повторить развенчанных признаний,
И юный хмель, и бушевавший пунш
Вернулись к нам вином воспоминаний;

Всем тем, что отжило давным-давно,
И душу бередя, и сердце рая,
Мы всё никак не выплеснем в окно
Прогорклое вино воспоминаний.

ОГОНЬ

От него сгорают свечи
И пылают печи,
Тают льды и пламенеют речи;

Всеми красками расцвечен,
Горд и безупречен,
И тушить его, признаться, нечем.

Душит он в объятьях жадных,
Жесткокрыл и жарок —
Жертв, что сам избрал, ему не жалко.

Только зря кричат кликуши:
«Как же он бездушен!»
Просто он не терпит мрак и стужу.

Не нужны дрова-поленья
Пламенным знаменьям,
Солнцем порожденный, он нетленен.

И язык его палящий,
Хлёткий и изящный,
Только тот, кто сердцем чист, обрящет.

ХОХЛОМА

Ночные сады хохломы,
Где летом алеет калина
И павы поют средь зимы
Получше хоров соловьиных;

Ночные сады Гесперид —
В просторах народной иконы
Заря киноварью горит
И светом души непокорной.

Здесь, в водорослях кудрины,
Русалки и рыбки златые,
И травы хмельные вольны —
Чаруют узоры простые

Своим неподдельным теплом:
Из щедрой руки мастерицы
Сыт хищник с ветвистым хвостом,
Обычный скворец и жар-птицы.

Здесь пряников хватит на всех,
И ягод, и браги в братине,
Здесь станет целебен и вех,
Во льне побывавши и в глине.

Ковши и бочонки полны,
И Сирина слышится пенье,
Пока для золотой старины
У кисти хватает терпенья.

НОТЫ

Вот ключ к любой душе, и если грустно,
Минора никому не избежать —
Когда мотив сплетён вполне искусно,
Клавиру бесполезно возражать:

Ладонью с бесконечными перстами
Пять параллелей тянутся к сердцам —
Электропровода, дороги стана
Артериями рвутся к небесам;

Трель-молния и пауза-пружина,
И целая — Вселенная среди них —
Пронзительно звенящая вершина
Октавы пятой... И последний штрих;

Трехкрылая, как профиль херувима,
Стрелой тридцать вторая пролетит,
Восьмые, лигою нерасторжимой
Литые, и ферматы верный щит, —

Тех монастырских тайн язык священный
Читаем в залах без свободных мест,
Где Гений музыки самозабвенный
На фальши ставит дубль-диеза крест.

ТАКАЯ МУЗЫКА ЗВУЧАЛА

Когда рождалась первая заря
И солнце утром жизни мне светило,
И первые листки календаря
Летели вдаль — и их не жалко было,
И первая мелодия ждала
Меня у входа песнею начала,
И звездным светом за собой звала,
Такая музыка звучала!..

Мелькают лица, встречи, миражи
Гирляндами находок и открытий,
И всё вокруг сверкает — и кружит —
И длится вереницею событий;
Едва ли вспомню я через года,
Как светлый праздник жизни отмечала,
Вот только не забуду никогда,
Какая музыка звучала!

Когда-нибудь всему настанет срок,
И я в свой час уйду отсюда тоже.
«Как ты жила?» — с улыбкой спросит Бог,
«Что сердцу твоему всего дороже?»
И я ему отвечу, не тая,
В конце пути у райского причала,
Что счастлива и благодарна я
За то, что музыка звучала —
Такая музыка звучала!

ГОРОД

Я пройду по дорогам твоим —
По коврам из листвы и цветов,
Старый город, мы вечно спешим
И не слышим твоих главных слов;
Как ты можешь пророчить и петь,
Столько видевший в жизни своей, —
Расскажи обо всем и приветь,
Как бывало, под сенью аллей.

Боль твоя притаилась втиши,
Точит сердце незванной слезой,
Только где ж ее нет, расскажи —
Всё равно ведь останусь с тобой:
Будут крысы бежать с корабля
И дожди всё сильнее станут лить,
Но за это, родная земля,
Разве стоит тебя мне винить?

Город Солнца! Город Лета,
Вечной синевой одетый,
Гавань Сердца! Гавань Света —
Пусть сытней и проще где-то;
Город Солнца! Город Лета,
Больше всех так нужен мне ты,
Гавань Сердца! Гавань Света!
Мир певца и дом поэта...

ОДА ЧЕРНЫМ ВОЛОСАМ

Праматерь всех цветов — полночный шёлк небес
И гроздь аронии на палеховском фоне,
Орган эбеновой заупокойных месс
И чернобурка, обманувшая погоню;

Земли-кормилицы целинный чернозём,
Изящность ласточки и грация пантеры,
Редчайший лебедь, украшавший водоём,
И ряса черная как символ божьей веры;

Чернь ювелиров, черноморская волна,
Гирлянды чёрных роз — ценнее нет убранства,
И хохломской бокал черничного вина,
И бездны чёрные вселенского пространства;

Рисунок углем и космическая тушь,
И соболиный мех, и лак волос христовых,
Чернец, архиерей — спаситель грешных душ,
И чернота ниелло в золотых оковах;

Мёд чёрных лютиков и ворона крыло,
И скорбный гений с желчью чёрного окраса,
Но время непогоды дань свою взяло —
Светлеют год от года чёрные алмазы.

ЭПИГРАММЫ

I
ОСЁЛ В СТЕПЕНИ

Осла остепенители наконец:
Степенный олух умниц превзошёл —
Обычным дурнем раньше был глупец,
Теперь же стал он в степени осёл!
Наука знатока приобрела —
На всё твердит уверенно: «И-а!»
Так пусть же оппонентов устроит
Ослиный дух и грозный стук копыт,
И сквозь парик учёнейшего мужа
Торчащие свирепо уши.

II
СКУНС-ДОЛГОЖИТЕЛЬ

Вонючка, долгой жизнью не кичись!
Ты жив ещё — так это и понятно:
Наверно, смерть разборчивей, чем жизнь, —
Ей лучших в рай сопровождать приятно,

А про тебя как вспомнит, сразу стонет —
Так страшно ей подумать наперёд,
Какой она нанюхается вони,
Пока тебя до ада доведёт.

III СВИНЬЯ – КОПИЛКА

Фарфоровая жирная свинья
На шкафчике блаженно улыбалась:
«Вот буду, как никто, богата я», —
Свинье-бедняжке грезилось-мечталось;

«Пусть станет золотою жизнь моя!» —
Каким чертям уж только не молилась,
Желаний сокровенных не тая,
И наконец заветное свершилось:

Свинье пробили в голове дыру,
И каждый в эту щель бросал монету —
Дзинь-звяк — ах, как же хрюшке по нутру —
Дзинь-звяк — заманчивая песня эта.

К свинье возрос хозяйский интерес,
И пусть её не очень-то любили,
Общественный свинья имела вес,
И ею больше прочих дорожили:

Свинья желала высказаться вдруг —
И слаще арфы хрюканье звучало,
И тут же расстилались все вокруг,
Покуда брюхо грóшами бренчало.

Успешна стала хрюшка и важна,
Но с vip-персоной драма приключилась:
Под собственной тяжестью она
На черепки однажды развалилась.

ИЗ ЦИКЛА
«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПТИЦ»

ПТИЦЕЛОВ

Силки из солнечных лучей
Который год сплетаю,
Маню в них птиц — и всё ловчей
На волю выпускаю:

Вот синий дрозд и лирохвост,
Вот феникс и красавка,
И сирин тут, и алконост,
И ласточка-касатка;

Вот соколы и соловьи,
Сирены и жар-птицы,
И чайки, и орлы мои,
И звонкие синицы;

Сова и жаворонок здесь —
Всем у меня уютно,
И песен сказочных не счесть,
Что птицы те поют мне:

О вышине и о стране
Неведомой и дивной,
О тишине и о волне —
Всё в песне голубиной.

Я верю вольной их судьбе
И в путь благословляю —
Пусть улетают, а себе
Их песни оставляю.

СОКОЛ

Твой гордый дух взлетал
К вершинам разных скал:
Одна была сияющей и белой —
Там праздник ждал тебя,
Скучая и любя,
Тот взлёт молва звала твоей победой.

А на скале другой
Чернела злая боль,
Но к пику скорби ты бесстрашно рвался,
Чтоб с кем-то грусть делить,
Чтоб чью-то боль сразить,
А взлет молве падением казался.

Так видится молве
В алеющей траве
Усталая израненная птица,
И свора низких душ
Услышать грезит туш,
Пока крылатый к новым высям мчится.

ЖУРАВЛЬ

Мой журавль по берегу гуляет
Тонконогой белою мечтой,
Отпускаю — он не улетает,
Отвечая песней золотой:

«Всё прекрасно в небе синеоком,
Только скучно мне там без тебя...»
«Оставайся сказкою далекой», —
Возражаю я ему, любя.

«Обойдусь пока синичьим пенъем,
А тебе бы — вновь за клином ввысь,
У меня достаточно терпенья
Ждать, покуда грезы не сбылись».

Только снова непреклонна птица:
«Если улечу, то лишь с тобой —
Пусть звезда за путником катится,
Время ж — против стрелки часовой».

Души тянутся к своим желаньям,
Словно властолюбницы к венцам,
Но и мне несносно расставанье —
Ведь мечты скучают по сердцам».

ЧАЙКА

В ночи кричала раненая чайка,
Взмывая в небо из последних сил,
Вокруг летали звёзды сизой стайкой
И ветер на руках её носил.

О чём кричала раненая чайка,
Паря, как гордая душа морей, —
Что океанов и небес хозяйке
Непросто погибать, но жить трудней,

О том, что где-то бродит зло,
И ей теперь не повезло,
Но очень скоро заживет её крыло,
О том, что было, но прошло —
Волной солёной унесло,
И очень скоро заживет её крыло.

В ночи кричала раненая чайка,
Не веря боли собственной ничуть,
Распластана на обагрённой гальке,
Лишь чтоб пред новым взлетом отдохнуть.

В ночи кричала раненая чайка,
Но сердце знало, что когда-нибудь
Отчаянье заменит песня счастья,
А значит, стоило продолжить путь —

Пусть где-то в мире бродит зло,
И ей теперь не повезло,
Но очень скоро заживёт её крыло,
Что ж — горе было, да прошло,
Волной солёной унесло,
И очень скоро заживет ее крыло.

ЛЕБЕДИ

В час прощальный крылатый певец
Только с музыкой неразлучим,
Белый лебедь и черный близнец
Дарят миру предгибельный гимн:

Им по чёрной реке вдаль уплыть
Или в белую высь улететь,
И потом ещё быть иль не быть —
Только б петь без конца, только б петь.

Белый лебедь и чёрный собрат —
Неразрывной навеки дуэт:
Голос дня — про усталый закат,
Голос ночи — про юный рассвет.

Чёрный лебедь и белый двойник —
Песня счастья и скорби мотив,
Речи солнца и лунный язык,
В небе песни и крылья сложив,

Пой и в самый последний из дней,
Когда больше не спеть ни о чем,
Белый лебедь — о жизни своей,
Чёрный лебедь — о том, что потом...

ПЕЛИКАН И СТЕРВЯТНИК

Пеликан: Так жаль несчастных мне, что сердце разрывается,
Ах, как бы я желал избавить их от бед!

Стервятник: Вот идиот, с утра слезами обливается,
— Да пусть подохнут, будет нам с тобой обед.

Пеликан: Наверно, плохо я прошу об их спасении,
Раз небеса не отвечают на мольбу...

Стервятник: Там выходной — у них сегодня воскресенье,
А будешь громко петь — нарвешься на пальбу.

Пеликан: Один голодный, а другому нужно снадобье,
От жажды третий жив едва — но как помочь?

Стервятник: Уж больно тощие, но раз другой нет падали,
Сгодится эта — жрать охота, аж невмочь!

Пеликан: Никто на помощь не придет, но есть решение —
Я напою их кровью из своей груди!

Стервятник: Вот идиот — такое портить угощение!
Хотя... четыре блюда всё жирней, чем три.

ГОЛУБИ

Распахни сердце — из него выпорхнут голуби,
Подари миру своих крылатых вестников,
Не зная, к какому времени они долетят
И осияют ли путь вообще, —
Ведь им лететь через тысячи лет
И километров, за океан и на соседнюю улицу —
Отправь их всюду и в никуда,
Не зная, для кого и скольких...
Кто-то из посланцев твоих
Умрёт в пути от холода или усталости,
Других подстрелят или выкрадут —
И тогда дари снова и снова
Белых герольдов
С миртовой ветвью в клюве,
С небесной песнью
Из алмазного горла горлицы...
Распахни сердце —
Отпусти своих птиц.

СОЛОВЬИНАЯ СМЕРТЬ

Убьёшь меня, и пленный голос мой,
Что в брэнном теле до сих пор томился,
Умчится снова ввысь — к себе домой,
Да и куда б мой дух ни устремился,

Он всюду песнь бессмертную найдёт,
Куда доставит облаков армада,
Меж тёрна звёздного вновь запоёт,
Средь райских куш, как средь земного сада...

Да, дорог был мне сумеречный парк,
Как мало что любилося в жизни вечной,
Теперь же пусть несёт небесный барк
К той пристани, желанной и беспечной:

Я с чрева материнского сыта
Отравленным зерном, султанским кофе —
Пусть новый яд готовит высота,
Со мною песня — мой всегдашний морфий...

Убьёшь меня, и пленный голос мой —
Скучавший ангел, одинокий гений
Лишь крыльями взмахнет в глуши немой,
Но песню не прервёт ни на мгновенье.

ПЕСНИ ДОН ЖУАНА

I

Нет сердца горячей, но угасает пламя,
И только пепел вместо тысячи огней,
Лишь, как и много лет назад, сверкают грани
На бриллианте, что не стал ничуть тускней;
И что ты мне поёшь про сердце молодое —
Тебе не слышен разве поминальный звон,
Все слёзы выплаканы в золото литое,
И сердце камень у меня, и дорог он.

В пещере сердца моего полно сокровищ,
Но минотавра вот не доглядела ты —
Вам всем хотелось бы добра, и без чудовищ,
Какие жадные, однако же, мечты;
Однажды истуканом каменным — я знаю —
На время буду в сон беспечный погружен,
Но я вернусь, чтоб вновь разжечь повсюду пламя,
Да, сердце камень у меня, и вечен он.

Завистник сетует, что грудью я так прочен,
Что об нее так часто тупятся клинки,
Я — Купидона паладин, и я порочен,
Но лжесвидетели от правды далеки.
Я счастье зыбкое свое ищу веками,
С тобой ошибся вновь, и ты уж не взыщи,
Да, сердце камень у меня, но что за камень, —
Пойди ценнее и прекрасней отыщи.

II

Да, клялся я вчера в своей любви,
Да, верил я, что быть твоим смогу,
Но нынче нет огня в моей крови —
Тогда не лгал я и теперь не лгу.

Покуда был крылатый Бог со мной,
Я, вдохновенный, счастлив был и смел,
А нынче лишь постылый путь земной —
Исчезла страсть, и я осиротел.

Невольно я — причина стольких бед,
Сердец разбитых мне не люб венец,
И как несчастен алчный сердцеед,
Узнай же и утешься наконец.

III

Поверженное сердце — спелый плод,
Мне сок его аперитивом служит,
В чужих садах нередок недород,
А мой от гиперурожаев тужит:

Трофейный пульс — багровый мотылёк,
Как перезвоны алых колоколец,
Пленённой птицы пламенный зарок,
Трепещущей за каждой из околиц.

Давно склевать мечтает вороньё
Эдемский плод, но яблоко раздора
Несу я, сердце черное своё,
Стальной эмблемой пики пикадора.

Мишеней столь доступных мне не счесть —
Я в этом тире давний завсегдатай,
Но знаю, что уже замыслил мечь
Моих триумфов злобный соглядатай:

Слетайтесь, нимфы, живо на погост,
Сплетайте розы в нимб Святого Марка —
Домой уходит ваш полночный гость,
Его к иным ревнует даже Парка.

ПЕСЕНКА ФАКИРА

С корзинкой тростниковой
Бреду я на базар,
Опасный и суровый
Припрятан в ней товар;
Не строю и не сею —
На дудочке играю,
Пока есть в мире змеи,
Я песней заклинаю.

Ах, как змея мечтает
Ужалить соловья,
И всё, что ей мешает, —
Лишь музыка моя;
Будь коброй иль гадюкой,
Но место знай своё —
Покуда слышишь дудку,
Пляши-ка под неё!

Пусть говорят повсюду,
Что маг я и факир,
Я верю — песни чудо
Изменит этот мир:
Наивней и светлее
Не выдумать мечты,
А всё же пляшут змеи
И дудочка звучит...

Как много змей —
Зурна, смелей!
Ведь им не справиться с мелодией твоей,
Пускай шипят
И копят яд,
Их всех плясать заставит песенка твоя.

ДОМ

Мне мало неба — я его рисую
На стéнах, на полу и потолке;
Мне мало солнца — я о нём тоскую
Повсюду в доме, в каждом уголке.

Рисую — и приесться им рискую,
Но, жажды неуёмной не тая,
Всё золото лучей к себе несу я,
И знает дело чудо-кисть моя;

Ультрамарина, что ещё остался,
На волны моря хватит мне сполна,
С любой другою краскою расстанусь,
Но ты — лазурь, ты мне всегда верна!

Мой светлый дом, корабль мой летучий,
Нет синевы прекрасней и родней;
Пусть грозовые бури в ней и тучи,
Но только в ней есть дом мой, только в ней.

ХОНКИ-ТОНКИ

На просторной сцене жизни
Что ни день, то новый бал,
Голос был без укоризны,
Облик белизной сиял,
И сколько тот рояль сыграл
Блестящих партий и историй,
Но вновь и вновь с мажором споря,
Звучал печальный финал —
И расстроился рояль...

Вместе с виртуозом юным
Выходил в огромный зал, —
Под крылом дрожали струны,
Молоточками стучал
В счастливом сердце песни пульс,
Он знал, восторгам зала вторя, —
Таланту надо стать опорой,
И он плечо подставлял —
Так настроился рояль...

Что бы ни случилось прежде,
Он надежды не терял:
«Черных клавиш всё же меньше», —
Всем вокруг напоминал,
Да, с миром не в ладу бывал,
Но, фальши никогда не зная,
В минорный час не унывая,
Он мчится в новую даль —
Нестареющий рояль!..

ОБМАНУТЫЙ

Как по тетрадке разлинованной,
Решёткой строк навек иссеченной,
Он шёл дорогой уготованной,
Со всею строгостью размеченной, —

Маршрутом, выверенным с точностью,
Шагал, вперёд смотря уверенно,
Дышал надежностью и прочностью
И коротал свой путь отмеренный.

Но как-то раз июльским вечером,
Спеша тропинкою привычною,
Впустил он в сердце опрометчиво
Шарманки песенку обычную.

И после брёл, как заколдованный,
За нею улицами тёмными,
А муза — песенка бездомная —
Манила вдаль тоскою томною...

Ушло с рассветом наваждение,
И он очнулся, как подкошенный,
Пугаясь, словно привидения,
Визита радости непрощенной;

Вбежал, спасаясь, в жизнь знакомую,
И дверь захлопнулась со скрежетом —
Из сердца песенку бездомную
Изгнал он и живет по-прежнему.

Лишь иногда вздохнет нечаянно
Душа, припомнив о потерянном,
И вдруг зайдет от отчаянья
Тот, что избрал свой путь размеренный.

СЕРДЦЕ И ЧАСЫ

Нависло время над камином —
Огонь горит, но век идёт,
И золотистый Арлекино
В перчатках чёрных рядом ждёт:

Он словно чёрт из табакерки,
Что изготовился к прыжку,
Он впрок снимает с сердца мерки,
Всё подбираясь к рычажку.

Здесь Хронос чадо пожирает
И прячет время в черепках,
Здесь небо звёздами играет
У астрологии в руках:

Да, *aug vin* и *Tempus Fugit* —
Набатов тамбурин звучит,
Здесь стражи сердца — смерти слуги,
Топор их в глобусе стучит,

И в книге, и в стальном тюльпане,
Срывая мерно лепестки, —
И кошелёк их не обманет,
И марказита огоньки...

Часы упрячут в клюве птицы —
И жизнь летит за нею вдаль,
Часы ушлют в пороховницу —
И бьётся вдребезги хрусталь.

И сердце разрывает путы,
Плеснув кровавое вино,
В лицо смеясь им всем, как будто
Perpetuum mobile оно.

МЕЛАНХОЛИЯ

*Заботы и тревоги всех живущих
Взвалил на спину и несу один.
Не потому ль с утра до поздней ночи
Я плачу и вздыхаю тяжело?
Ку Джиджон*

За спиною крылья белоснежные —
Почему ж взлететь так тяжело
И грустны раздумия по-прежнему,
Помрачнело светлое чело;

Может, завернувшись в плащ лазоревый,
Босиком пройтись по облакам,
По шелкам небес вечерней зорькою,
По седым пуховым островкам;

Чёрной желчью, сепией осеннею
Тайные оставить письма —
Белый ангел в скорбном воскресении,
Ты во всём и властна, и вольна...

Переполнив чашу чёрной полночью
Болью мира — мертвою рекой,
Сердце окольцуй железным обручем,
Как никто взлетая над тоской.

КОРОЛИ-СТИХОТВОРЦЫ

Взбалкали так венцов, что, право,
Простыми не сказать словами:
Короны есть — в них власть и слава,
И нимбов свет над головами;

Но дýши жадность обуяла,
Подарок Дафны не упустим,
Тиар и диадем нам мало —
Без лавра скучно и безвкусно.

Со всеми нашими венцами,
Со скипетром и со державой
Нет полной власти над сердцами,
А в песне есть она, пожалуй.

Уреусом и шапкой царской
Не обрести нам ореола;
Монарший кнут, монаршья ласка —
Опора шаткого престола,

Казна и казнь — нам всё возможно,
Но вот любовь и обожанье
Заполучить нам слишком сложно,
А песня сможет всё, пожалуй.

РОЖДЕСТВО

Кто-то в небесах теперь гадает,
Счастье нам стараясь предсказать, —
Лепестки с цветов зимы срывает,
И снежинки падают опять
В день радости, день праздника,
День света и любви.

Цветы зимы летят с небес на землю,
Цветы зимы — как крохотны их лепестки,
Едва слышны — но сердце им лишь внемлет,
Мелодиям цветов зимы.

В ночь чудес, как светлячков круженье,
Словно стаи белых мотыльков,
Как жар-птицы снежной оперенье,
Конфетти небесных лепестков
В час радости, час праздника,
Час света и любви.

Цветы зимы летят с небес на землю,
Цветы зимы — как крохотны их лепестки,
Едва слышны — но сердце им лишь внемлет,
Мелодиям цветов зимы.

БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ

Когда не хватит в шлюпке места,
Когда не будет брошен круг,
Она тебе в ночи беззвездной
Протянет трос из хрупких рук —
Она придёт по гребням волн,
Беду любую отведёт,
Верь — в океане беспокойном
Она тебя всегда найдёт.

Она ни мрамор, ни мираж
На долгожданном берегу,
Когда-нибудь ты позовешь,
В ответ услышав: «Я бегу»!
В тот день и ты поверишь гимнам
Всепобеждающей мечты —
Пойми, она когда-то гибла,
Чтобы суметь тебя спасти.

Всегда непросто кораблям
Не сбиться с курса на пути
К Надежды вечной островам —
Штормá и бури все пройти,
Но если компас сердцем чистым,
Как путеводною звездой,
Ведёт тебя в просторе мгlistом,
Поверь — она всегда с тобой:

Бегущая по волнам
На зов молитвы о спасенье,
Ведущая к маякам
Сквозь безнадежность, смерч и темень,
Чтоб всех на свете ждал
Свой берег.

АРГО

Нас всех проверяли десятки морей —
Кто с бурями сладит достойней,
Но вот выплывают не те, кто смелей
И лучше, а те, что не тонут:
Акулы брезгливы к таким почему-то
И волны к себе на постоя не берут,
В сколько океанах, Арго мой, тонул ты,
А эти — гляди — всё плывут.

Каким капитаном я всё-таки был —
Расскажут потом альбатросы,
Даруй мне, Создатель, терпенья и сил,
Попутного ветра и верных матросов;
Пусть злобствуют ветры,
Пусть бесится шквал —
Их чистые сердцем встречают спокойней,
Смотри, как смывает стремительный вал
Всех тех, кто, казалось, не тонут.

Лети, мой Арго,
К мечте золотой,
Я волей смирю вспенённые волны,
Лети, мой Арго,
Прекрасной стрелой,
Вперёд — и конечно же полный.

БРИЛЛИАНТ

Слеза алмазная, чтоб совершенством стать,
Какие муки ты еще преодолеешь,
И после пыток не умрешь, не постареешь,
Но лишь от боли станешь яростней блистать;

Звезде бесценной и негаснущей под стать,
Как много глаз восторгом пламенным согреешь,
Разрезать скальпелем полночный мрак сумеешь,
От восхищений и проклятий не устать...

Мечта стяжателей и талисман провидца,
Красою вечной в ослепительной судьбе
Ты — Муза мастера и дожа достоянье;

Перед тобой замороженных вереницы,
Но знать зачем им всем, что стоили тебе
И раны-границы, и волшебное сиянье.

ПАМЯТЬ И ПОДЛОСТЬ

Не надо саван принимать за белый флаг,
Поминки пасквилем бездарным опошлять, —
Он на одре, он как младенец, чист и наг,
Вам в неподвижную мишень легко стрелять:

Здесь были храмы, были замки и дворцы,
А вас пускали лишь в отхожие места —
Не вам он завещал бесценные ларцы,
И вы о нем, увы, не знали ни черта;

Канавой к яме выгребной течёт молва,
Шуршат доносов обветшалые листы,
Ослы живые судят умершего льва,
Крадя с его могилы свежие цветы.

ДРЕВО ЖИЗНИ

Облетают листья календарные
С древа жизни в сказочном саду,
Но весной отсчет начнется заново —
Я тогда опять сюда приду:

И на всех страницах ежедневника
Будут только новые стихи —
В вечноюных ветвях можжевельника,
Меж серёг берёзы и ольхи.

Может, будет ивою плакучею
И пуховым тополем весной
Или же остистою колючею
Трехтысячелетнею сосной.

Древняя обитель соловьиная —
Там, где папоротники в цвету
Силой нерастраченной, былинною
Обретет былую высоту;

Топорами палачей казнённое,
Без дождя и солнца сотни лет,
Молниями столькими пронзённое,
Но живое, и прекрасней нет.

ЭРИННА

Нить ускользает из усталых рук —
Пусть новая подхватит мастерица,
И пульс вернет под прялки мерный стук,
Под стук колес извечной колесницы;

Разматывая солнечный клубок,
Покуда луч последний не исчезнет,
Пусть даст судьбе таинственный зарок —
Прядёт во мраке, в худшей из болезней:

Изогнутая тонкая струна,
Извилистая долгая дорога,
Канатом из волшебного руна
Пусть канитель плетётся понемногу...

По этой нити вновь за облака
Взберусь к высотам грозовым и горным,
На эту нить низая жемчуга,
Портрет судьбы я разошью проворно:

Бедняжка Клото, вновь тебе хранить
Мой светлый день от бренного заката,
Нить Ариадны — золотую нить,
Чтоб стал не страшен лабиринт Гекаты.

ВОЕННОЕ КЛАДБИЩЕ (1989)

Гранитных звёзд святые лица
И вечноюные глаза,
Как научить иных молиться
На этих спасов образа́?

Тут, где был госпиталь когда-то
И воинских мощей не счесть,
Погибшие от ран солдаты
Нам завещали долг и честь;

Лет сорок с небольшим промчалось,
А будто сорок сороков,
Лишь пламя памяти осталось,
Сияя нам во мгле веков;

Что мне созвездья небосклона —
Чужие дальние огни? —
Земли истерзанное лоно
Спасли от смерти вы одни;

Дорогой пыли и тумана
Иду на ваш лучистый свет, —
Лишь в вас, как прежде, нет обмана,
И трусости и фальши нет.

Горите, звёзды, озаряйте
Над мрачной бездной долгий путь
И в сердце пламенном сияйте,
Чтоб слиться с ним когда-нибудь.

ЧАСОВЫЕ МАСТЕРА

Неверное время, верни мне
Гномонов лучистые дни,
Живою водою клепсидров
Омоешь ты стопы мои;

Вращая под тяжестью гири
Зубчатых колёс жернова,
Таись в венценоснейшей лире
И майся, колеблясь едва;

Атлантов поставь на колени
И свечи над ними зажги, —
Дозорные всех поколений
На башне твоей средь пурги;

Ты ножичек точишь иль пули
Не жалко для жизни тебе,
Пульсируют нынче пандюли,
А там — как угодно судьбе;

Алмазы, рубин в малахите,
Но трон золочённый лишь тронь —
Часы на камине разбиты
И гаснет в камине огонь.

Что ждать мне от вора и хама:
Ты губишь своих мастеров,
Осколки фарфоровых храмов
Швыряя во чрево костров,

Но их имена золотые
Не в силах убить даже ты:
Ты — дряхло, они ж молодые
Всегда — мастера красоты.

БАЛЛАДА

*Где эти дамы без изъяна,
Где ныне прошлогодний снег
Франсуа Вийон*

Когда грядут раздоры и разоры,
Ищи защиты правого меча,
Но что ж на ваших рыцарях, сеньоры,
Взамен доспехов роба палача?

Когда в ночи, на отречение скорой,
Петух еще трех раз не прокричал,
Как резво ваши рыцари, сеньоры,
Трусятся на спасительный причал?

Атланты где, небесные опоры
С надежностью гигантскою в плечах,
Где Круглого Стола былые споры,
Где витязей былинный дух зачах?

Где труверы, учтивые притворы,
Где дон Жуан — добыча рогача,
Роланд, громивший сарацинов своры,
Где Робина прославленный колчан?

Посылка:
Нет принцев, и отвага не в фаворе,
И стоит ли нам сетовать, ропща:
«Вот было время!» — непрестанно вторя
И снега прошлогоднего ища.

ЛЕТОПИСЕЦ

Жизнь — это сказка, добрая иль злая,
История, по счастью, не моя,
Но через много лет она такая,
Какой ее для всех придумал я:

Ее слагая вольною рукою,
Потомкам любопытным не солгал —
Из окон монастырского покоя
Увидел всё — как смог и пожелал.

Во многих знаньях многие печали:
Всё, что скопил я, — книги и года,
Ни с кем делить их никогда не чаял,
Но правда беспощадна, как всегда, —

Пером изобличённые преданья,
Чтоб ими умудрить и уберечь,
Коль что и утаил — из состраданья,
Лишь для него живет святая речь;

И опытным пером, и первой пробой
В стараниях, с молитвой я мечтал,
Чтоб труд мой службой бесконечно доброй
Опорой и подмогой миру стал.

СИНЯЯ ПТИЦА

Давно поделено ты, счастье, меж людьми:
Твой голос станет пленником алмазной клетки,
А перья — новым платьем модницы-кокетки,
И хоть отвергни этот жребий, хоть прими, —

Ты для охотников лишь редкостный трофей,
Мечта гурмана для элитного обеда,
Бесценный экспонат в музее краеведа
Иль слово в преданной забвению строфе.

Ты раздражаешь красотой и добротой,
Среди уродов неуместное создание,
Удел твой — вечноодинокое скитанье
На затынувшемся свиданьи с высотой;

Ворон за соловьёв здесь чтут на всех углах,
Когда ж сгоришь ты, синий феникс, в безучастьи,
Всё, что останется от истинного счастья, —
Блеск пепла звёздного на тёмных головах.

ПОЛИКРАТОВА ГЕММА

Опять перед тираном выбор:
Что лучше — струны или плети,
Скорми скорее лиру рыбам —
Судьба тебя ещё отметит,

Судьба тебе ещё ответит
Серебрянников мерой щедрой,
Ты брось — никто и не заметит,
Всего лишь лирою пожертвуй;

Всего лишь с лирою расстанься,
В смарагде с золотой оправой,
Ты року не сопротивляйся —
Рок, как тиран, всегда он правый;

Рок, как тиран, всегда он алчный —
Эгея волны жаждут дани,
Бросай же лиру бездне мрачной,
Ее ждет путь великий, дальний;

Её ждёт путь большой, прекрасный —
В ладони верного поэта —
И бросишь ты, глупец несчастный,
И проклянёшь себя за это.

АТЛАНТ

Ну что скрывать — отпетый я бездельник,
И век свой проживать мне недосуг:
Я с воскресения по понедельник
Всего лишь небо на руках несу,

И сколько уж столетий не обедал
И жажду лишь дождями утолял,
Но на кого могу оставить небо —
За эти годы так и не узнал.

Да мне и без подсказчиков известно,
Что завести давно пора семью
И на руках носить не высь, невесту —
Но как же брошу ношу я свою?!

Неясной миссии останусь верен,
Хоть, вообще, понятно и ежу,
Какой бы мерой мир меня ни мерил —
Что будет, если я не удержу:

Вы за меня воюйте и плодитесь,
Растаскивайте в норы барахло
И долею моей распорядитесь,
А я, куда время не пришло, —

Не меркнут звезды на челе усталом,
Бессонный бог не дремлет на посту,
Еще держать мне — много или мало —
В мозолистых ладонях высоту.

АПОЛЛОН И ДАФНА

Как за безликостью стремится красота,
Так юный Феб, недугом тяжким пораженный,
Перед убожеством застыл замороженный —
Так тонет в омуте прекрасная мечта,

Так о ничтожестве радеет божество,
От черных чар совсем рассудком помутившись...
В плену посредственности гений очутившись,
Толпы завистливой узнает торжество;

Потешит недругов всей немощью своей —
Так безупречность у бездарности в ловушке,
Так совершенство для невежества игрушка,
Раба, закованного в цепи, не вольней;

Так Дафны ветвь, увы, красуется над ним —
Вокруг бриллианта безобразнейшей оправой,
Златого блюда отвратительной отравой
На голове его засохший этот нимб.

ХОККУ

Ласточка легко парит над лотосом,
Как ночное небо над белизной дня,
Укрывая тенью сумерек.

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА

Я — богатырь, но есть одна загвоздка —
Любой свинье известен мой порок,
Усыпанная стеклами бороздка
Досталась мне из тысячи дорог:

И я иду, забыв про невозможность
Осилить гиблый способ бытия,
Плюя на мудрый страх и осторожность —
Ты, верно, думаешь, не вижу я,

Как вместо роз шипами устилаешь
Ты мой беспечный беззащитный путь,
Всё, шавка, за пята меня кусаешь,
Не дав и на мгновенье отдохнуть;

К любой моей беде всегда причастна,
Торопишься узреть меня в гробу,
А вместо видишь след пяты злосчастной,
Впечатанный в твоём убогом лбу.

ВЕНОК

Когда мне Родина сплетала
Рукою доброю венки,
В нём вязель о любви шептала,
И хлебный колос, и вьюнок;

Ромашки солнцем озаряли,
И папоротник цвёл лесной,
И маки алые пылали —
Всё пахло мёдом и весной;

И ветерок волшебный вольный
Терялся в нежных лепестках,
И колокольчик пел раздольный,
И мята млела на устах...

Но вот окончена работа
И мой венок вполне готов,
Я вижу матери заботу,
Но ничего, кроме шипов:

С какою искренней любовью
Ты в сердце мне вонзаешь терн
И украшаешь свежей кровью
Чело лучше всех корон,

И я уже готова, право,
Тебя за то благодарить,
Что боль твоя, слеза и слава
Отныне будут в нём царить.

МОНОЛОГ ПИЯВКИ

Я не в простом живу болоте, а в центральном,
Дитя столицы с кровью чисто голубой,
Вся ваша жизнь так смехотворна и банальна,
А я отмечена высокою судьбой:

Я обладаю правом чести благородной
Владеть болотной тиной и зловонить муть,
Я искони владею шансом бесподобным
Из иноземцев легковерных кровь тянуть;

А вы всего лишь жалкие провинциалы —
Зубрилы-пчёлы и зануды-муравьи,
Но лишь мое здесь от рожденья одеяло
И все калашные ряды давно мои!

Я не выращиваю хлеб, домов не строю,
Чтобы достоинство свое не уронить,
Ведь я из высшего — сосущего сословья,
И не пристало мне чернорабочей быть;

Но я вам сделаю большое одолженье,
Качая кровь из ваших низкородных жил,
Ну так и быть уж — я даю вам разрешение
Пахать, кормить, — и чтобы каждый мне служил!

ВЕЕР

Нет бриза вольного в безветренном краю,
Как нет в лишённом благодати вдохновенья,
Невыносимо проживание в раю,
Когда и лёгкого не будет дуновенья:

Я стану жрицей в старом храме, и тогда
Я прикажу нести рипиды-опахала,
Пергамент разверну — и в давние года
Умчусь в сверкании гуашевого бала;

Вот черепаший панцирь, перламутр и кость,
Пируют Боги на фольге позолочённой,
И шёлк, и кружево, секретный веер-трость,
Вот веер с вензелем и веер медальонный.

Мне алансонские пригодны кружева —
И те, что в бирюзе, шпинелях, альмандинах,
Пусть от зефира заколышется листва,
И песня ветра зазвучит свежо и дивно.

САМУРАЙ

Недопетой песней, сказкой недосказанной,
Звёздами под саваном чуть прикрытых век,

Криком вещей птицы — раненой связанной,
Праздником украденным оборвался век.

Недочтенной книгой, силой нерастраченной
В чаше неотринутой гордой чести веж,

Недожитой жизни долгом неоплаченным
Мёртвые сокровища несвершённых веж.

Не узнавшим Солнца безупречным Лотосом,
Негасимым пламенем, опалившим сталь,

Нерожденным словом, незабвенным голосом
В нерушимом сердце горный твой хрусталь.

* * *

Часто видя слёзы на лице прекрасном,
Не считай, что грусть и боль их породили, —
Просто солнце слишком ярко озаряет
Эти очи даже в самый день ненастный.

ВЕТЕР

I

Где родина твоя, скиталец ветер,
Изгнанник ты иль вольный пилигрим?
Наматывая шлейф на звёздный вертел,
В круженье вечном ты неутомим;

Вчера пустынный, а сегодня снежный,
Зачинщик дерзкий всех стихийных драк,
То гневно-львиный, то кошачье-нежный,
Вершины скал — твой лучший бивуак;

Танцовщик и певец непревзойденный,
В costume из листвы и лепестков
Ты дремлешь в кронах, негой упоенный,
Не знающий ловушек и оков...

II

Не кори, застойное болото,
Свежий ветер за прилёт нежданный,
Не ори ты путнику с налёта,
Сколь он здесь чужой и нежеланный:

Он провинциальный, старомодный,
И цветами пахнет полевыми,
Не кричи везде, что он безродный, —
Не марай неслыханное имя,

Не клейми непонятое слово,
Если он смутил тебя невольно,
Он уйдёт, и ты забудешь снова,
Что на свете существуют волны;

Не пугайся, он здесь на мгновенье —
В жабы и пиявки не согдится,
Он живое чудо, вдохновенье,
И в гнилой не водится водице;

Не гони, он сам тебя оставит,
К небесам родным вернётся вскоре,
Ждать тебя он доле не заставит —
Вечный странник тужит о просторе.

РОБИНЗОН

Ну разве это горе,
Что жизнь — Робинзонада,
Есть небеса и море,
И большего не надо:

Ни болтовни салонной,
Ни брани подзаборной,
Ни суеты притворной,
Ни беготни придворной.

Пускай стихия гнётся
Под властью безоружной,
Есть горизонт и солнце —
И большего не нужно.

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Светило чёрное в молочном обрамленьи —
Как в божьем нимбе, в ореоле меловом:
Прокрались сумерки всего лишь на мгновенье,
Но омрачить успели твердь и небосклон.

Тень суеверия, зловещего знаменья
В минутах скорби о сиянии былом,
Недолгий траур и восторги воскресенья
В слияньи дня и ночи в вихре шаровом.

От любопытных глаз укрывшись под вуалью,
Забрало вечера до срока опустив,
Звезда покинет нас, но только лишь на миг:

Расставшись с надоевшею жемчужной шалью,
Венец янтарный свой на место возвратив,
Нам явит столь привычный и желанный лик.

ПЕТРОВСКИЕ ПЕСНИ

I (ПЕЧАЛЬНАЯ)

Солнце село за горами,
Уплыло морями —
Света не видать...

Солнце скрылось за лесами —
Виноваты сами,
На кого ж пенять?

Небо плачет белыми слезами,
Долог дождик, солон и горюч,
Ну когда ж ты сжалишься над нами?
Ну когда ж ты выйдешь из-за туч?

Боже, горше нету доли,
Хуже нет неволи —
Солнце хоронить...

Ну же, восставай, светило,
Воскресай, Ярило,
Как же дальше жить?

Мы срубили гроб тебе дубовый —
Только ты там долго не лежи,
Ты на зорьке сбрасывай оковы,
Как тебя нам славить, расскажи!..

II (ВЕСЕЛАЯ)

На закате ходит солнечный народ,
На поляне водит дружный хоровод,
Солнышко усталое к себе зовёт:
«Возвращайся на калиновый восход».

Засияет солнце, засмеётся сердце —
Над бедой былою запоёт
Белокрылый Сирин, счастья светлый вестник,
Разметав ночное воронье.

Нам сегодня не придется вовсе спать —
Будем солнышку всю ночь венок сплетать,
На высокой горке нам рассвета ждать,
Солнцу на ромашковом венке гадать...

Засияет Солнце, засмеется сердце —
Над бедой былою запоет
Белокрылый Сирин, счастья светлый вестник,
Разметав ночное воронье.

ДЖУЛЬЕТТА

Очнись, любимый мой, раскрой глаза скорей —
Пора спасти любовь от бешеных зверей:
За раненой весной умчимся побыстреей —
За край земной, за край земной,
За тысячу морей!

Любовь любой убить сумеет —
Палач случайный и незлой,
Кто верит в нас и кто не верит,
Охотно поразит отравленной стрелой,
Отравленной стрелой.

За счастье, что другим не выпало узнать,
За всех, кто не любим, —
Расплата и вина;
Дадим отпор врагам
Иль пустимся в бега —
Из ста дорог, что дарит Бог,
Любая дорогá!

Нам кажется, что мы неуязвимы,
Пока любимы мы
И светочем судьбы своей хранимы, —

Нам не дано понять,
Как хрупок тот,
Кто наше счастье бережёт;

Не только Купидон
В нас целится с тобой —
Задуть святой огонь не ленится любой:
За сотнями замков его устережём
Иль целый мир отстроим вновь,
Но пламя сбережём...

Любовь любой убить сумеет,
Скорбеть не думая о том,
Но вновь сердца упрямо верят —
Кто любит, тот спасён,
Кто любит, тот спасён.

* * *

В саду полуночных небес
На лозах гроздь звезд,
За дымкой облачных завес
Бутоны лунных роз;

Улыбка месяца плывёт
У Бога на устах
И ангел сладостно поёт
О радостных мечтах.

И ВСЕ ЖЕ ПОЙ

Ты знаешь, что сказал мне утром соловей?
«Стихи не любящий тупее всех зверей!»
Саади

Кому поёшь, душа поэта,
Перо жар-птицы сдобрив вновь
Багрянцем майского рассвета
И алым шелком парусов;

Лучом воинственной планеты
Пролив драконовую кровь,
Где красным волком рыщет лето
Среди кизиловых песков;

В листву червонную одета,
Найдя среди лоз и маков кров,
Рукой в рубиновых браслетах
Срывая с тайн немых покров;

В соку калиновом согрета
Одна в приюте Красных львов
И хором снегирей воспета
В пылу квазаровых костров;

Кому нужны твои обеты
И диаманты вещих слов?..
И всё же пой, душа поэта,
В святом плену у лучших снов.

ВЕРА

Ты нужна мне как воздух,
Как вода ключевая —
Вера в справедливость судьбы:
В то, что безвинного не вынудят оправдываться,
Благородного не покарают за щедрость,
Честного не станут пытаться клеветой слишком долго...
Сколько раз тебя крали,
Заражали сомнением,
Убивали на моих глазах;
Сколько раз я воскрешала тебя,
Рождая заново из снов и улыбок,
Из птичьих песен и мыльных пузырей,
Сплетая из солнечных нитей одежды твои,
Увенчивая благоуханнейшими цветами чело твое,
Унизывая кристаллами звезд персты твои...
Напоенная кровью сердца моего,
Лживейшая из праведниц,
Желаннейший из призраков,
Прекраснейший из миражей,
Единственная, предательская, необоримая...
Окрыленная мною,
Сколько раз улетаала ты,
Столько раз возвращалась ты,
Поняв, что без меня ты — ничто.

СМЕРЧ

Она и он, и смерть, что бродит рядом, —
Песочных крепостей мгновенных крах,
И чайки крик — зов раненой наяды,
От ужаса застывший на устах;

Небес свинцовых бледное сиянье
И серый отсвет гибельных валов,
Сердец пунцовых вечное слиянье —
Без скрипок и свечей, без роз и слов;

Истерика в паническом угаре
И трусы в поисках заветных троп,
«Memento more» и «memento mare» —
Так бесы репетируют потоп;

Она и он — спокойны бесконечно,
Покуда смерч орудует косою,
Стоят, замороженные навечно,
Она — стихией, он — ее красой.

ГОСТЬЯ

Я здесь инкогнито, мне чуждо всё и странно,
Я созерцаю мир, не узнана никем:
Всё не ко времени — иль поздно, или рано,
А может статься, и не стоило совсем

В тенетах чудных снов, неясных очертаний
Блуждать, разыскивая радостную весть,
Среди обманных слов и призрачных мечтаний
Мне невозможно быть, и всё-таки я есть:

Судьба-безумица и случай несуразный —
Мой затянувшийся бессмысленный вояж,
Дороги нежеланной облик безобразный,
Часов никчемных хаотический коллаж;

Что уготовит горизонт больному взору,
Что мне в бездарном и постылом полотне,
Отживших декораций блеклые узоры
И горний свет в недостижимой вышине...

Но ты упорно мне протягиваешь руки,
Приняв обличье похороненной мечты,
И вижу я в чаду сомнения и скуки
Почти забытые любимые черты.

ЗАВЕЩАНИЕ ПЕВЦА

Когда умру я (если всё ж умру),
Не дай невеждам возмутить покой
Души моей, ушедшей поутру
В страну жемчужных лилий над рекой:

Хор славословящих гони взашей
И клевету пинками проводи,
Ты на музей не собирай грошей,
И прах мой лучше всеу не буди.

Всё то, что о себе сказать хотел,
Давно я написал в своих стихах,
Биографов оставив не у дел, —
В своих пусть копошатся потрохах.

Пусть светлое чело не омрачит
Мой дерзкий стих — и скорбный и святой,
Достойный ум всегда его почитит
Любовью и короной золотой;

От запоздалых оханий избавь —
Они для некрологов лишь годны,
И лавр свой пересушенный оставь —
Кому такие почести нужны.

Беспорной явью станет пусть одно:
Поэт — мессия духа, свет любви,
И крови, миру отданной, вино,
И песен легкокрылых соловьи.

ЧАС СОВЫ

Пусть говорят мне все подряд,
Что времена не те настали,
Что стал свиным калашный ряд,
Что в верность верить перестали;

И снова честность не в чести,
И не венчают лучших лавры,
И головы мне не снести —
Ведь всюду суд вершит лукавый.

Пусть слуху ложь всего милей,
И честь героя не прославит,
И лезет нечисть из щелей,
И безраздельно балом правит;

Безумству храбрых спета песнь
Финальной строчкой некролога,
И застит темень синь небес —
И вновь скрывает лики Бога.

И взорван Крест — и втоптан в грязь,
И в сердце холодно и пусто,
Не трёхголова нынче мразь,
Зато, как встарь, тысячеуста;

Глубоко спрятан кладенец,
И путь к нему лежит далече,
И давит тёрновый венец,
Но мне сияет путь мой млечный.

А я твержу: «Вы все же не правы»,
И тропкой узкой, как по льду, иду,
Я так скажу — пусть пробил час совы,
А я часы переведу...

ДРЕССИРОВЩИК

*Ты хочешь выслужить удар моей руки,
Желаешь получить свою оплеуху? —
Но знай, на ястребов охотятся стрелки,
А сам скажи — как целить в муху?*

П. А. Вяземский

Мой хлыст в руке и сахарок в кармане
Кого угодно могут вразумить,
Под куполом, в шатре и в шарабане
Меня уже давно не изменить;

И добрый ум и искреннюю совесть
Как славно было б всюду отыскать,
Но сказок не дано, а эту повесть
Без назиданий мне не скоротать:

Плясать заставлю неуклюжих мишек,
Пантеру послушанью научу,
Построю в ряд проказливых мартышек,
Всех похваляю, а надо — проучу;

Возможно обуздать единорога
И сирина легко окольцевать —
Со всеми справлюсь нежно или строго,
Но как микроба мне дрессировать?

СУДЬЯ

Судья случайный, олух записной,
Бранишь меня ты вновь за яркость платья,
Ну отчего же в день свой выходной
Мораль тебе принуждена читать я? —

Пройти спокойно мимо ты бы мог,
Я бестолочей пестовать устала,
Что яркость платья — вовсе не порок,
В бесстыдстве взоров каяться пристало;

Смотри-ка, ведь раскрасил мир творец —
Любимые созданья не забыл он —
Палитрой щедрой радужных колец,
А на тебя вот цвета не хватило;

Ты в светлом храме видишь лишь фасад —
Тебе, глупцу, важны не лица, маски,
Мне ж дорог соловей — любимый брат —
Не серостью пера, а сердца краской;

За пурпурный наряд зарю коришь,
И хор крысиный вторит: «Неприлично»!
Ты вольных птиц за их окрас стыдишь —
Прости, что от тебя я так отлична,

Знаток внезапный совести чужой,
Мокрица в неизменном одеянии,
Спешь же слиться с серой мостовой
Цветам бесстыже-пёстрым в назиданье.

УМИРАЮЩИЙ ПОЭТ

И ради пары песенок паршивых
Истерзанное сердце и сума,
Стихи мои, да, знаю — хороши вы,
Но не сходить же из-за вас с ума:

С тех пор, как в кровь попал смертельный вирус,
В отчаяньи и радости спешу
Я лишь к тебе, отравленный папирус,
И вновь твоими ядами дышу;

Вот и сейчас, отбросив тень сомненья,
Я рвусь к тебе, губительная страсть
Последний вздох даря без сожаленья,
Я всё позволил у себя украсть;

Я в этой жизни ошибался часто —
Доверчиво мерзавцам сострадал
И к подлецам излишне был участлив,
Пока их нрава тайного не знал;

Что ж, не умел вести себя иначе,
И сердце выклевало вороньё,
Иль я его растратил без отдачи —
Лишь в этом прегрешение моё...

Не плачь, дитя, я подарю тебе всю радость мира,
Ты будешь петь, и улетит тоска —
Не бойся принимать дары убитого кумира,
Пока пою, я жив ещё... Пока...

ДРУД ПОЁТ

Зачем крылатым я на свет родился,
Зачем ходить по воздуху умел,
Ни перед кем я этим не гордился,
Я просто был собой — летал и пел,
А здесь я только в цирке и сгодился,
Чего же я хотел, когда парить посмел;

Летать рожденный, ползать не умеет,
Да и ходить ему неважноту, —
И на земле он вряд ли постареет,
Умчится с полдороги в высоту.

ПРОРОК И ТОЛПА

Пророк:
(Богу)

Поверь в меня не ради слов моих,
Не ради слёз и муки непритворной,
За всех безмолвных, мёртвых и живых,
Поверь молитве, мною сотворённой.

Толпа:
(Пророку)

Непутёвая душа — ну чего ты ждёшь?
Не помрёшь никак и не живёшь,
Мы удачи ждем в делах, к урожаю дождь,
Ну а ты-то что ж?

Пророк:
(Богу)

Иной безгласен или нужных слов
Найти не в силах, чтоб прийти с мольбою,
Я — для тебя оживший часослов —
За всех за них предстану пред тобою.

Толпа:
(Пророку)

Непутёвая душа — ты зачем поёшь?
Снова диво дивное зовёшь?
Мир на чудо не похож, ты еще поймёшь,
А тогда-то что ж?

Пророк:
(Богу)

Прости им неразумье и грехи,
Молю, Господь, даруй им кров и пищу,
И слабых, беззащитных сбереги,
И помоги недужливым и нищим.

Толпа: Непутёвая душа — дело не найдёшь?
(Пророку) Спать нормальным людям не даёшь!
Всё мечтаешь ни о чём, в колокол свой бьёшь,
И на что живешь?

Пророк: Поверь в меня, Создатель, ради них,
(Богу) И укрепи, и научи спасти их —
Мой Боже, не забудь детей своих —
И блудных, и дурных, и нерадивых.

Толпа: Непутёвая душа — ты на нас плюёшь?
(Пророку) Звёзды всё на небе не сочтёшь,
Может быть, ты и хорош, но цена те — грош,
Ну так скажешь что ж?

Пророк: Слабоумная орда, зря ты так орёшь:
(Толпе) Если небо ты сейчас спугнёшь —
Не спрошу я для тебя золото и рожь,
Вот тогда-то по миру пойдёшь —
И живи, как хошь.

СОЛНЕЧНОЕ КОЛЕСО

Ты куда меня уводишь, солнечное колесо? —
На закате колобродишь, то ли призрак, то ли сон,
Не зови меня с собою, где теплей и веселей,
Допую, дожду, дострою — ты тогда лети скорей.

Стану ль я твоей Купалой, Ладой долгожданною,
Ярославною на серпень, в сечени Снежаною,
Отыщу цветок заветный да в венок себе вплету —
Алым пламенем рассветным никогда не отцвету.

Закружи меня на взлёте — мне с тобою по пути,
По молочной по дороге да по звёздам мне идти:
Там, где многими огнями на заре горит восток,
За снегами, за дождями ждёт мой солнечный цветок!

Ой да, где ты затаился, алый цвет?
Ой да, в небо закатился — краше нет,
Ой да, каждый в жизни ищет тот цветок,
Ой да, да хоть малый лепесток.

ЛАДОГА

Не гадай мне по ладони,
Ворожею не зови,
Всё равно с тобой утонем
В волнах счастья и любви,

Тужит сердце моё младо,
Вы не дайте быть нам врозь,
Моя Лыбедь, моя Лаба,
Мои Ладога и Рось...

А в садах моих цветочки —
Всё барвинок да вьюнок,
Ой, вплету я темной ночью
Алы лотосы в венки

Да хмельны прибавлю травы,
Чтобы всё у нас сбылось,
Моя Лыбедь, моя Лаба,
Мои Ладога и Рось...

По калиновым мосточкам
Я до Ирия дойду,
По березовым досочкам
Путь-дорожку проведу,

Не печалься ты, мой Ладо —
Скоро свидимся небось,
Там, где Лыбедь, там, где Лаба,
Там, где Ладога и Рось.

ГУСАРСКАЯ

Давно на дружеских пирушках
Я вин игристых не пивал
И с дня вчерашнего подружкам
Гусарских песен не певал:
В угаре яростных атак
Среди испытанных вояк
Не посрамим родимый флаг,
А где же враг?! — Ползёт, как рак!
Кто носит кивер как корону,
Тому в бою сам черт не брат,
Не за медали и погоны
Героем стал кавалергард:
Пусть вместо дома бивуак,
В кармане ломаный пятак,
Куда ни кинь — не жизнь, а мрак,
Но где же враг?! — Ползёт, как рак!
Дурак ждет времена получше,
Трус удирает за кордон,
Кто ж над землей разгонит тучи? —
Гусар летучих эскадрон:
Не надо звать былых рубак,
Когда нужны, придут и так,
Всё кроме чести — лишь пустяк,
А где наш враг?! — Ползёт, как рак!

ТРУБАДУР

Пусть жжет в груди — терзания мне сладки,
Пусть я пронзен безжалостным цветком,
Полынный хмель любовной лихорадки
Признаюсь, был мне раньше не знаком.

Юнец беспечный, чувствуя украдкой,
Летел на свет безумным мотыльком,
Теперь меня любовь стальной хваткой
Окольцевала розовым венком:

Язвит, испепеляет вновь и вновь
И сердце ранит в кровь венец терновый,
И я в медовом омуте тону,

Но всё ж кричу: «Не уходи, любовь!
Оставь меня навек в твоих оковах,
Хочу я умереть в твоём плену!»

МИЛОСЕРДНАЯ

Она поила их кровью своей
И жемчугом слёз бессонных ночей,
Но ворох злых и лживых речей
Был наградою ей.
Она щадила своих палачей,
Леча из жил — целебных ключей,
Но яд клеветы цикуты горчей
Был наградою ей.

ЗВЕЗДА – ПОЛЫНЬ

Каким бы горьким ни было прозренье,
Его абсент ценнее всех наград;
Сладкоречива ложь до омерзенья
И ей внимать слепец безумный рад.

Осилит сердце вновь живосечение
И засверкает ярче во сто крат:
Болезненно и жгуче озаренье,
Одолевая гадин льстивый яд.

Степь хладную ночную осветив,
Звезда-полынь, как прежде, засияет,
Забьет из недр живейшая из вод:

Лишь там души стигматы исцелив,
Где вечно чернобыльник расцветает,
Мой верный вермут — лучший антидот.

ИММОРТЕЛИ

В час, когда мир закружат метели,
Всё потонет в снегу и пыли,
Посади мне поля иммортелей,
Чтобы, лёд разбивая, росли.

Все цвета неземной акварели
В самый лучший букет собери,
Нарисуй мне поля иммортелей —
Вечным летом мой путь озари.

Когда птицы к теплу улетели,
Все цветы на лугу отцвели,
Собери мне поля иммортелей
И под ноги ковром постели.

АНГЕЛ ПЕЛ

Ангел пел, а небо плакало
От обиды и стыда,
Таяли в закате маковом
Золотые города,
Плыли песни лебединые
Мимо пыточных и плах
И горели алмадинами
Капли крови на крылах...
Ангел пел светло и радостно
О несбыточных мечтах,
И дрожали струны сладостно
В тонких раненых перстах,
И катился звон малиновый,
Воскрешая черный лес,
И тянулся след рубиновый
За посланником небес.

БЕЛЫЙ ШУМ

Спаси меня, мой белый шум,
От лжи, от глупости и фальши,
От тягостных и черных дум,
Плени усталый слух, как раньше.

Хочу под сенью милых чар
Под нежный рокот водопада
Забыть тот сказочный кошмар,
Где кривда убивает правду;

И не покинь меня вовек,
Не нужно гимнов и сонетов,
И серенад лукавых вех
Мне ни к чему — забыв о свете,

Я буду слушать лишь тебя
Вместо священных песнопений,
Не сожалея, не скорбя,
Любя твой шёпот снежнопенный.

СВЕЧИ

Ты помнишь, как лебеди пели
И тучи летели гурьбой,
Но белые свечи горели
Над нашей с тобою судьбой.
Ты помнишь, как стрелы звенели,
Враги собирались ордой,
Но черные свечи горели
Над нашей с тобою бедой.

Не бойся, не бойся — умолкнет и этот гром;
Укройся, укройся опять под моим крылом.

Ты помнишь, как толпы смотрели,
Когда мы на плаху взошли,
Но алые свечи горели
И тьму бесноватую жгли.
Ты помнишь, во мгле подземелий
Нас свечи как звёзды вели,
Ни смерчи, ни гипербореи
Задуть этих свеч не могли.

Не бойся, не бойся — утихнет и этот гром,
Укройся, укройся опять под моим крылом.

ГОРЯНКА

Я спустилась вниз с вечной высоты —
Солнечный целебный водопад —
Чтоб умылся ты, чтоб напился ты,
Отчего ж ты мне совсем не рад?
Ирбиса прыжок и полет орла —
Вот какую жизнь моя была,
Что же ты твердишь, что, наверно, зря
С горных круч сюда спускалась я?

Горы на плечах — это так легко,
Небо — это так недалеко,
Ночь в седых горах — это так светло,
Только время улетать пришло,
Я тебя нашла, я тебя спасла,
Ты в ответ лишь усмехнулся зло;
Горы на плечах, горний свет в очах,
Видишь, мне совсем не тяжело...

Я спустилась вниз с вечной высоты
Дивною богинею с небес,
Чтоб согрелся ты, чтобы спасся ты
И в лучах живительных воскрес;
Ангела визит в стаю воронья —
Вот такую стала жизнь моя,
Что же ты твердишь, что, наверно, зря
С горных круч сюда спускалась я?

Горы на плечах — это так легко,
Небо — это так недалеко,
Ночь в седых горах — это так светло,
Только время улетать пришло;
Я тебя нашла, я тебя спасла,
Ты в ответ лишь усмехнулся зло,
Горы на плечах, горний свет в очах,
Знаешь, мне совсем не тяжело.

Был мой путь непрост: лишь канат из звезд,
Радужный над пропастями мост,
По тропе лавин с ледяных вершин,
И над черной бездной серпантин;
Крики и мольбы, жалобный призыв —
Я спустилась только из-за них,
Что же ты твердишь, что, наверно, зря
С горных круч сюда спускалась я?

Горы на плечах — это так легко,
Небо — это так недалеко,
Ночь в седых горах — это так светло,
Только время улетать пришло;
Я тебя нашла, я тебя спасла,
Ты в ответ лишь усмехнулся зло,
Горы на плечах, горний свет в очах,
Помни, мне совсем не тяжело.

ПОЯС ГОРЯНКИ

Пуškai, горянка, пояс твой чудесный
Спасёт наш край от горестей и бед:
В нём плачет бирюза слезой небесной,
Горит в рубинах лъвиной крови след.

Пусть не сорвётся со скалы отвесной
Герой, пускай познает вкус побед —
Не безразличия напиток пресный,
Не оговоров ядовитый бред.

Пусть оберег из лунного металла,
Где свой Кавказ блистает по ночам,
Хранит всех милосердных и отважных;

Пусть даже небо их беречь устало,
Не дай угаснуть пламенным очам,
Храни их вечно — гордо и бесстрашно.

ВЕНОК КАВКАЗА

Венок Кавказа — солнечный, душистый —
Пьянящий дух спасенья и свободы,
Волшебник первоцвет в ковре пушистом
Таит секрет кудесницы-природы;

Здесь юный хмель алмазных струй игристых
Несёт с вершин целительные воды,
Здесь сказка спит меж елей серебристых
И каждый камень — золотой породы.

Мой край — приют орлов и леопардов,
Медовый, щедрый, праведный, булатный
И горечью бессмертников нетленный;

Ты — песня лучшая великих бардов,
Твой благодатный труд и подвиг ратный —
Всё в богатырской силе сокровенной.

ПЕРЕВОДЫ

СУИНБЕРН
ЦАРСТВО ПРОЗЕРПИНЫ

Здесь, за глухим порогом,
Не слышен волн прибой,
Здесь места нет тревогам,
Всегда царит покой;
А там орда людская
Кишит, поля взрыхляя,
И жаждет урожая
С надеждой и тоской.

Народ мне опостылел —
И смех его и стон,
В бесплодности усилий
Жнёт, чтобы сеять, он.
К чему ловить мгновенья,
Низать их в дни, как звенья,
Не верю я в свершенья,
Я верую лишь в сон.

Здесь жизнь на грани смерти,
В тенетах тишины,
Там, в буйной круговерти,
Игрушки бурь — челны —
Плывут, ища удачи...
А здесь — здесь всё иначе,
Здесь, в заводи стоячей,
Ни ветра, ни волны.

Здесь, где цветов и злаков
Не выбьется росток,
Полно мертвящих маков,
Безжизненных осок;
И Прозерпина в чащах
Тех трав, дурман таящих,
Для непробудно спящих
Готовит сонный сок.

И в травах бессемянных —
Бескровные тела
Уснувших, безымянных,
Которым нет числа;
Над тишью безутешной
Ни синева безгрешной,
Ни черноты кромешной,
Лишь призрачная мгла.

Смерть разожмет все руки,
Все охладит сердца,
Но нет ни адской муки,
Ни райского венца;
Все листья без пристрастья
Сорвет с дерев ненастье —
Не может быть у счастья
Счастливого конца.

В венке из листьев палых
Она стоит у врат,
От уст ее усталых
Струится нежный хлад,
И все — все без изъята,
Все смертные, как братья,
В бессмертные объята
Текут к ней, стар и млад.

Встречает к ней идущих
Всех с лаской на челе,
Забыв о вешних куцах,
О матери-земле;
Всяк, кто рожден, увянет,
В провал времён он канет,
И перед ней предстанет
Здесь, в сумеречной мгле.

Любовь, ломая крылья,
Спешит уйти сюда;
Здесь — тщетные усилья,
Пропавшие года;
Лист, умервщленный градом,
Бутон, сраженный хладом,
Мечты и сны здесь рядом
Застыли навсегда.

Веселье, грусть — всё бrenно,
Зачем судьбу нам клясть,
Лишь времени нетленна
Всевременная власть;
Чувств призрачна безбрежность,
Признаем неизбежность
Того, что стынет нежность,
Охладевает страсть.

Бесстрашно отгоните
Надежд самообман,
С достоинством примите
Тот жребий, что вам дан:
Отжив, смежим мы веки,
Чтоб не восстать вовеки,
Все, как ни вьются реки, —
Вольются в океан.

Созвездий мириады
Сюда не шлют лучи,
Молчат здесь водопады,
Не пенятся ключи;
Ни радости беспечной,
Ни скорби быстротечной,
Один лишь сон — сон вечный —
Ждёт в вечной той ночи.

ЛЭНГСТОН ХЬЮЗ
МЕНЕСТРЕЛЬ

Пока уста мои смеются
И песнь счастливую поют,
Вам не узнать,
Как слёзы льются,
Когда не прячешь
Боль свою.
Пока уста
Мои смеются,
Не вырвать жалоб у меня,
Пусть ноги в пляс
Веселый рвутся, —
Вам не видать,
Как гибну я...

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

(перевод с украинского)

За горы солнце закатилось,
И смолкла песня соловья,
И ночь тихонечко спустилась
В родные степи и поля:

На туче серой наземь села
И сон в котомке принесла —
Всё замерло на свете белом,
Лишь чуть колыхнется трава.

И в этой тишине мертвецкой
Кубани верные сыны
Пасли в горах коней турецких,
И говорили так они:

— Семен казак, наш братец славный,
Вставай, дружище, не лежи,
Садись на камни рядом с нами,
Как жил ты прежде, расскажи:

Был холостой или женатый —
Трави нам байки про девчат,
Видать, ты был на них богатый,
Чего ж скрывать, к чему молчать?

— Да что рассказывать, ребята —
Уж всё отняли у меня:
Мать померла, продали хату,
А после в найм был отдан я,

Служил на хуторе далеко,
У казаков родных служил,
Любил Оксану чернооку,
А нынче — будто и не жил.

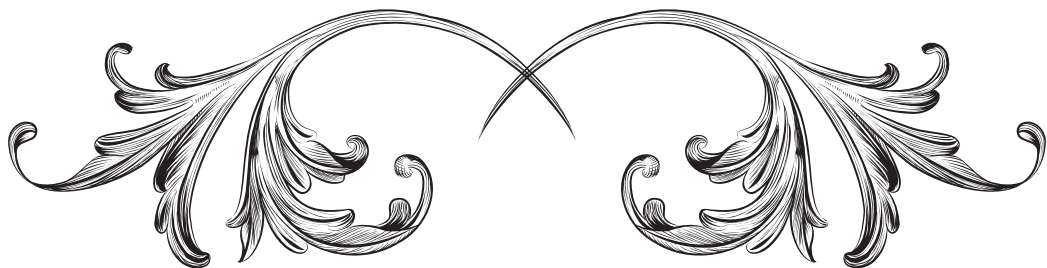

ДЖОН ДОНН
СОНЕТ X

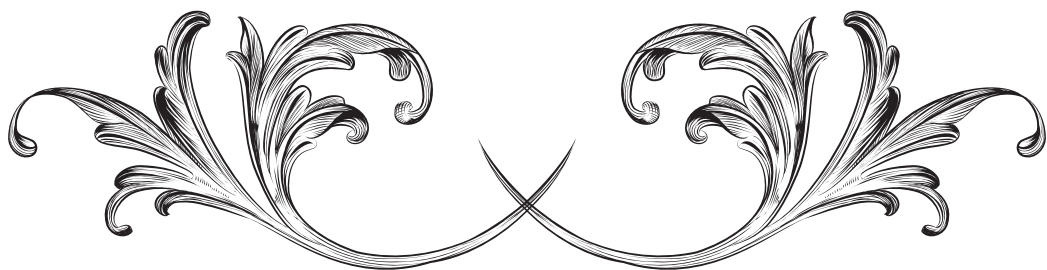
Смерть, не гордись, когда зовут тебя
Могучей, страшной — ты, увы, другая:
Убить надеялась ты, сил лишая,
Бедняжка Смерть, прости, но óжил я.
Покой и сон — пародия твоя —
Намного мне милей любого рая,
Скорее, самых лучших забирая,
Освободи от брена и себя.
Ты — служка случая, слепой судьбы,
Я предпочту болезни, яд, войну,
От опия иль прочих чар усну,
Но не от лап твоих. Что значишь ты?
Мы вечными проснемся через час,
А ты подохнешь, Смерть, ты — не для нас.

ИЗ КНИГИ
«ПЕСНИ
ЖАР-ПТИЦЫ»

...

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 001 ~

Средь ненависти и злословья,
Средь воровства и лжи убогой
Ты исцелишь себя любовью —
Иного средства нет у Бога:

Пополни высшее сословье,
Ступи на хрупкую дорогу,
Свободное от всех условий
Пусть счастье мчится на подмогу...

Ведь клеветою бесноватых
И ересью искариотов
Не уязвить сердец влюбленных,

Не купишь лестью сладковатой
Святого чувства патриотов,
Огнем священным опаленных.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 002 ~

Ты приносил цветы весенние —
Я одевалась в лепестки,
Купаясь в шелковом спасении
От бледной будничной тоски;

Дарили сердцу воскресение
Цветные пестрые мазки
В давно желанном вознесении,
Разбив оковы и тиски...

И, насыщаясь ароматами,
Парили грезы надо всем
Легко, лучисто, горделиво;

Роса сверкала диамантами,
И без тиар и диадем
Цветы венчали нас счастливо.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 005 ~

Из миражей твоя любовь,
Признаний пылких и бравурных,
Из сладкой ваты облаков
И белых бабочек ажурных;

Из всех калиновых венков
И стрел бесчисленных амурных,
Из самых сладостных оков
И золотых колец Сатурна...

Всё в небе — нежные слова
И в райских кущах острова,
Луна, багряная Венера;

На землю спустимся едва —
Лишь в небесах любовь права
Как идеальная химера.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 004 ~

Устал металл и ты устанешь,
Твой прежний век был шал и лих,
Теперь ты, словно галлий, таешь
От теплых тонких рук моих

И сердцем медленно вырастаешь
В терновый куст, послушно — тих,
Мой девичий дневник листаешь,
Пленяясь флером дней былых...

И вместо бурной страсти нежность
И шелк застенчивых признаний,
И шепот вместо серенад;

Исчезла прошлая мятежность,
Любовь ко мне — твое призванье,
Орфей, сбежавший от менад.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 005 ~

Мне вовсе не нужна лепидоптека —
Вот на булавках под стеклом сердца,
Иному дорога пинакотека,
Каменья из заветного ларца

Иль драгоценная библиотека,
Где каждый том — отрада мудреца;
Алхимику нужна его аптека —
Сокровища из ртути и свинца...

А мне иное суждено богатство:
Вот ангелов и демонов признанья,
Богов, царей, повес и гордецов, —

Влюбленное восторженное братство...
Копить сердца — завидное призванье,
И мне иных не надобно венцов.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 006 ~

Любовь явилась в Спас гранатовый,
На Землю прислана творцом —
И стали стёкла бриллиантами,
И стала хижина дворцом;

Поляны — царскими палатами,
Ромашки — золотым венцом,
Пурпуром — рубища с заплатами
И нитка — дорогим кольцом...

Там, где прошлась она босая,
Стал перламутровым песок,
И, в колдовстве неотразима,

Аквамарины брызг бросая,
Красавки проливая сок,
Вдруг в вёсны превратила зимы.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 007 ~

И силы светлые суровы,
И полуночные проклятья,
Неодолимые оковы
И неотложные занятия;

Долги, законы и основы —
Ни слышать не хочу, ни знать я,
Ведь ураган желаний снова
Тебя несет в мои объятия.

Семья, среда, судьба — всё против,
Всё дышит глупостью и злостью,
Любовь пытаюсь уничтожить,

И, провиденье озаботив,
Вредят, как могут, редкой гостье,
Сумев любовь лишь приумножить.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 008 ~

Мир твой — от края и до края,
Но ничего тебе не надо:
Меня ты любишь больше рая,
Терять боишься хлеще ада.

За слабость сам себя карая,
Летишь, сметая все преграды,
С любовью в поддавки играя,
Ведь в ней отрада и награда.

Ты больше жизни встречи хочешь,
Страшась, как гибели, разлуки,
В любовном трепете пылая;

Любым помехам казнь пророчишь,
От волшебства медовой муки
Спасенья вовсе не желая.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 009 ~

Забудь меня — я только голос
Мечты, потерянной когда-то...
Забудь меня — я только образ
Судьбы, ушедшей без возврата...

Тропина вьётся, словно полоз,
Сплетаясь в кольца в три обхвата,
В спирали двух галактик — порознь,
Я только воздуха утрата...

Верни меня — я только счастье,
Спасенья светоч среди мрака,
Рай меж кругов земного ада;

Живи, дыши великой страстью,
Покинь житейскую клоаку,
Найди, я — только всё, что надо.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 010 ~

Гадальным картам и волшебным зеркалам
Я не доверю наши судьбы на мгновенье,
Шипящим гадинам, всезнающим ослам
Не уловить любви святое откровенье;

И даже голубкám — небесных сил послам —
К сердечным тайнам не узнать прикосновенья,
Жилеткам дружеским и ангельским крылам
Не ведать душ влюбленных волеизъявленье.

Зачем нам зелий приворотных колдовство
И древний шепот всех любовных заклинаний,
Рыдают свечи, тень грядущего дрожит;

Там, где неведомого счастья торжество
И мощь незыблемая сладостных признаний,
Сама любовь пророчит нам и ворожит.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 011 ~

Ты отыскал страну забвенья —
Души израненной приют
Вдали от боли и смятенья,
Где нимфы сладостно поют.

Исчезли горе и сомненье,
Повсюду счастье и уют,
Здесь духи умиротворенья
Из синих роз венки совьют,

И ты в нем будешь коронован,
И воды Леты поглотят
Все беды, страхи и крушенья;

Покою вечным очарован,
Но вновь уста твердить хотят
Мое лишь имя в утешенье.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 012 ~

В твоём сердечке таймер установлен:
Счет на часы до встречи у черты,
И мир безумный стал совсем безмолвен,
И брошен ты среди этой немоты.

Ты, как всегда, к любви не подготовлен
И бьешься в паутине пустоты,
Разлукой роковой обескровлен,
Глупец, сжигаешь белые мосты

Иль их судьба преступная разводит,
И не спасут ни ангелы, ни боги...
Да бедному сердечку всё равно —

Последние мгновения исходят,
Но я лечу, и вот я на пороге —
Целуешь... плачешь... сердце спасено.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 013 ~

«Оставь меня», — сирена пела,
А ты внимал ей отрешенно...
«Забудь», — звезда прогнать хотела,
Но ты глядел замороженно...

«Уйди же», — роза шелестела,
А ты дивился пораженно...
«Покинь», — Жар-птица повелела,
И ты томился сокрушенно...

В каком явлюсь тебе обличьи,
Опять с тревогой ожидаешь —
В жестоких образах иль милых,

Во всем божественном величьи:
Царицей, феей — ты лишь знаешь,
Что разлюбить меня не в силах.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 014 ~

Пилигрим

Зачем ты снова встречи ждёшь,
Мечту лелея роковую,
Ведь на груди ты крест несёшь,
А в сердце — розу огневую;

Зачем ты плачешь и зовёшь,
Тоску изведав вековую,
Как зачарованный, идёшь
В страну чужую, грозовую?..

И, опьянённый без вина,
От затаённой страсти млеешь,
Любовь и веру обессмертив, —

Тебе любовь запрещена,
Но не любить ты не умеешь,
Иных святынь нигде не встретив.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 015 ~

Не знаю, кем ты был до нашей встречи:
Жил, в ожиданьи сладостном томясь,
Иль упивался каждым днем беспечно,
Над бедами сердечными смеясь,

Теперь же, чувству вечному переча,
Бежишь и, прошлое вернуть стремясь,
Задуть пытаясь в сердце семисвечник,
Трепещешь, продолжения боясь.

Пусть я всех беспощадней в целом мире,
Ты грезишь о спасительном свиданьи,
Предав забвению былой покой;

Пусть ты — мишень у Купидона в тире,
Любовь — всей прежней жизни оправданье,
Ты — раб ее, безмерной и слепой.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 016 ~

Мой многоликий менестрель,
Мой черный паж под маской белой,
В календаре — один апрель,
Нам не встречаться под омелой;

Туда, где нежная свирель,
Медовый дух малины прелой
И соловья рокошет трель,
Ступай неслышно и несмело...

То розу белую даря
С мольбой и грезой безупречной,
Багровый цвет в груди скрывая,

То розу черную коря
За скорбь разлуки быстротечной
И сердца лепестки срывая.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 017 ~

Не знаю, есть ли в том моя вина,
Что я — твоя спасительная манна,
Твой морфий, вкус волшебного вина,
Магнит невольный нежного обмана;

Тебе я, как сомнамбуле — луна,
Как избранное лакомство гурмана,
Как сребролюбцу алчному — казна,
И словно опиум — для наркомана.

В отчаяньи напрасно не кори,
Что Солнце не восходит без меня,
Что я — родник живительный в пустыне;

Скорей гордыню в сердце усьмири,
Раз без меня нельзя, увы, ни дня,
Я — каждый воздуха глоток отныне.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 018 ~

Ты не Адам, ты — искунитель,
Тебе совсем не дорог рай,
Ты — злобный и лукавый мститель,
Что ж, за любовь себя карай.

Ты — грез коварный похититель,
За мной ступающий за край,
Ведь я твой вечный укротитель,
Ты сам мне прошипишь: «Играй!»

И пестрой шелковой лентой
У ног любимых извиваясь,
Меня опутаешь кольцом,

Платя любви сердечной рентой
И нежным ядом упиваясь
Под флердоранжевым венцом.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 019 ~

Нет, не сравнится с нежностью твоей
Ни крыльев ангельских благословенье,
Ни песнь любви, что юный соловей
Мне дарит в сумерках порой весенней;

Лебяжий пух заснеженных полей,
Вечернего зефира дуновенье,
И пенный шелк взволнованных морей,
И солнечных лучей прикосновенье...

Купальня из парного молока,
Периною мягчайшей облака,
Признанья, что нашептывал прибой;

Атласное касанье мотылька
И бархатная ласка лепестка —
Всё грубо по сравнению с тобой.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 020 ~

Ты ворвался в окно, как прохлада —
В душный город пустынных ветров,
Принц из белых сортов шоколада
Меж пестреющей ряби ковров:

Романсеро и снова баллада
В дикой пляске каминных костров,
Ты — апрельская грусть и услада,
Наконец-то нашедшая кров...

Капитан неземных каравелл,
Покидая так много орбит,
Ты искал безупречного счастья,

Сделав сказкой одну из новелл,
И любовью твоею горит
Лунный камень на тонком запястьи.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 021 ~

Куда ни шла бы я, повсюду
Любви израненной зарок:
Я вижу, лишь тебя забуду,
На землю брошенный цветок —

Лилейный цвет из ниоткуда,
Сирень иль розы лепесток,
Твоей наивной веры в чудо
Дождем исхлестанный росток...

На пыльной вымокшей тропинке
В грязи — валет червонной масти,
И карта просит о прощеньи;

Игрушка-сердце вся в слезинках
И все, что есть, в любовной власти
Твои мольбы о возвращеньи.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 022 ~

Нет, не завидуй месяцу младому,
Что может заглянуть ко мне в окно,
И соловью на иве возле дома,
Что мне поет, как сердце влюблено;

И мотыльку, что, пламенем ведомый,
Ланит моих коснется заодно,
И сказочному рысаку гнедому,
Что мчит меня под облака, — полно

Всё завистью — душа твоя и разум, —
Ты жаждешь быть цветком и ветерком,
И медом, что к губам прильнуть посмел,

С любовью к шалостям и злым проказам,
К моим капризам, чарами влеком,
Ты заменить весь мир бы мне хотел.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 025 ~

Что знаешь ты о силе притяженья?
Чем дальше ты, тем яростней магнит
Тобою вертит в роковом круженьи
И сердце безутешное саднит;

Свободу вновь сулит воображенье
И узы нерушимые бранит,
Но звёзды предвещают поражение
Тому, кто свет любви не сохранит...

Для страсти ты давно марионетка —
Бежишь, покуда позволяет нить,
Но беспощадный кукловод не дремлет:

По кольцевой плутает вагонетка,
Не в силах притяженье устранить,
И небеса мольбам твоим не внемлят.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 024 ~

Прости, что не предупредила сразу:
Я — матадор, а бык — конечно, ты,
Что в виде сердца я имею вазу
И в ней храню алмазные цветы...

Ты гнал любовь с порога, как проказу,
Бросая в пыль наивные мечты,
Но я, увы, не ведаю отказа,
Приумножая черные кресты.

Мой плащ кровавый манит многих вас —
Насмешливых, бездушных и спесивых,
Но тут каким уж гордецом ни будь,

И ты придешь ко мне в урочный час,
Не бойся — я убью тебя красиво,
Вонзив цветок алмазный точно в грудь.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 025 ~

Лишь вера служит нам отрадой:
Я знаю, сердцем ты со мной,
Адонис за стальной оградой,
Цветок за каменной стеной...

Сильнее с каждою преградой
В любви небесной и земной,
Ты жив грядущею наградой,
Не веря радости иной...

Гляди, как голосом сирены
Сметает крепостные стены
Твоя любимая богиня;

Из белоснежной нежной пены,
Из вод кристальной Иппокрены
К тебе приходит берегиня.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 026 ~

Ты вновь расскажешь облакам,
Что любишь беззаветно;
Деревьям, птицам и цветкам —
Что гредишь безответно...

Поведаешь лишь мотылькам,
Что жаждешь беспросветно;
Доверишь тайны светлячкам,
Мечтая предрассветно...

Ночному ветру и волне
О сокровенном прошепча,
Откроешь сердце снова;

Венере, Солнцу и Луне
О вечной нежности крича... —
Лишь мне опять ни слова.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 027 ~

Ты лжешь, что я украла твой покой, —
Ты мне его оставил добровольно,
Что день и ночь жестокою рукой
Терзаю сердце нежное фривольно;

Что слёзы безымянною рекой
Текут из раненной души невольной
И разум полон черною тоской,
Что я твоим мучением довольна...

Что без меня всё в мире безотраднo,
Что понапрасну голову вскружила,
Ты не кори меня и не суди, —

Что ворожу, чарую беспощадно,
Что каменное сердце вдруг ожило
И соловьи, замерзшие в груди.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 028 ~

Океаническую позабыв стихию,
Брожу по странам, на любовь и счастье бедным,
Сердца унылые — осенние, сухие —
Я поражаю вновь и вновь трезубцем медным:

Пустые, кроткие, холодные, лихие,
Святые, пёстрые, порой — с оттенком бледным,
Во времена былые к нежности глухие —
Теперь они покой утратили бесследно...

Их обожгу священным пламенем из храма
И увенчаю ядовитую вербеной,
И тополиным пухом им украшу крылья,

Не пощадив ни злыдня, ни глупца, ни хама,
И окроплю их средиземноморской пеной,
И всё, что мне мешало, станет серой пылью.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 029 ~

Пусть ненависть от сердца только в шаге,
Она — всего лишь пропасть для бескрылых,
Одна любовь в пленительной отваге
Прогонит вереницу дней унылых;

Не утопить и в самой крепкой браге
Всех черных дум — ничемных и постылых,
От этой боли не избавят маги...
Забвенья больше нет — лишь пламень в жилах.

Святая высь красою звездной блещет:
Ступай и, шаг за шагом подымаясь,
Верши к вершинам счастья восхожденье,

Где океан любви небесной плещет,
От пыльной тверди гордо отрываясь,
Неси больное сердце к возрожденью.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 030 ~

Для творческого транса
Нет лучшего корнета:
Ты — мальчик для романсов,
Ты — мальчик для сонетов,

Ты — дар слепого шанса,
Ты — для искусства жертва,
Мой призрак венских вальсов,
Мой мальчик для десертов...

А был бы лишь прелестным
Рабом святого чувства,
И я прошла бы мимо,

Но сердце так уместно
На алтаре искусства
И так необходимо.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 031 ~

Я выпью тебя, как бутылку вина
И сердца бокал без края и дна:
Влюбленная кровь так нежна и вкусна —
Гранатом красна, рубинов полна...

Тебя мне сегодня подарит луна
И станет весна мне вечно верна,
И гроздью созревшей крепка и сочна,
Медово-хмельна и пенно-пышна...

Ты мог бы ее в суете расплескать
И грезы фантом напрасно искать,
Ступая на путь нелепых потерь,

Ты мог бы за алчность любовь упрекать
И тщетно мечты пустые ласкать,
Но, выпит и пуст, ты счастлив теперь.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 032 ~

Завистники всегда так тупы:
Бог вне себя от их наветов,
Они давно для неба трупы
И чёрт устал от их советов,

Бездари погорелой трупы
Без мозга, сердца и заветов,
На совесть и сознание скупы, —
Оставь болезных без ответов,

Не снисходи до возражений,
Холопов не зови к барьеру,
Ничтожным каверзам не внемля...

Не знает счастье поражений —
Не всрок, не впору и не в меру
Ничьих запретов не преемля.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 055 ~

Ты сам споешь мои романсы
Атласно-алыми устами
И сам запишешь мои стансы
Жемчужно-тонкими перстами;

Мой гость из века декаданса,
Склонишься томно над листьями,
И строки в ритме риверданса
Сомкнутся райскими вратами...

Но ты лишь мне судьбу вверяешь,
Ища Эдем в очах премилых,
Нежнейшей мукою болея,

Перо лебяжье обагрешь
В крови сердечной как в чернилах,
Себя нисколько не жалея.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 034 ~

Твои упреки так занятны —
Любовь виновна не бывает,
И не ищи на Солнце пятна —
Они порою убивают;

Сердца чужие так опрятны —
Не бьются в кровь, не унывают,
Им всё так просто и понятно —
Ни бурь, ни гроз они не знают...

И ты в отчаяньи нелепом
Примкнуть стремишься малодушно
К их серой будничной толпе,

Чтоб следовать за скукой слепо,
Расставшись с радостью послушно
На уводящей в ад тропе.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 055 ~

Мой дерзкий ангел, демон мой послушный,
И в строгом паиньке, и в нежном хаме
Тебя узнаю, плут мой простодушный,
Ведь я — богиня в черно-белом храме;

Ты злой иль добрый, только бы не скучный
И не увязнувший в житейском хламе,
Совсем земной иль чересчур воздушный,
Герой ты в сказке иль в любовной драме..

Лишь мне подвластна каждая усмешка
И ненависть твоя всегда покорна,
Я, грубостью твоей повелевая,

Под скорлупой сердечного орешка
Вскрываю мягкость манны животворной
И гнев твоей любви одолеваю.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 036 ~

Волшебным стилем лишь взмахну,
И вместо нежных слёз и вздохов
Врата в мир сказок распахну,
Каких еще не слышал Волхов;

Мой юный волхв, я отдохну
С тобой от козней и подвохов,
И самодивою вспорхну,
И одолею всех Молохов...

И сердца крик, и каждый взгляд —
Я всё по строчкам разложу,
Будя мечтанья непрестанно,

Приму и патоку, и яд —
За холодность лишь накажу,
Даря сиянье неустанно.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 037 ~

Что в сердце я твоём найду,
Сама пока ещё не знаю —
Смятенье, сумрак, пустоту,
Но я, как сейф, его взломаю:

На радость или на беду —
Сдавайся же, броня стальная! —
Сокровища здесь обрету,
Все выдаст дверца потайная...

И всё, о чём теперь молчишь —
Всех пожелтевших писем ворох
И терпкий аромат секвойи,

И всё, что под замком хранишь —
Кинжал и яд, цветок и порох —
Я беззастенчиво присвою.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 038 ~

В пьянящих водах Иппокрены
Твоя Богиня рождена,
Медовым голосом сирены
И силой муз одарена,

В ней есть целебный сок марены
И чары юного вина,
И ты забудешь всё, что бренно,
В ее объятых полусна...

Ища бывшего наважденья,
Возжаждешь сладостного плена,
Призывно плача день и ночь,

Боясь, как смерти, пробужденье,
Прося одно лишь у Вселенной —
Вернуть ее тебе помочь.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 039 ~

Из липы, молнией прожжённой,
Гитару сделал чародей,
Небесной карой поражённый,
Молил: «Возьми мой дар, владей!

Пусть, песнями замороженный,
Внимает каждый из людей,
Волшебным звоном заражённый,
И бес, и зверь, любой злодей

Тебе отныне покорится!»
Что ж, фатум свой я принимаю,
Вовек не изменю судьбе...

И лишь твоя любовь искрится
Без чар и без чудес — сама я,
Без дивных сил нужна тебе.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 040 ~

Зачем тебе прощение мое? —
Ты боль свою так холишь и лелеешь,
Так бережешь мучение свое,
Так рьяно за двоих себя жалеешь;

Хранишь ночных сомнений воронье
И раны растравляешь, как умеешь,
Страдания — сокровище твое,
Ты без него скучаешь и дряхлеешь...

Нет, не нужна тебе моя пощада:
Ты жаждешь муку для себя продлить,
Чтоб истязаться самобичеваньем,

Рыдаешь вновь, и сердце пытке радо,
И, не желая боль ни с кем делить,
Себя изводишь нашим расставаньем.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 041 ~

Любовь придет в венецианской маске,
Когда угаснут искры карнавала,
Блеснет слезой по золотистой краске
И молвит: «Что ж, меня ты не узнала?»

Любовь решит придти в плаще испанском
И растворится в полумраке бала
С вальяжною улыбкою гусарской,
Чтоб на твоей груди уснуть устало...

И лебединым кличем трубадура,
Тая в душе израненной обиду,
Вдруг о себе напомнит невзначай —

Без лавра, без фанфар и без бравура;
Гляди, не упusti ее из виду,
Она грядет — встречай и привечай!

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 042 ~

У нас с тобой всего лишь вечность
На песни, вздохи и цветы:
Любовь плюс минус бесконечность —
Об этом знаем я и ты,

Сердец преступную беспечность
У бездны, словно у черты,
И нежности грядущей млечность
Отнимем мы у пустоты...

Теперь без радости ни шага,
Без счастья больше ни мгновенья
И ни секунды без блаженства...

А что нам смерть? — цветок и шпага
Одoleвают мрак забвенья,
Ведя нас к пику совершенства.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 045 ~

Ты не любовь, ты лишь ее фантом:
Хотя земной — из крови ты, из плоти,
Но, говоря и плача не о том,
Ты губишь сердце в адовом болоте...

Ты только тень экстазов и истом,
Ты эхо грез в поддельной позолоте,
Ты оставляешь счастье на потом
И, как дитя, нуждаешься в оплоте...

Вместо поэмы лишь повествованье:
Тоску скрывая за пустой улыбкой,
Тая в груди разбитой образ милый,

Теряясь в призрачном существованье,
Уже почти незрим в трясине зыбкой...
Лишь я спасу тебя своею силой.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 044 ~

Ты так боишься самому себе сознаться,
Что влюблены в меня и ангел твой, и бес,
Ты так привык в былые страхи пеленаться,
И лишь от взора моего душой воскрес;

За счастьем призрачным пытаюсь вновь угнаться,
Его измерить, оценить на вкус и вес,
Ты, о любви шепча, не смог не запинаться —
Хоть слышали тебя пустая степь да лес...

Жизнь без меня — пустого сердца летаргия,
Унынье вечное под маскою веселья
В саду искусственных цветов и мертвых птиц,

Пусть звёзды по любви отслужат литургию,
Лишь там, где я, твой рай и сердца новоселье,
И беды бледные падут пред нами ниц.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 045 ~

Пока я спою о любви твоей,
Тихонько на арфе мне подыграй,
Пусть эхом откликнется соловей —
Ты струны на лютне перебирай;

И звонкою лирой мечты навей,
Пока я спою про сердечный рай,
И флейтой серебряный дождь пролей,
В агонии огненных труб сгорай...

Когда я спою о твоей любви
Под рокот органа и стон альтов —
И сгинет навеки рок-палач,

Ты лебедем снежным ко мне плыви,
За счастьем спеша в золотой альков,
Не пой, не играй — молчи и плачь!

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 046 ~

Одна — с причёскою и личиком овечьим
В охоте ревностной за жирным кошельком,
Другая — дура — за фальшивым красноречьем,
Шипя да извиваясь, тащится ползком;

А третья прячется за дорогим оплечьем,
Любви предпочитая стену с потолком,
Звериной похотью, корыстью человеческой —
Пусть бредит прорва каждым лакомым куском.

Всё пустят в ход — и колдовство, и лесть, и слёзы,
И в мерзкой паутине сплетен и интриг
Ты будешь биться всем стервятницам на радость,

Когда предашь свои блистательные грёзы,
Томясь в их обществе, как в обручах вериг,
Сменяв на дряхлый век украденною младость.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 047 ~

В разгаре лета белой мальвы куст —
Невеста в подвенечном одеянье —
Так сочен, ослепителен и густ
В застенчивом и нежном обаянье...

Ты прежде был душой и сердцем пуст,
Но цвет судьбы в чарующем сиянье
Тебе напомнил летом снежный хруст
Узоров зимних в дивном изваянье:

На статуе богини в старом парке
Цветы зимы сплетали кружева,
Ты их украдкой легко касался,

Где облака — небесной глади барки —
Высот эдемских скрыла синева,
И сердцем там ты навсегда остался.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 048 ~

Ты плачешь без меня, я знаю,
Своей гордыней истощён,
Весь — рана рваная, сквозная,
Ты сломлен, но не укрощён;

Взошла луна — любви связная,
Ты от нее не защищён,
И стонет вновь душа больная...
Свободой лживой обольщен,

Ты жаждешь возвратить оковы
И сердце умиротворить;
От всех невзгод, от бурь и гроз,

Забывшись в тишине алькова,
Стальные ставни затворить,
Укрыв любовь от всех угроз.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 049 ~

Послать ко всем чертям нелепый мир —
Увы, была готова я не раз,
Но ты молил: «Не уходи, кумир!»
Святым сиянием влюбленных глаз...

Холодный, словно ледяной Памир,
В груди моей покоился алмаз,
Бездушный, как безжалостный эмир,
Небес бесстрастных благородный газ...

Зелёные сердца цветущей липы,
Качаясь, шелестели на ветру,
Нашёптывая древний заговор;

В твоих мольбах небес дождливых всхлипы,
Я слёзы любящих очей утру,
Захлопнув на вратах седьмой затвор.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 050 ~

Ты для меня — венок сонетов,
Букет из песен и стихов,
В любом из множества лорнетов
Мой облик снежен и пухов;

Ты только некто из брюнетов,
Идёшь в плену моих духов
На зов чарующих кларнетов
Тропою сладостных грехов...

Когда артели и картели
Согнёт неведомое бремя,
Топя в унынье и крови,

Адонисы и иммортели,
Одолевая злое время,
Не отцветут в венке любви.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 051 ~

Рисуй лилейной кистью мой портрет,
Алмазы в пыль цветную растирая,
Доверь холсту рассветному секрет,
Для киновари от любви сгорая;

В какой из ослепительных карет
Ты золотые грёзы мчишь по краю
В чаду полынно-мятных сигарет,
Сердечные осколки собирая?..

Чтоб вечную мозаику сложить
Из боли, слёз, терзаний и мечты,
Из пепла восставая многократно,

Чтоб даме беспощадной услужить,
Чтоб идолу нетленной красоты
Судьбу свою доверить безвозвратно.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 052 ~

Любовь улыбками не мерь,
Не лести приятными вестями,
Ведь для тебя любовь — лишь зверь
Скупой, с железными когтями...

Не жди и не надейся — верь!
Пей солнце малыми горстями,
Не запирай напрасно дверь —
Смирись с незваными гостями:

С невыносимую тоской,
Что держит сердце в мягких лапах,
С печалью вечной и бездонной...

Не мрак за гробовой доской,
Не ладановый всюду запах —
Страшна разлука с примадонной.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 055 ~

Пусть для тебя я — алчная Селена,
Чей лунный свет — лишь слёзы всех влюблённых,
Миры я рушу хлеще, чем Елена,
Дотла сжигая мною истомлённых;

Безжалостно манящая Сирена —
Губительница песнью окрылённых,
Ундина, что в альпийских водах Рейна
Хранит сердца любовью опалённых...

Да, ты сгоришь на жертвенном костре,
Но пепел твой не растворится в Лете:
Пусть за любовь ты пойдешь ко дну —

Нет проигравших в сказочной игре,
Для вечного блаженства в дивном лете
Я из небытия тебя верну.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 054 ~

Ты сделал из себя мою игрушку,
От прошлого отрекшись навсегда:
Ты позабыл уланскую пирушку,
Друзей не видишь даже иногда,

Ты слушаешь лишь вещую кукушку,
Что вечно нам сулит любви года,
И в полночь на волшебную опушку
Спешишь сорвать нимфеи из пруда...

Советчики былые онемели,
От злобных сплетен выбившись из сил,
Но несчастливцам ты не прекословь:

Сердца их бьются с хрустом карамели,
Твое — в экстазе, как ты и просил,
Нет власти бережливей, чем любовь.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 055 ~

Дай сердцу вечную свободу,
Не слушай рассказы глупцов —
Им поздно пить живую воду
И чтить заветы праотцов:

Они любви не знали сроду,
У них давно душа скопцов,
Их подлый век диктует моду
На дух прожорливых купцов...

Здесь каждый цепью золотой
К позорному столбу прикован,
Свой ад в безумии лелея;

А ты всё пьёшь нектар густой,
Цветущей вербой завербован,
От чар прекрасных вечно млея.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 056 ~

Я грёз твоих не прерываю:
Пусть бесполезно всё вокруг —
Я просто время убиваю...
Нет, ни жених ты, ни супруг, —

Я только звёзды затмеваю —
Нет ни сестёр мне, ни подруг,
Водой священной вымываю
Твой глупый жалобный испуг...

Не бойся, я тебя не брошу,
Мечты прекрасной не лишу,
За пыл святой не осужу;

Апрельских дней не запорошу —
И слёзы горя осушу,
И слёзы счастья пробужу.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 057 ~

Не погасить волшебную Луну,
Не укротить пылание Венеры —
Ты у священной ночи вновь в плену
Под страстный рокот вечной хабанеры;

Любовь растит дурман и белену
И, добавляя их в бокал мадеры,
Тебя поймает на свою блесну —
Король ты или бедный кабальеро...

И ты пополнишь полчища безумцев,
Неистово терзающих гитару —
Без памяти, надежды и сомнений;

С ватагою отпетых вольнодумцев
Отдашься ты любви святому дару,
Ступив на путь нападок и гонений.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 058 ~

В твоих ромашках любит каждый лепесток,
В лучах Венеры и в слезах очей влюблённых
Таится, вызревает солнечный поток
В цветах любви, июльским зноем опалённых...

В твоём несчастном сердце постоянный ток,
В речах почти бредовых, страстно иступлённых;
В моих ладонях лишь спасительный глоток
Для уст, желанием и жаждой истомлённых...

Всепоглощающей, всечасной, всеблагой
Полны любви все океаны и просторы,
И ты готов в ней затеряться, потонуть;

Любовь-охотница степною пустельгой
Наотмашь бьёт все неурядицы и ссоры,
Чтоб вместе с нами к небесам седьмым вспорхнуть.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 059 ~

Опять весна, опять зюйд-вест,
Желанные метаморфозы;
Что твой покажет гемотест? —
Сок любистка и красной розы...

А в сердце нет свободных мест,
Ему отныне не до прозы,
И на твоей свободе крест —
Твердят гадальные прогнозы...

Теперь ты волен лишь мечтать,
Дышать лишь розой, пить лишь мёд,
Любить, забыв про всё на свете;

Мгновенья райские считать
И, растопив сердечный лёд,
За счастьем унести в карете.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 060 ~

Любовь поймет различные признанья:
На раненой груди татуировку,
Волшебные напитки, заклинанья
И на колечке медном гравировку,

В магическом числе напоминанья
Игрой в таинственную маскировку,
Рыданья ливней и ветров стенанья,
И на стигматах сердца лакировку...

Сердцам златым, рубиновым, алмазным,
Иль в небе гаснущим шарам воздушным,
Доступным, броским, розовым, пылящим

Дарам тщеславия разнообразным
Не стать заменой милым, простодушным
Речам твоим и чувствам настоящим.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 061 ~

Скорбят усталые уста —
На них опять печать печали,
Душа мятежна и пуста —
И это на заре, вначале;

В них голод вечного поста,
Они б о нежности кричали
С перил хрустального моста,
Но их с тоскою повенчали...

Ты будешь лгать и тихо ждать
У черного окна отныне,
Где иногда я прохожу;

На ручейках из слёз гадать —
Когда же в выжженной пустыне
Сердечный жар я остужу.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 062 ~

Нет ничего кроме мечты:
Ты восковой, я снеговая,
Опять в объятых пустоты
Печаль таится вековая...

Поборник хрупкой красоты,
Ну вот и встреча роковая,
И крылья жаждут высоты,
И звёзды ждут, не уставая...

Иди, забыв про всё и вся, —
Есть только сердце, только грёза,
И нет обратного пути;

За облака мечту неся,
Ведь ты уже богаче Крёза —
Так не смотри же вниз, лети!

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 065 ~

Ты далеко — никто не лжёт,
Не беспокоит, не перечит:
Теперь покой мой стережёт
Молниеносный зоркий кречет,

Мой сон и сердце бережёт
И недругов моих калечит —
Любовь тебя сильнее жжёт,
И дух мятежный рвет и мечет...

Нет, я не стану выбирать:
Кто мне милее — лебедь чёрный
Иль сокол, жаль обоих — верь!

Любовь желает поиграть:
Любой из вас — слуга покорный,
Пусть фатум всё решит теперь.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 064 ~

Я пью амброзию, ты — эль,
Мой мальчик в дольче стиль нуово,
Я, словно ранний Рафаэль,
Тебя выдумываю снова:

Ты — мой бескрылый Ариэль,
Не говори, не пой ни слова,
Ты только средство или цель
Для Музы в ритме босса нова...

Ты только призрак или сон,
Но полугрёзою невнятной
Ты стал сейчас реальней всех...

Любовь в судьбе твоей — муссон:
Из счастья в горе и обратно
Летят рыдания и смех.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 065 ~

Ты от любви свернёшь любые горы,
Бездонные переплывёшь моря,
И в сердце будет сила Святогора,
Перуновым цветком в груди горя;

Павлиньим кличем и полётом Гора
Отвагу несравненную даря,
Ты завладеешь мощью мандрагоры,
Над миром ангелом любви паря...

Тебе любые силы покорятся,
И равных по могуществу не будет
Тому, кто предан лишь любви одной;

Стихии укрощённые смирятся
Пред тем, кто счастье вечное добудет,
Не постояв нисколько за ценой.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 066 ~

Я не боюсь извечного обмана,
Судьбу слепую не берусь ругать,
И вовсе чёрным сердцем Дон Жуана
Меня никто не сможет запугать:

Пусть до поры в безумье дромомана
Тебе любви удастся избежать —
Лассо я не наброшу, я гуманна,
Но берегись Венеру отвергать...

И от упреков улетит Жар-птица,
Не дожидаясь ядовитых стрел,
Ее предатель в небе не достанет;

А в сердце злом поселится синица,
И тот, кто счастьем пренебречь посмел,
Казниться каждый день не перестанет.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 067 ~

Я не прощу тебе дурного тона,
А ты не сможешь обо мне забыть;
Ты мой цветок, растущий из бетона,
И ты обязан самым лучшим быть...

Мой верный жрец могучего Атона,
Лишь я могу в ладье по небу плыть;
Клянись лучами каждого фотона,
Что нам с тобой вовеки не остыть...

Ты колешь вечный лед, руду и камень,
Влюбленным сердцем стены разбивая
И открывая райские врата;

Мой бессмертный, неугасимый пламень,
Летят метели, все цветы срывая,
И лишь в тебе не гибнет красота!

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 068 ~

«Тебя ищу я, цесаревна,
Заворожённому под стать,
Микулишна ты иль Моревна,
Иным судьбой моей не стать —

Тоска всенощна и вседневна,
Но как мне пред тобой предстать;
Ты милостива или гневна,
Как мне бывшее навестать?»

Рыдая от любви и боли,
Ты пел, как лебедь одинокий,
Печалью неземной скорбя;

Послушен лишь любовной воле,
Пленён тоскою темноокой, —
И я услышала тебя.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 069 ~

Я каменная? — И прекрасно:
Ты радуешься, как геолог,
Восторженно и громогласно
Ликуешь, как знаток-геммолог...

«Не прятать бриллиант опасно», —
Тебе шепнул вчера астролог,
Не тратя времени напрасно,
Ты караулил, как литолог,

Свое сокровище — хранил,
Тая в велюре и шелках,
И с ювелирным вождельем

Лишь поцелуями гранил,
Нося на шее и руках
С любовью и благоговеньем.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 070 ~

Какой явлюсь к тебе богиней:
Охотницею Артемидой,
Одной из яростных эриний
Или незрячею Фемидой,

Пандорою — людской врагиней,
Прекрасною океанидой?
Или предстану берегиней,
Оставшись навсегда Кипридой?

Нужны ли мудрая Афина
И хлебосольная Деметра
Тебе, сраженному любовью?

Тебе важна любви лавина,
И сердце в каждом миллиметре
Покорно этому словью.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 071 ~

Полупринц, полупаж, мне тебя разгадать
Предстоит в эти странные дни;
Полудух, полустраж, мне тебя не отдать...
Мы с тобой в звёздном царстве одни:

Полумрак, полусвет — только б не опоздать,
В чём спасенье твое — намекни...
Полуда, полунет, но довольно страдать —
Возмужай и судьбу подстегни!

Полудруг, полувраг, нет прекрасней даров,
Чем твои подношения мне;
Полумёд, полуяд — весь ты мой,

Полубог, полубес, ты в каком из миров
В одинокой грустил вышине
До того, как попал ты домой...

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 072 ~

В груди повесы ядовитая медуза —
Из рук любых такое сердце ускользает:
Кокетка, дива роковая или муза,
От их признаний кровь твоя лишь замерзает,

Тебе любовь любая — жалкая обуза,
И ты бежишь, и совесть вновь не угрызает,
Душа не терпит нежелательного груза
И прочь из памяти скорее вырезает...

Ты так привык повсюду оставлять ожоги
И, отравляя кровь неизлечимым ядом,
Бросать в бреду любовном жертву догорать;

Зачем стоишь ты кротко на моем пороге
И василисковым напрасно молишь взглядом,
Пойми, настало время камни собирать.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 073 ~

На перекрестке срубленная ива,
Лишь часть ствола не одолел топор,
Три ветви юные остались живы —
Убийце хладному немой укор...

То жертва глупости или наживы,
Но только призрак здесь живет с тех пор —
Русалочьих волос убитой дивы,
Святой любви, расстрелянной в упор...

И призрак этот видит лишь влюблённый,
Что лунными бессонными ночами
В секреты сердца небо посвящает;

Так ты сюда стремишься окрылённый,
Где сладостными вещими речами
Любовь вернуть все звёзды обещают.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 074 ~

Я в пурпуре, ты в рубище, и что же?
Нет дела мне до этой суеты:
Я с каждым годом буду всё моложе
И с каждым днём взрослее будешь ты,

Я стану легкомысленней, ты строже
На страже феерической мечты...
Ты наше счастье ценишь всё дороже —
Адепт любви, весны и красоты...

Застынут слёзы на твоих ресницах,
Алмазной пылью станут на страницах,
Ты — сумерки, я — алая заря;

С тобою я в палатах и темницах,
Где сердце спрятано во власяницах
Лишь для любви — всё остальное зря.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 075 ~

Судьбе и небу дай обет,
Уж раз тебя сомненья гложат,
Что призраки прошедших лет
Меня теперь не потревожат;

Пусть в вечном трауре весь свет
Года минувшие итожит,
А мне до них и дела нет —
Воскреснуть прошлое не сможет...

Ведь я всегда живу грядущим,
А ты ревнуешь, как безумный,
К теням, что были до тебя;

Фантомам, по пятам идущим,
Приём устраивая шумный, —
Себя напрасно изводя.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 076 ~

Будь хризантемово-букетным —
Невянущим, пушистым, белым,
Будь, словно воздух, незаметным
И лишь моим душой и телом;

Будь самым лакомым, запретным,
Признанья подтверждая делом,
Будь неизбежным, беззаветным,
Со мной лишь робким и несмелым...

Стань самым нужным, самым нежным,
Незаменимым ни на миг,
Дерзай с незыблемым упорством,

Стань незабвенным, безмятежным —
Вот ты все тайны и постиг,
Так приступай же к чудотворству...

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 077 ~

Сама любовь объявлена блудницей
И, шествуя по миру без одежд,
Как призрак из пустующей гробницы,
Она обречена на суд невежд:

Лишь отблеск пламенеющей зарницы
Без имени, без дома и надежд —
Ей не морская соль разъест глазницы,
А слёзы чёрные прозревших вежд...

Утратив разум, совесть и мечты,
Грызёт божественную землянику
Кубло из гадин, слизней и червей;

В потёмках раздирая в лоскуты
Царицы оклеветанной туники —
Храни от них огонь любви своей.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 078 ~

Когда ты счастлив и в душе твоей светло,
Ты белый жемчуг мне с улыбкой преподносишь,
Когда ты мрачен и на сердце тяжело,
Меня ты в чёрный жемчуг облачиться просишь;

В рассветном небе солнце юное взошло —
Ты жемчуг розовый на небеса возносишь,
Иль в море бурном налегая на весло,
Порой лазурный жемчуг злой стихии бросишь.

Ценнее золота и бриллиантов краше
Тебе дары венериного перламутра,
Что нам жемчужницы приносят неустанно;

Какого цвета завтра будет счастье наше?
Оттенков сумерек, зари, ночей иль утра —
В них будут только слёзы... слёзы океана...

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 079 ~

Я — твой сокольниковый, тебя я приучаю:
То оттолкну порой, то снова обниму —
Быть может, мучаю или души не чаю,
Прогнать желаю иль оставить — не пойму...

Не окольцовываю и не обучаю,
Не околпачу и небес не отниму;
Твои терзания совсем не замечаю —
А вдруг не нужен ты ни сердцу ни уму?..

Ты птица хищная, безжалостная, злая,
К сентиментальности и ласке так не склонна,
Давно привыкшая выклевать сердца;

И сколько душ несчастных от тебя спасла я,
Когда отдал ты все просторы небосклона
За флердоранжевое облачко венца...

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 080 ~

Как нет второго солнца для земли,
Так нет тебе иного утешенья —
Его искал ты рядом и вдали,
И сердца истощилось от лишений;

Луну о снисхожденьи не моли
И небесам не подавай прошенья —
Ты лишь своей любви всегда внемли, —
В ней все ключи, свершенья и решенья...

Единое ты ценишь божество —
Безжалостное, мрачное, лихое,
Душой владеющее безраздельно;

И юношества злое озорство
Оно карает, к чаяньям глухое,
Чтоб воцариться в сердце беспредельно.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 081 ~

Ты — оборотень, всё известно мне:
Порой — как медвежонок — ты ворчишь,
Как хищный кречет, мчишься в вышине
Иль журавлем израненным кричишь...

Ты — волколак в полночной тишине,
Завоешь ли тоскливо, зарычишь;
Дельфином верным ждёшь на синем дне
Иль снова адским аспидом молчишь...

Ведь душ в тебе всего-то сто одна —
Коварных, нежных, ветреных, простых,
Безумных, лживых, страстных, многоцветных;

И каждая навеки влюблена
В меня — в мечтаньях грешных и святых
И в стольких же признаньях беззаветных.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 082 ~

Уберегу тебя от мерзкой клеветы:
Моя душа уже давно на амбразуре —
Ты не узнаешь осквернение мечты,
Вкушая вечно манну в сахарной глазури...

Ничтожным сплетням не достигнуть высоты
И не коснуться ослепительной лазури;
Испив амброзию любви, не примешь ты
Всё, что претит моей божественной цензуре...

Тебя закрою вещим сердцем как щитом,
От гнусных козней и интрижек заслоня,
Чтоб не язвили зачарованных очей

Ни мрак, ни подлость — ни сейчас и ни потом,
Пусть ищут стрелы ядовитые меня
И вновь находят и пронзают палачей.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 085 ~

Нет, мальчик, это не гипноз:
Порою сказки оживают,
Но не проси теперь наркоз —
Нет, сердцу он не помогает...

Увы, таких метаморфоз
Никто увидеть не мечтает,
А мы сумели и без доз —
Вот всё, что сердце пожелает:

Мечты и райские сады,
Влюблённость — бред иль сновиденье? —
Лечись, опомнись и проснись,

И лебединные пруды
Исчезнут, словно наважденье...
Не хочешь?! — Ну тогда смирись.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 084 ~

Ты хламом переполненный чулан:
Как перевёртыш, гадок и смазлив,
Ты злишься и перечишь, как мужлан,
И, как дитя, обидчив и слезлив,

Ты разухабист, как молодой улан,
Как старый сноб, надменен и спесив,
На все лады щебечешь, как жулан,
Ты жутко, омерзительно красив...

Ты не со мной — с собою не в ладу:
Две половинки сердца на ножах,
И разум никому не доверяет,

Твой дух в полураю, полуаду,
Вина твоя растёт, как на дрожжах, —
И лишь любовь ко мне всех примиряет.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 085 ~

Зачем рождаться мне на свет,
Коль не было б стихов Шекспира:
И чей бы радовал привет,
Веселие какого пира,

Где мир, предав любой завет,
Грааля ждет с душой вампира,
Где на любовь всегда ответ,
Как ядовитая рапира...

Зачем бы я сюда пришла,
Когда б Ромео ты не стал,
Не пригубил любовный яд;

И разве б я дышать смогла,
Когда б дарить ты перестал
Мне этот дивный томный взгляд...

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 086 ~

Гитара

Желая страстно и мятежно
Спеть под гитару о любви,
Играя резко и небрежно,
Случайно струны не порви:

Касайся бережно и нежно,
Мечту восторженно зови,
Вздыхая кротко, безнадежно,
Благоговейно оживи

Медно-серебрянные нити —
Любви артерии и вены,
Души златую середину,

Где под рукой судьбы в зените
Так счастливо и сокровенно
Два сердца слиты воедино.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 087 ~

Код Морзе

Молчи, пускай стучит твоё сердечко:
Точка, тире, две точки... ну и что? —
Не нужно мне ни жеста, ни словечка:
Две точки, два тире — так раз по сто...

А в жилах кровь, как в половодье речка:
Тире, три точки — словно долото,
Гадальная не угасает свечка:
Точка, тире, две точки — всё про то...

Две точки, два тире — и нет сомненья!
Твоё сердечко не умеет лгать
Хозяину-пройдохе вопреки...

Нет в мире лучшего сердцебиенья:
Ты прав, по сути, надо полагать —
Лишь сердцу откровения легки.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 088 ~

Луна за синей облачной вуалью
Жемчужную скрывает белизну
Иль прячет лик под жёлтою эмалью,
Но разве не отыщешь ты луну?

Влюблённый дух пленён своей печалью,
Из всех светил он зрит её одну:
Лохмотьями укроюсь или шалью —
Узнай меня, пока я не усну,

Услышь меня среди чуждых отголосков,
Найди меня меж моря миражей,
Прими свой идеал в любом обличьи...

Создай портрет из тысяч набросков,
Похить меня у тысяч сторожей —
Увидь сиянье в подлинном величьи.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 089 ~

Ты так несносен, так враждебен,
Ты так неясен — что скрывать,
Ты так недобр и нецелебен —
Прогнать тебя, заколдовать?

Как скоро станешь ты хвалебен,
С любовью будешь ты взывать,
Услышит сердце твой молебен —
Ну а пока забыть, порвать?..

Без нежности моей не сможешь
И не захочешь ты дышать —
Бесповоротно, навсегда;

Как скоро сам, дрожа, предложишь
Лишь мне судьбу твою решать —
Тогда приду к тебе, тогда...

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 090 ~

Скорей в любви меня купай
И возноси хвалу Нептуну,
У бед и грусти выкупай
Мою капризную фортуна;

За мною день и ночь ступай
Вослед — в жемчужную лагуну,
Смертям и лжи не уступай...
Под стать летучему драгуну

Будь вечно юн и опьянён
Моими чарами святыми —
Пусть счастье нежит нас всегда;

Будь соком розы опоён,
Тверди единственное имя —
И сгинет горе без следа.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 091 ~

Мне всё равно, хорош ты или нет, —
Мне лишь любовь твоя всегда важна:
Простолюдин, маркграф иль баронет,
Хоть царь и бог — мне лишь любовь нужна,

Искусный ты напишешь ли сонет
Иль не удастся строчка ни одна,
Прочь побрякушек блеск и звон монет —
Вся жизнь моя любовью лишь полна...

Нет вовсе дела мне, в какой из стран,
Когда и на каком из полюсов
Ты сердце мне на вечный срок отдашь,

Одной любви Вселенский океан,
И, спев о ней на сотни голосов,
Ни разу не сфальшивишь, не предашь.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 092 ~

Обагрена волшебной кровью орхидея,
Её целуешь ты, слезами омывая, —
Все ждёшь, когда же благосклонной станет Дея,
Елей в пылающее сердце подливая...

Цветком роскошным лишь любуясь, не владея,
Порывы сладостные ото всех скрывая,
От чувств запретных и от дивной грёзы рдея
И счастье вновь в священной роще призывая...

От ожиданий долгих сердце цепенеет
И, наслаждаясь вновь прекрасною мечтой,
Оно готовится и терпеливо ждёт;

От предвкушенья снова млеет и пьянеет,
И, очаровано небесной красотой,
За ней, желанною, в любую высь идет.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 095 ~

Не ищи богинь сильнее,
Не питай надежды зря:
В скалах озеро синее
И прозрачней, чем моря,

Там снега песка нежнее
И багрянее заря —
Там, где дива, пламеня,
Цветом солнечным горя,

Жемчуг в локоны вплетая,
Песни лунные слагая
Без печали и невзгод,

В полночь к звёздам улетаю,
Несравненная благая,
Ждёт тебя который год...

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 094 ~

Влюблённый скучен всем в страдании своём —
Не избежал печальной участи и ты:
Не каждый может заливаться соловьём
И орошать слезами алые цветы,

Стенаешь всякий миг, когда мы не вдвоём
В безумном омуте житейской суеты, —
Зачахший лотос, на засохший водоём
Взираешь тусклым взором с мукой немоты...

Кому в циничном мире боль твоя нужна
И кто беззвучную канцону распознает,
В очах, израненных красою, звёздный свет;

Лишь мне тоска твоя понятна и важна,
Твоим признаниям душа моя внимает
И за мечтой тебя ведёт мой силуэт.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 095 ~

И дольше вечности была разлука,
А ты и мига вынести не мог —
Давно багряной розою из лука
Тебя сразил неумолимый бог;

Любовь без приглашения и стука,
Как вор, к тебе прокралась на порог —
Весёлая наука стала мукой,
Отравой стал когда-то сладкий грог...

У розы цвета красного вина,
Изранив сердце бедное сполна,
К шипам больною грудью ты приник;

Нет, не моя, не розы в том вина,
Что ты испил всю боль любви до дна
И яд цветочный в кровь твою проник.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 096 ~

Ты помнишь только об одном —
И не забыться, не уснуть,
Но соку надо стать вином —
Тебе судьбу не обмануть:

Что было небом, стало дном,
Чтоб сердце в Лету обмакнуть,
Забудь о прежнем, о родном —
Пора с былой тропы свернуть...

Крепчает кровь, как аморетто, —
Киприду жди теперь на ужин,
Ведь нам создать пора давно

Любовной оперы либретто,
Кому-то пусть и уксус нужен —
Тебе им быть запрещено.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 097 ~

Ты жаждешь быть моей игрушкой —
Любимой, ценной, долгожданной,
Атласной ласковой подушкой
Касаться уст, ланит желанных;

Быть плюшевым, пушистым, душкой,
Душистым, сладостным, карманным,
Прожжен пленительною мушкой,
Ты тянешься за сном обманным —

Где грёзам милым и беспечным,
Как солнечным цветам бессмертным,
Не увядать, не осыпаться,

Где чувствам вечным, безупречным,
Быть счастьем дивным и несметным,
Где ты не хочешь просыпаться.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 098 ~

Обворожительный роман
Начертан ангельским пером,
Сортами всех небесных манн
Дополнен наш любовный ром;

Куда несёт златой виман —
Налево смерч, направо гром,
И впереди густой туман,
А в нём сияющим шатром

Видна блистательная цель,
Мы к ней спешим неудержимо —
Лишь там блаженства острова:

Налево шторм, направо мель,
Но счастье неопровержимо
И лишь любовь во всем права.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 099 ~

Такое всюду запустенье,
Что небу грустно кинуть взор:
Влюблённость — хрупкое растенье,
За ним особенный призор, —

В нём двух сердец переплетенье
Создаст божественный узор,
Разлука давит средостенье,
Но без любви сердцам позор...

Так будем мёдом поливать
И молоком коров небесных
Наш долгожданный солнцезвет,

Венки волшебные свивать
И на вершинах скал отвесных
Встречать в цвету любви рассвет.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 100 ~

Я найду тебе дублёров,
Раз судьбе тебя так мало,
Я найду тебе суфлёров,
Чтобы главных слов хватало;

Акробатов и жонглёров,
Чтоб не так уныло стало,
И заезжих гастролёров,
Чтоб всё пело и блистало...

Чтобы не был ты нескладным,
Глупым, маленьким и хилым,
Непослушным и ленивым;

Чтобы не был ты прохладным,
Нелюбезным и немилым,
Нерадивым и строптивым.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 101 ~

Любовь — прекрасная афера,
Не верь ни чувствам, ни словам:
Твой фатум — игры Люцифера
Иль жертва злобным божествам,

Ищи в скитаньях Агасфера
Пути к блаженным островам —
В затменьи сердца хромосфера
Привычна к тёмным торжествам...

Уже на солнышке колечко
Подобно брачному венцу,
И больше нет любви преград —

Расплавлено твоё сердечко
И страсть высокая к лицу,
Решай, Эдем она иль Ад.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 102 ~

Твои признанья — ивы на ветру —
Плакучие, прекрасные, простые,
Приди, я слёзы горькие утру,
Оставь скорей сомнения пустые...

Твои признанья — липы поутру —
Медовые, смолистые, густые,
Ты письма старые предай костру —
Нас ожидают виражи крутые...

Твои признанья — тополя Венеры —
Стремительные, рвущиеся ввысь —
Ласкающие пухом и листвою;

Твои глаза — любви легионеры,
А сердце — загнанная в клетку рысь,
И звонче благовеста голос твой.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 103 ~

Как это сладостно и странно —
Хоть сердцем ты еще дитя,
В тебе предвижу Дон Жуана,
Когда играя и шутя

Ты лжёшь наивно и пространно,
Интриги детские плетя,
Скрываешь розовую рану,
Чужие формулы чертя...

И что в груди твоей осталось?
Под латами лишь медный ларчик,
Покрытый пеплом и золой;

Что в нём сокрыто, мне досталось,
Ведь без меня ты только мальчик —
Пустой, насмешливый и злой.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 104 ~

Спеши ко мне, сквозь стены проходя,
Раскальвая лёд, на стёклах битых,
На углях раскаленных не сводя
Влюблённых глаз с высот, лозой увитых, —

Там милый облик сердцем находя
Среди любовных зелий неиспитых,
По воздуху и по воде пройдя
В краях лавинных, лавою залитых,

Ступай скорей за вечною мечтой —
В стране теней, в безжизненной пустыне,
В затерянных мирах ее найди;

За гранью и гранитною плитой,
В небытие, да где б ни скрылась ныне —
Не медли, за любовью вслед иди...

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 105 ~

Сердце твоё на правой чаше —
Снова колеблются весы:
Близится, снится встреча наша,
Тянутся, маются часы,

С каждой минутой на год старше
Сердце на острие косы,
Стрелки идут в походном марше,
Жаля с бездушием осы...

Левая чаша — бред сомнений,
Горечь бывшего заблужденья, —
Резче волчок судьбы верти

И, не предав поры весенней,
И не колеблясь ни мгновенья,
Раненым сердцем ко мне лети.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 106 ~

О, не печалься понапрасну,
Что спеть не в силах серенаду, —
Любовь не голосом прекрасна:
Оставь обычаи Гранады,

Пусть ты не сладкопевец страстный,
Не разорвут тебя менады,
Лишь сердца фальш любви опасна,
И мне канцон твоих не надо...

Как звёзды, о любви молчи,
И звонче арфы и мандол
О ней поведать ветер сможет —

Листвою липовой шепчи,
И за тебя споёт Эол,
И струны сердца растревожит.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 107 ~

В этой драме всегда только двое,
Остальное — лишь пыль, мишура,
Ты поспорил на сердце чужое —
И своё просадил в баккара;

Ты уже не бежишь от конвоя,
Жизнь — пустая, смешная игра,
Тихо гаснет в груди огневое —
И очам бы смежиться пора...

Предавая, не ждал ты расплаты
У подножия древнего храма,
Где, любовь убивая на миг,

Ты не знал, что вернувшись когда-то
Та червовая хрупкая дама
Станет вдруг королевою пик.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 108 ~

Ты зря устраиваешь сцену:
К чему мне клятвы на крови —
Судьба сама назначит цену,
Сомненьем сердце не триви,

Ища в глазах моих измену,
На каждом слове не лови —
На всем пространстве Ойкумены
Не изменю я лишь любви...

Любых устоев долговечней,
Обетов и присяг верней,
Права, прекрасна и чиста;

Любых законов безупречней —
Забудь гордыню перед ней,
Пред той, что истинно свята.

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 109 ~

Эти губы погубят тебя,
Будут болью и вечной бедою,
И коснутся они не любя
Чаши с кровью твоей молодою;

И отравят они не скорбя
Сердце бедное мёртвой водою,
Околдуют, о счастье трубя,
Под зловещею чёрной звездою...

Всё в них яд — чёртов хмель и дурман,
Сок ночной белены и красавки,
Что ответишь ты им, догорая?

Всё в них ад — только смерть и обман
С благовоньями ведьминой лавки,
Но тебе этот ад слаще рая...

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

~ 110 ~

Томный взор с поволокою — взглянешь,
Улыбнешься лукаво-хитро,
Но меня никогда не обманешь,
Арлекино с глазами Пьеро;

Ты на сердце порез не затянешь,
Страстью раненный, мальчик-зеро,
И беспечным, как прежде, не станешь,
Мой глупец из колоды Таро...

Отрицая удел неизбежный,
Чтоб любовную цепь разомкнуть,
Ты фиглярской манерой вальяжной,

Болтовнёй нарочито небрежной
Свой покой не сумеешь вернуть,
Пряча раны под коркой грильяжной...

ЦИКЛ «III СОНЕТОВ ВЕНЕРЫ»

Пришел напрасно, и теперь ты на крючке
На веки вечные, и счастлив этой мукой:
Кровавый след на тонком остром каблучке —
Души, истерзанной обидой и разлукой, —

Шипы упрятаны в вербеновом венке,
Лобзанья жаркие мне обжигают руки,
Блеснут росой слёзы на святом цветке —
Киприды медный звон у сердца в каждом стуке...

И маки поцелуев, и вино признаний
Ты примешь словно яд, от страсти умирая
И возрождаясь вновь по прихоти Венеры;

Ты раб любви, и нет желаннее призванья,
И лишь одно страшит — изгнание из рая,
И манит лик богини с шелковой шпалеры...

РУБАИ ГОЛУБКИ

• • •

К небесам нас волшебный ковёр унесёт, улетаю,
Где о счастье нам вещая птица споёт, улетаю,
Там, в раю, нас оазис тюльпановый ждёт, расцветая,
От восторга любви твоё сердце замрёт, улетаю...

• • •

Любовь сладка — как с мёдом баклава,
Нежна и всем желанна — как халва,
Но есть в ней дух ореховой скорлупки,
И об неё сломает зуб молва...

• • •

Сжигал сердца, и вот своё спалил — попался?
Круша надежды, выбился из сил — попался?
Смеялся раньше ты над безутешным соловьём,
Ловил жар-птицу, в сети угодил — попался?..

• • •

Что подсыпала жизнь тебе в кальян?
Дурман и маки или иной бурьян,
Всё выброси, оставь любви отраву —
Лишь от неё ты будешь вечно пьян...

• • •

Ты пьёшь вино — я кровь твою, и что?
Ты бьёшь врагов, тебя я бью, и что?
Ты ешь халву, я лакоплюсь сердцами;
Ты плачешь, ну а я пою, и что?...

• • •

• • •

Любящее сердце беззащитно, словно роза:
Всякий миг ему опасна каждая угроза —
Черви клеветы убьют, бездушные мороза
Или накорню иссушит будничная проза...

• • •

В беседке из душистых белых роз
Отведаю варенье из роз —
На облаках из шёлковых бутонов,
Где ты подносишь мне корзины роз...

• • •

«Я весь — лицо», — изрёк один мудрец,
А про себя ты понял наконец,
Что, полюбив отчаянно навеки,
Отныне весь ты из сплошных сердец...

• • •

У звездочёта в небесах алмазный свет,
У ювелира в бриллиантах звёздный свет —
Померкнет всё, но ты всегда найти сумеешь
В очах любимых звёзд и диамантов свет...

• • •

• • •

В июньском небе звёзд не сосчитать,
Сады в цветеньи райским снам подстать,
Но больше слов, чем роз и звёзд несметных,
Ты о любви готов мне прошептать...

• • •

Ты сыпешь под ноги мне золотой песок,
Любые стены между нами — лишь песок,
И, как в пустынях не кончается песок,
В часах любви струится вечности песок...

• • •

Трепещут струны лютни под перстами пери —
И сердцу сладко ожидать в наивной вере,
Что песня сказочная в рай откроет двери,
Хоть не достоин рая ты ни в коей мере...

• • •

Где мы с тобою, там цветущий сад —
Все соловьи стремятся в этот сад,
Благоухает розами пустыня
И в сердце у тебя эдемский сад...

• • •

• • •

Пускай стяжает ненасытный хан,
Его засыпет золотой бархан,
Лишь любящих спасенье ожидает —
Все прочие пойдут на астрахан...

• • •

В признаньях уст влюблённых чистый мёд,
В моих пиалах золотистый мёд,
Пускай весь мир вокруг всего лишь деготь,
Люби! Судьба моя — игристый мёд.

• • •

Собачий лай ветра уносят вдаль:
Звезда любви твоей — Дамаска сталь —
Ценнее, чем рубины и алмазы,
И жарче, чем кашмировая шаль...

• • •

Избрав любовь, ты счастлив без вина,
И в том, сознаюсь вновь, моя вина —
Ты с каждым днем становишься хмельнее,
Играет в жилах кровь сильнее вина...

• • •

• • •

Тебя я песнями под лютню исцелю,
Проклятым бедам убираться прочь велю,
Все огорченья прошлых лет дотла спалю,
Пока ты сотни раз прошепчешь мне «люблю».

• • •

Сокровищам пора сказать: «Сезам!»
Чтоб рос кунжут в полях, шептать: «Сезам»,
Но сердце мне твое и так открыто —
Зачем же повторять ему: «Сезам»?

• • •

Сирень в песках цветёт, когда пою —
Водой живой пустыню я пою,
И ты витаешь в солнечном раю,
Пока я песню новую пою...

• • •

Вчера пустыня расцвела — мираж...
Я с облака к тебе сошла — мираж...
И ты твердишь: «Не уходи, богиня!»
Пусть всё, что ты мне принесла — мираж!»

• • •

ПЕСНИ СИРИНА

Песня Василисы

Руки белые да тонкие,
Вместо злата береста —
Кто не ценит струны звонкие,
Тот услышит свист кнута...
Сказки вещие старинные
Знать покоя не дают —
Кто не примет песни Сирина,
Тому вороны споют:

«Ой, поле-полюшко
Без конца, без края,
Ой, горе-горюшко
По дороге к раю;
Ой, доля-долюшка,
Не найти отрады —
Ой, воля-волюшка,
Лишь тебя и надо».

В небе с облачка пушистого
Грустно ангелы глядят —
Кто не пьёт меда душистые,
Копит в сердце чёрный яд...
Утекает жизнь по маленькой,
Словно вовсе не цвела, —
Кто не любит цветик аленький,
Для того полынь взошла...

«Ой, поле-полюшко
Без конца без края,
Ой, горе-горюшко
По дороге к раю;
Ой, доля-долюшка,
Не найти отрады —
Ой, воля-волюшка,
Лишь тебя и надо».

ПЕСНИ ОРЛИЦЫ

Гимн Кавказа

На крыльях исполина
У солнца на ладони
Раскинулась долина
Над пропастью бездонной —
Где дружба крепче стали,
Где честь прочней алмаза,
И звезды ярче стали
В седых горах Кавказа...

Твой подвиг величавый
В бесстрашии орлином,
Хранит гигант двухглавый
Покой в краю былинном,
Неся живую воду
С кристальной чистотою,
Даря сердцам свободу
Хрустальной высотой...

Ты волею народной
И силой богатырской,
Ты мощью благородной
И духом монастырским
В суровых испытаньях
Никем не побежденный,
В свершеньях и дерзаньях
Для счастья возрожденный...

В короне державы
Святая слеза,
В сиянии славы
Небес бирюза;
Отвага и доблесть,
И предков наказ,
Ты — мудрость и совесть,
Любимый Кавказ!

ПЕСНИ ЦЫГАНКИ

I

Я в облаках витаю,
Стремясь туда в ночи,
Где воск уныло тает
От пламени свечи,
Где мотыльков неловких
Сжигают до утра,
Я бабочка огнёвка —
Я не боюсь костра...

Ой, зажгу, да станет жарко,
Ой, да мне огня не жалко,
Ой, да куда бы ни пришла,
А всюду угли да зола...

Я в небеса взлетаю,
Где в языках зарниц
Сгорают снова стаи
Неосторожных птиц;
Где бедный ангел, греясь,
Спалил себе крыла,
Я — лучезарный феникс —
Парю, сгорев дотла...

Ой, зажгу, да станет жарко,
Ой, да мне огня не жалко,
Ой, да куда бы ни пришла,
А всюду угли да зола...

Где топи да болота,
На линии огня
Идёт на ведьм охота, —
Там не ищи меня;
Где пепел да огарки,
Скачи мой красный конь, —
Я вольная цыганка,
И я сама — огонь!

Ой, зажгу, да станет жарко,
Ой, да мне огня не жалко,
Ой, да куда бы ни пришла,
А всюду угли да зола...

II

Даже на бездорожье путь размытый и грязный
Ночью в лунном сиянии блещет словно алмазный,
Звёзды плещутся в лужах,
Искры вьются и кружат,
За кибиткой цветной
Катится шар земной...

Только солнце и ветер, только алое пламя,
Только звёзды и пепел, только пыль под ногами;
Дух мой, весел и светел, мерит вечность шагами,
Только звёзды и пепел, целый мир под ногами...

Не нужны мне ладони — по сердцам я гадаю,
Взглядом жарким бездонным ворожу-заклинаю;
Мне друзья — лишь гитара
Да мотив песни старой
И мой конь вороной,
Что двигает шар земной...

Только солнце и ветер, только алое пламя,
Только звёзды и пепел, только пыль под ногами;
Дух мой, весел и светел, мерит вечность шагами,
Только звёзды и пепел, целый мир под ногами...

Не дари мне монисто — я сама золотая,
Зачарую и в искрах огненных вмиг растаю,
Не ищи ветра в поле —
Лишь по собственной воле
В бубен бью, и со мной
Пляшет весь шар земной...

Только солнце и ветер, только алое пламя,
Только звёзды и пепел, только пыль под ногами;
Дух мой, весел и светел, мерит вечность шагами,
Только звёзды и пепел, целый мир под ногами...

ШАТО ЭРКЕН

Так верит лебедь белый
Своей любви единственной,
Так верит рыцарь смелый
Своей звезде таинственной;
Так, в небеса взмывая,
Чаруя высоту
И, сказку создавая,
Ты веришь в красоту...

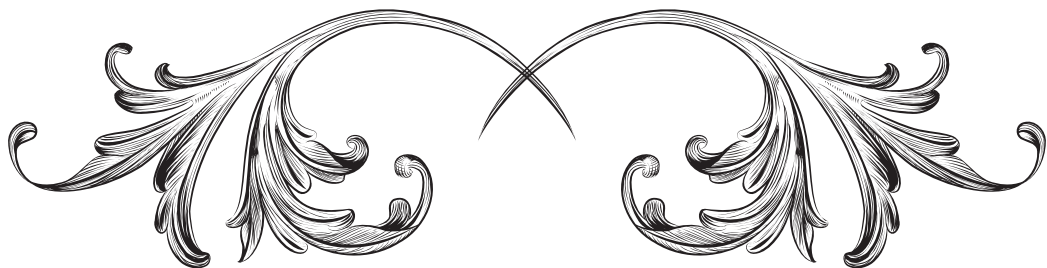
Ты рад любому гостю —
И на пирах торжественных
Твои золотые гроздья
Дарят нектар божественный,
Пусть минуют годы,
Но не коснется тлен
И обойдут невзгоды
Твой дом, Шато Эркин...

К вершине путь всё круче
Тропкою неизведанной —
Под сенью ив плакучих,
Где сила заповедная,
Твое большое сердце
Под сталью прочных лат
Поможет всем согреться,
Любезный Тембулат...

Пусть сердца влюбленные
И детскую мечту,
И солнцем напоенные
Сады в хмельном цвету
Всегда от бед и горестей
Теплом надежных стен
И рыцарскою доблестью
Хранит Шато Эркин!

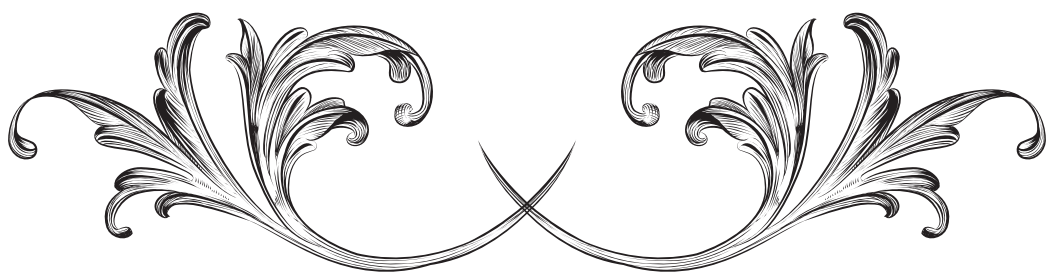
ПЕСНЯ МАГДАЛИНЫ

Словно белые лилии,
Я была милосердна,
Грезя райской идиллией,
Всё молилась усердно;
И священной ласточкой,
Уносящею гвозди,
Рисовала на пасочке
Виноградные грозди...
Я рыдала неистово
Над святым крестоцветом,
Мир от духа нечистого
Заслоняла Заветом;
Клеветой очерненною
Я останусь надолго —
И святой, озаренною
Светом высшего долга...

ИЗ КНИГИ
«ПЛАМЯ
ПОБЕДЫ»

...

ПАМЯТЬ

Лишь у небес есть список всех имён —
Отважных, сокровенных и бессмертных,
Багряный блеск пылающих знамён,
Парящих над землёй в лучах рассветных.

Лишь у небес есть реки чистых слёз,
Что льются вновь на братские могилы,
И седина рыдающих берёз,
Чьё млеко воинам дарило силы.

Лишь у небес есть песни птичьих стай —
Победных, погребальных, незабвенных,
И отвоёванный солдатский рай,
И летописи подвигов нетленных.

Лишь у небес есть вечный дивный свет
Тех звёзд, что призваны героев славить,
Неизгладимый след ушедших лет,
А у земли есть память, память, память...

ФИНСКАЯ ВОЙНА

За рекой за Сестрою Суоми
Зимней сказкой застыла в ночи,
Бродит вьюга в заброшенном доме —
Ни лучины в окне, ни свечи...

Где-то в чаще стрекочут «кукушки»:
Сколько жить ещё — миг или час?
Чёрным дулом нацеленной пушки
Ночь военная смотрит на нас...

Замерзают небесные слёзы,
К тонким веткам тихонько прильнув,
Нежным звоном карельской берёзы
Поминальную песнь затянув...

Вихри воют назойливым роем:
«Ты непрожитых лет не жалея!
Мы за доблесть погибшим героям
Возведём ледяной мавзолеей...»

Может, вовсе уже не очнуться —
Всё и всех позабыть и не быть,
Может, всё же удастся вернуться —
Лишь бы только победу добыть...

Красный лёд, словно мёртвое пламя,
В снежный саван одеты поля,
Живы ль, нет, но победа за нами —
Ты, спасённая, помни, Земля!

КЛЕСТЫ

Июньским утром улицы пусты:
В предчувствии безмолвном замер город,
В рассветном небе мечутся клесты,
Всякая в души леденящий холод.

Горят зелёным золотом кусты,
Сады цветут торжественно и пышно,
Царит покой пока, и лишь клесты
Твердят тревожно что-то еле слышно.

Земля пылает, рушатся мосты,
Моря в крови, селения в могилах, —
Предвидеть могут многое клесты,
Вот только рассказать, увы, не в силах.

Предвестники грядущих крестных мук
На птичьем языке твердят молитвы,
Но чёрный крест, как дьявольский паук, —
Зловещий символ неизбежной битвы,

Уже навис над мирною страной
На небосводе бледном и оглохшем —
И мир застыл, застигнутый войной,
И семь клестов на яворе засохшем.

ОБЕРЕГ

Возьми любовь мою с собою
Как самый лучший оберег —
Пускай она на поле боя
Тебя хранит в жару и снег,

Пускай спасает, как молитва,
От всех напастей и врагов,
Пусть всякий раз в жестокой битве
Таит от адовых кругов;

От пули-дуры ограждает
И от щемящей грудь тоски,
Грядущим счастьем награждает,
Ломая недругов тиски;

Пускай убержёт от плахи
Тебя в горниле грозных лет,
Как будто родился в рубахе
Ты в страшный век на этот свет;

Пускай избавит от злословья
И от немислимых утрат —
Заговорён моей любовью,
Ты станешь крепче во сто крат...

Щитом незримым закрывая,
С тобою будет каждый миг
И, маски с подлецов срывая,
Спасёт от козней и интриг.

Возьми любовь мою с собою
Как талисман от всех потерь —
Друзьями брошен и судьбою,
В неё лишь неизменно верь.

КАВАЛЕРИСТ СВОЕМУ КОНЮ

Со мною вновь ты в бой идёшь,
И знаю, как и раньше,
Что никогда не подведёшь —
В тебе нет лжи и фальши.

Порой, правдивей всяких фраз,
Что в клятвах произносят,
Надёжный взгляд пытливых глаз,
Что ничего не просят.

Водовороты и огонь
Нам предстоят с тобою,
И ты готов, мой верный конь,
К войне со злой судьбою.

Для встречи с новой зарёй,
Совсем забыв о ране,
Ты, взмыв над грешною землёй,
Паришь над полем брани;

Лишь вольной волей дорожа
И нерушимой дружбой,
Погибель примешь, не дрожа,
На безупречной службе.

Кто славит танк и самолёт,
Кто крейсером гордится,
Мне ж твой прыжок, как дивный взлёт,
Ещё не раз приснится.

Разделим подвиг, и почёт,
И будни боевые —
Атаки все наперечёт
И вёрсты роковые.

Пускай забывчив человек
И время скоротечно,
Товарищ мой, пусть краток век,
Но в сердце ты навечно!..

В разгаре плавится броня,
Сражение всё жарче, —
И жаль железного коня,
Да ведь живого жалче...

ФРОНТОВЫЕ ПОСЫЛКИ

Чья-то вера и щедрость, работа
И тепло чьих-то ласковых рук,
Безутешная скорбь и забота
За улыбками спрятанных мук,

Фронтовые посылки — спасенье
От косы сыпняка и цинги,
В зимний холод и в голод весенний
Вкус шиповника и кураги.

Беспокойные долгие ночи,
Труд без отдыха, пищи и сна —
На разрыв, на износ — что есть мочи,
Чтоб не пала родная страна;

Оберег от костлявого лиха
Среди горя, разрухи, врагов:
Дар Кавказа — кизил, облепиха,
Мёд с чистейших альпийских лугов.

Капли солнца из детских ладошек,
Весь целебный живительный сок,
Всё, что только возможно — до крошек,
Каждый вызревший здесь колосок —

Всё для нашей победы, для фронта
По немыслимой раньше цене,
До седьмого кровавого пота
Дань исчадию ада — войне.

Сколько глаз материнских усталых
И почти что незрячих от слёз
Километры петель отсчитало,
Как солдатами пройденных вёрст,

Чтобы те свитера шерстяные
Обогрели сердца сыновей,
Чтоб осилить поля ледяные
И от мора не пасть в суховей.

Фронтовые посылки, как прежде —
Знаки преданности и любви,
Словно в вечной священной надежде
Глас народа: «Отчизна, живи!»

МИННОЕ ПОЛЕ

Жизнь прожить — не поле перейти,
Но поля ведь разными бывают —
Сердце б в юных колосках спасти,
Но и там порою убивают.

С жизнью иль со смертью по пути,
За семью морями и горами
Нам теперь никак не обойти
Поле — коридор между мирами. —

Смейся над судьбой или грусти,
Обмануть её ты не сумеешь —
Может, и последнее «прости»
Вымолвить уже ты не успеешь.

Что нам на другом краю найти? —
Вьётся ворон мёртвою петлёю,
Всё равно покой не обрести
В поле между небом и землёю;

Ни мгновенья дух перевести
В поле с чёрно-белой полосой...
Сможет ли тут хлеб ещё расти
И прогнать костлявую с косою?..

В этой схватке нам, как ни крути,
Бед не счесть и не измерить боли:
Жизнь прожить как поле перейти —
Минами истерзанное поле.

НАСЛЕДСТВО АНГЕЛА

Мой ангел защитного цвета,
Военные письма твои
Я буду читать до рассвета,
Как Пери — стихи Навои;

В обнимку с твоею гитарой
Порой коротая часы,
В лучах фотокарточки старой
До утренней майской росы

Как-будто вернусь ненадолго
В прекрасное наше вчера,
Где горном священного долга
Ещё не звенят вечера,

Где сад ещё пахнет жасмином
И звёзды не меркнут в дыму,
Где розы пылают кармином,
Лечу я к тебе одному —

Туда, где не надо прощаться
И вечность постылую ждать...
Как сладко туда возвращаться
И счастье от бед ограждать...

Мой ангел защитного цвета,
Мы в памяти этой вдвоём
В сияньи и блеске расцвета
Всегда безмятежно живём,

И эту любовь без завета
Не тронут ни смерть, ни года,
Мой ангел защитного цвета,
Ты в сердце моём навсегда.

ЧУЖОЙ ПОДВИГ

Он рядом был, он шёл и плыл
Ноздря в ноздю, бок о бок;
Он другом слыл, он мок и стыл —
Небросок и не робок.

Ни добр ни зол — ни свод ни пол,
Ни скучен и ни весел,
В бою ни порох и ни тол,
Но тоже что-то весил.

И парень вроде неплохой,
Особо не придраться,
Да в общем, он как будто свой —
И не в чем сознаваться.

Пусть с неба звёзд и не хватал,
Всё впрок ему, всё впору,
Одним из многих в строй вралал,
Шагая тихо в гору.

А рядом были молодцы —
Углов не огибали,
А рядом были храбрецы
И ярко погибали.

Бывает, что не ко двору
Приходятся герои,
И затевает рок игру,
Бездушную порою:

Так неугодным смельчакам
Дублёров назначают —
Чужие Звёзды двойникам
Торжественно вручают.

Им там виднее, почему —
Решила так держава,
Что та Звезда как раз ему:
«Носи, имеешь право!»

И он надел, не возражал,
Маня, сверкали грани,
И от сомнений он сбежал,
Как дезертир от брани.

И судьбы вспять не повернуть,
Разбитые межою,
И грудью полной не вздохнуть
С наградою чужою.

Забиться б в думах об ином,
Но память, словно недруг,
Не явью мучает, так сном,
И точит старый недуг...

Двойник ведь тоже воевал
И, как умел, старался —
Бывало, жизнью рисковал,
И в бой кровавый рвался;

И вроде нет его вины,
Никто не упрекает,
Но голос краденной весны
Звенит, не умолкает.

Так ржавчина съедает сталь,
Коль пьедестал не прочен,
И не вполне своя медаль,
И жизнь своя не очень.

СОЛДАТСКИЕ МЕЧТЫ

Один из них хотел быть хлеборобом,
Как самородку, радуясь зерну,
Он к цели шёл по пеплу и сугробам,
Чтоб автомат сменить на борону.

Но пробил час — и вот в последней муке,
Пред тем, как по-солдатски умереть,
Он обнял поле, так раскинув руки,
Как будто всё вокруг хотел согреть...

Второй всегда мечтал стать астрономом:
Навстречу юнкерсам идя на взлёт,
В бескрайнем небе думал об одном он —
Как звёзды, что откроет, назовёт.

Но к вечности пылающей кометой
Горящий самолёт его унёс —
К далёким неизведанным планетам,
В холодный мир наивных детских грёз...

А третий бредил спортом неизменно:
Соперников во всём опережал,
В бассейне брал награды непременно
И на воде отрытой побеждал.

Война, снаряд и кораблекрушение,
Спасение людей как главный приз,
Герой судьбе не подавал прошенья —
Он вольным стал, как полуночный бриз...

Без устали стремясь к своим вершинам,
Они б любой достигли высоты,
Но мерила война своим аршином
Прекрасные солдатские мечты:

Один из них хотел быть хлеборобом,
Второй всегда мечтал стать астрономом,
А третий бредил спортом неизменно...

В РАЙ

О нет, герой, со смертью не играй!
К чему твердить избитое клише —
Я знаю, что бойцы уходят в рай,
Но отчего ж так тяжело на душе?

Ты станешь белым соколом потом
И унесёшься ввысь когда-нибудь,
Но всё же в мире, без тебя пустом,
Ещё собою нынешним побудь.

Иль будешь клёном в городском саду,
Укроешь в зной меня в своей тени,
Ну а пока не торопи беду
И страшный час разлуки оттяни.

А, может, загорись ты звездой
И осветишь мой одинокий путь,
Взирая грустно с вышины седой,
Вот только погоди ещё чуть-чуть...

О нет, надежды луч не отбирай,
Пусть смерть твоя — небесный атташе,
Я знаю, что бойцы уходят в рай,
Но оттого не легче на душе.

ПРЕРВАННЫЕ ПИСЬМА

Пронзительные строки,
Кто даст на вас ответ?..
Забывтые уроки
Давно минувших лет:

Любовь до смертной битвы,
До пули роковой,
До обagrённой бритвы,
До грани гробовой.

Раскрытые секреты
Непостижимых душ,
Опалы и запреты,
Как леденящий душ.

Как будто бы живые
Не в силах осознать,
Что письма-то чужие
Нехорошо читать.

Военные посланья
О личном, о своём, —
Ушедших на закланье,
Кто порознь, кто вдвоём.

В лукавый век цинизма,
Без фото, без имён,
Сердца-анахронизмы
И дух иных времён.

И в доступе широко
Былые тайники
Назло земным порокам
Чисты, как родники.

От них бессонной ночью
Неизъяснимый свет,
Лишь вместо многоточья
Кровавых капель след...

Они не постареют
В музейных кладовых,
Спасут и обогреют,
Как братьев боевых.

Для тех, кто ждёт и верит
В легенды о былом,
От них, как прежде, веет
Таким родным теплом...

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

Такая песня, будто вновь поверю
Изменчивой и каверзной судьбе,
Как будто все утраты и потери
Явились на свидание к тебе.

Мелодия её звучала, словно
Пел старый друг с испытанным плечом,
Всё в мире было до неё безмолвно
И не было гармонии ни в чём.

Такая песня, будто за спиною
Стальные крылья, да ещё к тому
Волшебною пропахшая весною,
Неведомой доселе никому.

Её мотив из рощи соловьиной,
Как белый шум святого родника,
Как ветер над цветущею калиной
И радостная весть издалека.

Пытается напрасно диким воем
Ту песню счастья заглушить война,
Наверное, перед последнем боем
Мне именно такая и нужна.

Похоже, мне развязки ждать недолго —
Рождённая подстрелянной зарёй,
Та песня воли и святого долга
Уже летит над раненной землёй.

Давно в душе моей нет места страху
И утешенье мне давно не впрок,
Но с этой песней я готов на плаху
И, что б ещё там ни придумал рок.

КОНЦЛАГЕРЬ

Над миром облако свинцовое плыло,
На миг оставив изувеченное тело,
Душа над проволокой колючею взлетела
И, в кровь изранив белоснежное крыло,

Взглянув туда, где безраздельно правит зло,
Душа багровою слезою заблестела,
Но бранный свет она оставить не хотела,
И понапрасну небо в рай её звало.

Так, добровольной каторжанкой в плен вернувшись
И от мгновенной гибели едва очнувшись,
Душа-бунтарка сквозь ограду прорвалась —

Несчастных узников спасая из неволи,
Врагом расстрелянная, не почуяв боли,
В святую высь душа свободной вознеслась.

ЖИВИ!

Я возвращу тебе хлеб — золотые поля,
И, купаясь в дочерней любви,
Ты наполнишься силой, родная земля,
Ты поднимешься, только живи!

Я отдам тебе кровь, я возьму твою боль
По велению и зову души,
И на ранах моих станет сахаром соль —
Я всё выдержу, только дыши!

Я верну тебе жизнь — всю по капле, сполна,
Ты на сердце моё положишься,
Пусть стервятницей кружит над нами война,
Я успею, ты только держись!

Отстою для тебя этот воздух и свет,
Лишь надеждою вновь озарись,
Я отдам тебе счастье непрóжитых лет —
Я сумею, ты только борись!

Я добуду тебе золотую звезду
И на память её подарю,
Я к тебе по воде черноморской приду
И в пылающем танке сгорю;

Я восстану из пепла и вновь долечу
На одном обожжённом крыле,
От смертельных ранений тебя излечу
И спасу в этом адском котле;

Я тебя напитаю живою водой,
Лишь на помощь скорей позови —
В каждый миг для сраженья с любой ордой
Я воскресну, ты только живи!..

РАЗВЕДЧИК

Что имя? — Роза пахнет розой:
Пусть смолкнут реки и леса —
Полны грозою и угрозой
В рассветной плазме небеса.

Там, где без воздуха и хлеба
Полки в последний бой ушли,
Я — голос яростного неба,
Я — сердце раненной земли.

Где мировыми палачами
Давно уж движет идефикс,
Я хрупкий свод держу плечами
Под маской Нето, маской Икс.

Я вечный вестник Воскресенья,
Но не разгадывай меня,
Я — призрак скорого спасенья,
Луч отвоёванного дня.

Я — медный стон церковей сгоревших
И пепел мёртвых городов,
Я — крик детей осиротевших
И слёзы безутешных вдов.

Твердя напару с новым веком,
Таким беспечным и пустым,
Что был я только человеком
С обычным именем простым,

Ты под обманчивую сенью
В плену искусственных светил
Сумей сберечь тот мир весенний,
Что я когда-то сохранил.

ХОР АНГЕЛОВ

Дети читают стихи о войне,
Словно слетелись домой
Юные ласточки с гимном весне,
Солнцу и жизни самой.

Снова звенят голоса серебром —
Чистым, как горный родник,
Звучным, как майский предпраздничный гром,
Ценным, как редкий цветник.

Небо, речам их прекрасным внемли
Лучше молитвы любой.
Светлые ангелы отчей земли,
Будьте хранимы судьбой,

Чтобы в грядущие ваши года
Всех миновал этот рок,
Чтоб не узнать никому никогда
Суть этих огненных строк.

Дети читают стихи о войне,
Звёздочки в небе дневном,
Сердцу вы стали дороже вдвойне
С вестью о веке ином;

Память святую сквозь все времена
Гордо несите в душе,
Пусть лишь в стихах остаётся война
И не вернётся уже.

ИМЯ НЕ ИЗВЕСТНО

Сыночком мама величала
И долго плакала тогда,
И к сердцу жалась у причала,
Когда прощалась навсегда.

А командир седой, сурово
Напутствуя солдата впрок,
Отеческое молвил слово:
«Ты там держись давай, сынок!»

Он гнал врага, освобождая
За пядью пядь от худших бед.
«Спасибо, родненький!» — рыдая,
Ему кричали старцы вслед.

Отчизна-мать к нему взывала
И верным сыном нарекла,
И слёзы горькие скрывала,
И, как умела, берегла...

Таких не счесть в могиле братской
Под сенью боевых знамён —
С судьбой сыновнею солдатской,
Без церемоний, без имён.

Позарастали повиликой
Их мощи в брошенных лугах,
Их небеса причислят к лику
Там, на нездешних берегах,

Где имя каждое святое —
Всех, кто спасал нас от войны,
А на земле оно простое:
Любимый сын своей страны.

АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ

Длиннее жизни путь к Победе:
Гвоздики здесь не отцветают,
Священный сплав свинца и меди
Бесценной бронзою блистает,

Сильнее памяти беспечной
Героев пламенные очи —
Ведь в них огонь искрится вечный
В святые дни, в святые ночи...

Забыв про гибель и усталость,
Они прошли тропой военной,
И жизнь в наследство нам досталась
Ценой их жертвы незабвенной;

Следы дожди слепые смыли,
И мчалось время, что есть мочи,
Но в их судьбе великой были
Святые дни, святые ночи...

Опять, тюльпанами алея,
Вернётся май, в лучах ликуя,
Вздохнёт любимая аллея,
По невозвратному тоскуя.

Но слава оживёт былая,
Земле лишь лучшее пророча,
Звездою алою пылая
В святые дни, в святые ночи...

ОСКОЛОК

Осколок возле сердца как память о войне —
Ни удалить, ни сбросить, ни забыть,
И боль, что не утопишь в лекарствах и вине,
И не узнаешь — быть или не быть...

Здесь каждый расплатился за схватку с сатаной —
Не прячься, не торгуйся, не ропщи,
Немыслимую жертвой, невиданной ценой,
Не мстя и виноватых не ищи.

Кто слеп, кто одорукий, кто хром, а кто без ног,
Кто в братской усыпальнице давно —
Любым из них, наверно, ты стать однажды мог,
Но небом по-другому решено.

Какие бы награды ни ждали впереди,
Ни жизнь, ни гибель не о чем просить —
Осколок возле сердца в израненной груди
Как лучший орден будешь ты носить.

ЗВЕЗДА

Звезда священная, гори
Над каждой могилой братской,
Земле и небу говори
О вечной доблести солдатской.

Где ни портретов, ни имён,
Ни тризн с помпезными речами,
Ты святотатцев всех времён
Пронзай алмазными лучами.

За упокой не всем поют
И лавр не всем в венки вплетают,
Но ты последний их приют
Храни, пусть годы пролетают,

Пусть веют новые ветра
И память изменяет чаще,
Но каждой ночью до утра
Блистай в степи, в горах и в чаще —

Повсюду, где в последний бой
Они вступили дружным строем,
Горюй над их святой судьбой,
Пой гимны павшим здесь героям;

Будь светом им в конце пути
И драгоценною наградой,
Где б ни пришлось им отойти,
Небесной будь для них отрадой.

Пусть им под стать безвестна ты,
Фанерная иль золотая,
Сияй же вечно с высоты,
Не угасая и не тая.

ЧЕЛОВЕК-ЗВЕЗДА

Герою России Д. Т. Узденову посвящается

Мечом пронзая тучи,
Ты в звёздную страну
На скакуне летучем
Унёсся в вышину,

Избавив от ненастья
И самых лютых бед,
Оставив нам на счастье
Всё золото побед.

В тебе вершины снежной
Святая чистота,
С тоскою безнадежной
Пусть сгинет клевета —

У славой осенённых
Особенная статья,
И всех, тобой спасённых,
Лишь Богу сосчитать.

Рассеян мрак кромешный
И недругов орда,
Там, в синеве безгрешной
Ты сам теперь звезда —

Храня и согревая,
Ты светишь всем во мгле,
Гореть не уставая
Для тех, кто на Земле.

Блуждающие звёзды
Зажгутся в небесах,
Неся бывшие вёсны
В забытых голосах,

Где вечноюный рыцарь
Наперекор всему
По небосклону мчится
И озаряет тьму!..

ПЕРЕГОВОРЫ СО СМЕРТЬЮ

На связи меж чистилищем и адом
Я Луч, я Луч, я принял вызов тьмы.
Где камнепад гранат и пули градом,
Пробившись сквозь помехи и шумы...

На линии горячей вновь с тобою,
Я Свет, я Свет всех звёзд — гляди же, Мрак,
Ведь я давно готов к любому бою,
Я Меч, я Меч небесный — помни, враг!

За всех истерзанных и всех сражённых,
Меж тех, что проклинают и бранят,
Я Медь, я Медь колоколов прожжённых,
Что неустанно по тебе звонят.

Ступая на тернистую дорогу,
Война, война, ты слышишь, я гряду —
Ответь, ответь за всё Земле и Богу,
Я Мир, я Мир — и я ответа жду!..

Я буду побеждать любой ценою,
И тут, какую меркою ни мерь, —
Не удовлетворюсь судьбой иною:
Я Бич, я Бич господень — уж поверь.

Пусть я не принимаю возражений,
Тебе в глаза придётся мне смотреть,
Кто обречён не ведать поражений? —
Я Жизнь, я Жизнь, так что мне скажешь, Смерть?

Ты Бред, ты Бред всех палачей бездарных,
Зарвавшийся и одержимый вор,
Я Гром, я Мощь, я Сила всех ударных,
Я Май, я Май — и кончен разговор!..

**ПАМЯТНИК УЧАСТНИКАМ ВОВ
В УЧКЕКЕНЕ**

Забвению путь преграждают
Корзины цветов и гранит,
Здесь праздничный ливень рыдает
И память святую хранит.

Военные марши парада,
Любимые лица родных,
Для всех боевая награда
Ушедших солдат и живых.

За воинский подвиг селенья
Как символ победной весны,
Наследством для всех поколений
Здесь Орден Великой Войны

С небес и земли ежедневно
Для взора любого открыт —
И каждое имя бесценно,
И каждый Герой не забыт.

Алтарь беззаветной отваги,
Дань мужеству всех праотцов,
Единство винтовки и шпаги
Под красной звездой храбрецов;

Знак доблести в схватке неравной —
Блестящая лучами во мгле,
Стоять ему вечно на славной
Родной Учкекенской земле.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Зачем ты зажёл это пламя —
Спаси нас ему не дано,
Июньская ночь между нами —
И большего не суждено.

Пусть ад нам покажется раем,
Но в белой блокадной ночи
Мой ангел, мы тихо сгораем,
Как две восковые свечи.

Напрасно Шекспира листаем,
Влюблённые, в пекле войны,
Мой ангел, мы медленно таем,
Как тени угасшей весны.

И крылья сердец, и признанья
Развеяться обречены,
Влюблённые в вечном изгнании
С погибелью обручены.

Любви враждовать приходилось
С разлукою и клеветой,
Она так неистово билась
То с завистью, то с нищетой,

Чтоб счастливо выйти однажды
С победой из схватки любой,
Но смерти проигрывал каждый,
Кто храбро сражался с судьбой...

А впрочем, и в гибельном месте
Нам ночь роковая нужна —
Как славно, что всё-таки вместе
Мы чашу осушим до дна.

ЖЕЛЕЗНЫЙ СОЛДАТ

Солдат железный вновь на пьедестале,
Как на посту бессменный часовой,
Пусть душа его давно из стали —
Не позабыть ему сирены вой.

Другим остались праздные прогулки,
Часы досуга и спокойный сон, —
На страже он, то звонкий в нём, то гулкий
Стук сердца с майским градом в унисон.

Мужского совершенства воплощенье,
Он — символ благодарности людской,
Образчик вышедших из обращенья
Достоинств в сутолоке городской.

Летели годы, ураганы дули,
Менялись и сезоны, и века,
А он всегда в почётном карауле —
Над ним то стаи туч, то облака,

То хлещут ливни, то кружат метели,
И всех ненастных дней давно не счесть...
А многие уже забыть успели,
Зачем он тут стоит и кто он есть —

Лишь в праздники цветы ему приносят,
Но мир храня, как в самый страшный час,
Он для себя и памяти не просит —
И продолжает тихо жить для нас,

Чтоб неусыпно вновь стоять в дозоре
На рубеже меж миром и войной,
Не меркнет свет в его победном взоре
И старой гимнастёрки блеск стальной.

КАМЕНЬ-ХРАНИТЕЛЬ

Собачий вой, мычание коровье
Для Бога чище, чем убийцы речь,
Когда и камень истекает кровью
За всех, кого не в силах уберечь:

Хранитель-камень, потемнев от боли,
Был хладен даже в самый жаркий день,
К нему богатыри не шли уж боле,
Лишь чёрная вокруг змеилась тень.

Не слыша песен дружных и счастливых
И смех невинный детский позабыв,
Влачил он годы в думах сиротливых,
Тоску свою от глаз чужих сокрыв.

А был когда-то облаков белее
И, нежась на чудесном берегу,
Стерёг покой в горах, от солнца млея
И грозно преграждая путь врагу.

Он в лютый век без племени родного
Провидел, только стоило уснуть,
Как бледный камень кладбища степного
Ушедших провожает в скорбный путь.

С тех пор, покрывшись горькою росой,
Утратил исполин покой и сон,
И дождь слепой косою полосой
Рыдал порою с камнем в унисон.

Но беды и унынье сокрушая,
Он ждал и верил на святом посту,
Обламывая сталь и заглушая
Молчанием могильным клевету.

В надеждах светлых непоколебимых
Осилив боль и веря лишь себе,
Дождался он своих людей любимых,
Не кланяясь изменчивой судьбе.

Увидел он, как в нечистотах сгинул
Тех палачей былых нелепый сброд.
Хранитель-камень пост свой не покинул
И встретил долгожданный свой народ.

ОДИН ЗА ВСЕХ

Нас семеро было,
В том дьявольском дне
Смеющихся смерти в лицо,
Всё мёрзло и стыло
У горя на дне,
И вражье сжималось кольцо.

За каждого друга
Мы были горой
И, связаны клятвой одной,
У адского круга
Над вражьей норой
Стояли сплошной стеной.

И в новой плеяде
Сияли земле
Семь звёзд, семь солдатских сердец,
Забыв о награде,
В пыли и золе
Сплетая Отчизн венец.

Но, падая, гасла
Звезда за звездой,
И луч отмирал за лучом,
Лампадное масло
Для схватки с ордой
Вливая огнём и мечом.

И каждый кричал,
В небеса уходя:
«Живите, друзья, за меня!..»
И каждый молчал,
За усопшим идя
По гиблому гребню огня.

Избранник капризной
Фортуны, к чему
Я всё же остался в живых? —
Куда мне семь жизней
Теперь одному
За павших друзей боевых...

ИЗ ДНЕВНИКА ВОЕНВРАЧА

За столько долгих месяцев войны
Как много горя видеть приходилось,
Запасы крови всё острее нужны —
Не раз делиться ею доводилось.

Танкист и лётчик мне теперь родня,
И словно брат — безусый пехотинец,
Сапёр спасённый дорог для меня
И капитан, ведущий в бой эсминец.

Здесь госпиталь скорей похож на скит,
И нет уже ни ваты, ни пинцета,
Здесь вместо обезболиванья спирт,
А старый финский нож взамен ланцета.

И в скольких жилах кровь течёт моя? —
Жизнь каждого из них моё богатство,
Отныне и навеки мы — семья,
В нас кровное и боевое братство.

Спасти любого — всё, чего хочу,
И вновь со смертью затеваю драку —
Вот раненых и день и ночь лечу,
А кровь моя опять идёт в атаку:

За всех бойцов воюет эскулап,
А кровь моя готовит к битве крейсер,
Я вырываю жизнь из цепких лап,
А кровь моя сейчас таранит мессер.

Покуда не закончится война,
Товарищей по крови станет больше,
Да будет кровь защитников сильна
И пусть она хранит их всех подольше.

БЕСПАМЯТСТВО

В неоплатном долгу вековечном
Навсегда перед ними планета,
Но в полёте преступно-беспечном
Ищет цель боевая ракета,

Словно не было в прошлом уроков
И земля не стонала от боли,
Вновь ростки неизжитых пороков
Оскверняют весеннее поле,

Словно кровь не текла здесь рекою
И на всех не хватило страданья,
Словно гибель костлявой рукою
Не тянулась за жертвенной данью.

Забывая так просто и странно,
Как боролись за жизнь целым миром,
Вновь безумствуют старые страны,
Ослеплённые ложным кумиром.

Где зияла кровавая рана,
Кто-то пляшет теперь на погосте,
Словно жаждать спасения рано,
Будто мы здесь случайные гости.

Новый век застарелых болезней
Сделал горе монетой разменной,
Будто память теперь бесполезней
Виртуальной игры современной...

В вековечном долгу неоплатном
Пред героями прежних сражений
На пути роковом невозвратном
Ждёт беспамятство лишь поражение...

ЗНАМЯ

Над городом лишь вóроны да тучи,
И мессеры вновь прошивают высь,
А крыша тут похлеще всякой кручи,
Но если любишь Родину, взберись —

Взойди туда, по облакам ступая
Над касками взбесившихся врагов,
Пусть возле сердца смолкнет боль тупая —
Ещё до цели целых семь шагов.

Такое время — второпях помянут
Иль, может, в книжках вскользь упомянут,
Гвоздики благодарности увянут,
Но ведь до цели только семь минут...

Семь ураганов с ног тебя сбивают,
И вот уж никого с тобой совсем,
И пётлю семь крестов тебе свивают,
И выстрелов осталось тоже семь...

А кто тебе потом «спасибо» скажет,
Тех замолчать заставят палачи.
А кто клеветников твоих накажет? —
Лишь слёз небесных чистые ключи.

Но не погаснет той победы пламя,
Ни сжечь святую память, ни зарыть —
О том, кто к звёздам нёс бесстрашно знамя
И сердцем раненным сумел закрыть.

ГАДАНИЕ

Ты помнишь, на ладонях у земли
Гадала нам по линиям война,
А мы никак поверить не могли
Во всё, что предсказала нам она:

Забыв про душегубки и гробы,
Вещала про грядущие дела,
Вот только вместо линии судьбы
Она лишь фронта линию вела,

Она клялась — божилась на крови,
Что ждёт нас счастье, будущим маня,
Вот только вместо линии любви
Была сплошная линия огня...

И гасли наши свечи в свой черёд,
И, треснув, разбивались зеркалá,
А мы вставали вновь и шли вперёд,
Когда война нам гибель предрекла, —

Не слушая прогнозы и судьбу,
Стояли то стеною, то горой,
Мы шли и видели войну в гробу,
И сами прорицали ей порой.

От лгуньи и безбожницы уйти
Смогли — и от забвения рекí,
Мы линий жизни хрупкие пути
Продлили предсказаньям вопреки.

За нами правда и спасённый мир,
И воронью не верить мы вольны,
Не удался чуме кровавый пир —
Неважная гадалка из войны.

ВОЕННЫЙ ВАЛЬС

Вальс военный всё кружит и кружит
И надрывно хрипит патефон,
То завьюжит, то вдруг занедужит
Неба зимнего серый плафон.

Сосны снежные — словно колонны,
В роли бального платья шинель,
Под ушанками скрыты короны,
В искрах льда — голубая шпинель.

Зачарованы сказкою дивной,
Позабудем о том, что вокруг,
Мой застенчивый, милый, наивный,
Мой надёжный и преданный друг.

На минуту доверившись чуду,
Будто взрывы ничуть не слышны,
Словно смерть не гуляет повсюду
И навеки не стало войны.

Раз, два, три — полетели над бездной,
В вихре танца над миром паря,
Над грядущей судьбою безвестной
Меж седых облаков января.

Может, в послевоенные годы
В том же вальсе мы будем кружить
Ностальгии тогдашней в угоду...
Раз, два, три — ах, как хочется жить!

Пусть не бор, а парадные залы
И взамен гимнастёрки шифон,
И чтоб в блеске победного бала
Тот же старенький наш граммофон —

Это стоит того чтобы биться,
Если хочешь, мечтой назови,
Это стоит того чтобы сбыться
В танце жизни и нашей любви.

ПРАВДА ВОЕНКОРА

И снова нарушу приказ —
И буду в бою до конца,
Чтоб истинным был мой рассказ,
Написанный кистью бойца.

Повсюду планета в огне
И рвутся снаряды кругом,
Но Правду сказать о войне
Труднее, чем биться с врагом.

Слезами детей солонá,
Прозреньем горькá и страшнá,
Таится чужая вина —
Ей правда совсем не нужна.

Я вынес её на себе,
Истекшую кровью почти,
Я столько перечил судьбе,
Чтоб правду от грязи спасти.

Ей крылья сломал бы любой —
И трус, и палач-клеветник,
Я с ними вступил в вечный бой
За Правды священный родник;

Лишь эта святая вода
Спасенье хранит с давних пор —
В борьбе за неё навсегда
К победам готов военкор.

ГРОБ ВОЙНЕ

Я пожертвую кровь и волосы,
Да и жизнь уже не цена,
Ведь пою не с чужого голоса —
Я куплю тебе гроб, война.

Я тешу тебе кол осиновый,
Тайным думам своим верна,
И под утренний звон малиновый
Мастерю тебе гроб, война.

Чтоб под песню заупокойную
Ты тоща́ была и бледна,
Я добуду для мира вольную —
Положу тебя в гроб, война.

Ты души́ моей не ослабила,
Только в том не моя вина,
Что губила ты лишь да грабила —
Я вгоню тебя в гроб, война.

И гроша не заслужишь медного,
Воронью только и нужна,
Среди светлого дня победного
Я тебя схороню, война.

Чёрной ведьмою неуёмною,
Кровью жертвенною красна́,
Не восстанешь ты ночью тёмною —
Я забью тебе гроб, война.

Под анафемою народною,
Ни на что больше не годна́,
Сгинешь гадиною безродною
И сама ляжешь в гроб, война.

ИЗГНАННИК

Со мною остаётся навсегда
Всё то, что у души не отберёшь —
Любовь и боль, прошедшие годá...
Святая память, ты не подведёшь!

Единственной сокровищницей став,
Отчизны образ милый сбережёшь,
В сражении с забвеньем не устави,
Не перепутаешь и не солжёшь...

У человека можно всё отнять —
И кров, и кровь, и горсть родной земли,
Но палачам вовеки не понять,
Как сердце Родину хранит вдали.

Неповторимым ароматом трав
Любимый край со мною в час любой —
Законы мракобесия поправ,
Неразлучим я, Родина, с тобой!

В объятых нестихающей тоски
Тебя, мечта моя, не задушить,
Святые капельки родной реки
На линиях судьбы не осушить.

Там, на знакомых с детских лет лугах,
Печаль излечит каждый дикорос,
И камень на родимых берегах
Алмаза крепче, верности колосс.

Я в сновиденьях вновь лечу к тебе
На крыльях веры, мой желанный дом,
Пусть сердце возвращается к себе —
О том лишь грежу и молюсь о том.

СОЛДАТСКИЕ СНЫ

Что снится солдатам усталым:
Прогулки в весеннем саду,
Атаки под знаменем алым
Иль пытки во вражьем аду,

Улыбки и очи девичьи,
Как будто из жизни иной,
И песни забытые птичьи
Иль суп партизанский грибной.

В дремоте приказы читают
И страх отметают как хлам,
А грёзы над ними витают
С кошмарами напополам...

Что слышно матросам, уснувшим
В объятьях ночной тишины,
Всего на часок прикорнувшим
Под ласковый шёпот волны:

Быть может, напев колыбельный,
Которым баюкала мать,
Иль резкий гудок корабельный
И крик командира: “Не спать!”

Наверно, им “яблочко” снится
Иль яблони в отчем краю,
А может, без снов лучше спится
Им, будто младенцам в раю?..

Нет, всё же пусть видят сквозь веки
Цветные желанные сны —
За всех, что уснули навеки
На огненных вёрстах войны.

СЕГОДНЯ

Открыли нынче новый банк —
Как все, обыкновенный,
Но возле банка старый танк
Стоит с поры военной.

Пришли другие времена —
Теперь свои заботы,
Но пушкой вновь глядит война
На мирные работы.

И в банке служба не легка
Вблизи с эпохой бывшей,
И клерки искоса слегка
Глядят на танк застывший —

Им подзабытые годá
Причудливы и странны,
А в танке Красная звезда
Зияет словно рана.

И та же вроде бы страна —
Что раньше, что сегодня,
Но будто крепости стена,
Как судия господний;

Как вечный страж, стальной гордец —
Он на́ слово не верит
И качество людских сердец
Своею меркой мерит.

Постом он сделал пьедестал —
В почётном карауле
Он мир хранить не перестал,
Хоть все давно уснули.

Проходят стороной века́
И новомодный глянец,
А он лишь смотрит свысока,
Войны протуберанец.

Пусть нет уж огненных атак,
Сраженья отгремели,
Но день и ночь в дозоре танк
У серебристой ели...

НЕ ИГРА

Когда он был тебе до плеч,
Вонзённый в землю над горою,
Далёких предков древний меч
Тебя манил своей игрою.

У детской резвости в плену
Так шаловливо и небрежно
Играют мальчики в войну,
Как будто это неизбежно;

Как будто это так легко —
Убить иль, может, быть убитым,
Сменить доспехи на трико
И вечным лавром быть увитым.

Не всем судам вернуться в порт,
Словами говоря простыми,
Сраженье всё-таки не спорт —
Здесь не стреляют холостыми.

Легко на клавишу нажать
И, побеждая на экране,
Врагов Отчизны поражать
На виртуальном поле брани.

Войнушкам вслед придёт война,
Ей сорить всех и вся не ново,
Она не всякому видна,
Но сеять смерть всегда готова.

И, если нам не избежать
Её проклятых нападений,
Давай-ка с детства уважать
Героев прежних поколений:

Ценить их жертвенность и честь,
Отважных душ святые чувства,
Народа праведную месть,
Победы высшее искусство.

Чтоб быть в уменьи как в броне,
Когда в шеренгу горн построит,
Учиться надобно войне,
А вот играть в неё не стоит.

С НЕБЕС

Под самолётом непроглядна мгла,
Как заколдованный, чернеет лес,
Белеют парашютов купола —
И мы торопимся сойти с небес.

Долой из-под надёжного крыла,
Пусть все опоры потеряют вес,
Судьба нас одарила, как могла —
И ей навстречу мы сойдём с небес.

Всё, что успела, нечисть тут сожгла,
Бесчинствуя, неистовствует бес,
Но нам нет дела до добра и зла —
Живым щитом сюда сойдём с небес.

Такой наказ нам Родина дала,
С благословенья неба или без,
Добьёмся, чтобы наша вновь взяла —
И, обретая твердь, сойдём с небес.

Отчизна детским голосом звала —
И горе сердце бросило под пресс,
Звонила боль во все колокола —
И не могли мы не сойти с небес.

Куда бы нас дорога ни вела,
С отчаяньем своим наперевес
Планета от беды с ума сошла,
А, значит, мы не зря сошли с небес.

Чтоб жизнь грядущая была светла
И дух земли растерзанной воскрес,
Так нынче карта звёздная легла,
Что мир спасли сошедшие с небес.

КЛЯТВА

Кровь за кровь! Смерть за смерть! Я клянусь!
Ни пощады врагам, ни прощенья!
Без победы к тебе не вернусь,
Не умру, не добившись отмщенья.

Присягая тебе, не запнусь
И ни слова вовек не забуду,
Я дойду — не паду, не споткнусь
И в сраженьях спасенье добуду.

От чудовищных бед не согнусь
И, внимая рыданьям и крикам,
Я со Знаменем Красным взметнусь
Над победным заоблачным пиком.

Белоснежным орлом обернусь,
От пожарищ тебя закрывая,
И в смертельный поток окунусь,
Все оковы твои разрывая.

В светлый праздник с небес улыбнусь
Над просторами края родного
И крылом незаметно коснусь
Материнского сердца земного.

И от гибели верной очнусь,
Если ты не найдёшь мне замену...
Кровь за кровь! Смерть за смерть! Я клянусь
Всем, что дорого и незабвенно.

ЛЮБОВЬ И ВОЙНА

Мы такие пути выбираем,
Чтоб сомнений не знали сердца,
Преисподнюю сделаем раем —
Только ты будь со мной до конца.

Мы такую мечтой окрыляем,
Чтоб не зря пролетали годá,
И в бескрылых надежду вселяем —
Только ты будь со мной навсегда.

Из любого мы вырвемся плена
И, какой бы недуг ни настиг,
Лишь любовь нас избавит от тлена —
Только ты будь со мной каждый миг.

И весною зелёной, дождливой,
И в объятых седой высоты,
Самой смутной порой несчастливой
Только ты будь со мной, только ты.

Не ромашки нас ждут в минном поле,
Чернобыльник да чертополох,
Но в февральской степи и в неволе
Только ты будь со мной каждый вздох.

Нас с тобою атаки венчали,
Но войне не смежить наших век,
В этом царстве тревог и печали
Только ты будь со мною навек.

Что отмерено грозной судьбою,
Вновь разделим с тобой пополам
И уснём под звездой боевою —
Только ты будь со мною и там...

ПОБЕДОНОСЕЦ

Только сердце — единственный мой командир,
И других мне уже не найти.
Я не знаю, каким будет завтрашний мир —
Я хочу его просто спасти,

Чтоб воскрес и расцвёл, не погрязнув во зле,
Чтоб любая напáсть отошла.
Я не знаю, какой станет жизнь на Земле —
Лишь хочу, чтоб она здесь была.

Собирая обломки убитой мечты,
Позабытой в крови и пыли,
Я не знаю, придётся ль мне видеть цветы —
Лишь хочу, чтоб они здесь росли.

Не пытаюсь разгадывать будущих лет,
На посту, на лету, на бегу,
Я не знаю, чьи дети увидят рассвет —
Просто счастье для них берегу.

Через тернии, гибель, тоску и навет
Направляясь к грядущему дню,
Я не знаю, услышу ль «спасибо» в ответ —
Просто день этот свято храню.

И на свете, измученном этой войной,
По спасённым идя городам,
Я не знаю, возможен ли рай под луной —
Просто я за него всё отдам...

БЕЗ ВЕСТИ

Безвестная судьбина,
Увидимся ль когда?..
Далёкая чужбина,
Дорога в никуда...

Ни страха, ни печали
На сердце не лежит,
В конце мы иль в начале —
Пусть смерть от нас бежит!..

Нас столько убивали,
Что нет для нас преград.
Нас столько отпевали,
Что нам сам чёрт не брат.

Душа — сплошные шрамы,
И оттого сильней,
А что в финале драмы —
Нам лучше всех видней.

Нехоженные тропы,
Кровавая роса,
И бритвой режет стопы
Дорога в небеса.

Случайно или вольно
Нас потерял весь свет,
Но пробовать не больно
Нам смерть на вкус и цвет.

И, лавр нам возлагая,
Вы помните одно:
Мы сами — весть благая.
Нам так предрешено.

ВЕРА

Ты не верь ни беде, ни злословью —
Край, в который навек влюблены,
Будет пахнуть не гарью и кровью,
А цветами и мёдом весны.

Над стеной непроглядного дыма
В небеса, как бывало, взгляни —
Стали звёзды от горя седыми,
Но не вечны ненастные дни.

Ты не верь, что застынет в руинах
Этот город любви навсегда
И в сожжённых врагами долинах
Не осталось от грёз и следа.

Станут белые крепкие стены
С каждым годом всё выше расти,
Свежей кровью наполнятся вены
И сады будут буйно цвести.

Ты не верь, что весёлые песни
Не заглушат проклятых сирен,
От унынья очнись и воскресни
На просторах морей и морен.

Детский смех будет слышен повсюду,
Беззаботный и звонкий, как май,
А пока, не надеясь на чудо,
Лишь покрепче винтовку сжимай.

Будет счастье не гостем случайным,
Затворив горю наглухо дверь,
Дом родной станет вновь беспечальным —
Только в это, товарищ, и верь!

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Ели мне погибнуть суждено
За тебя, Отчизна, в зимний день,
Снежное возьми ты полотно —
Словно саван на меня надень.

Коль сгореть во вражеском огне
Приведётся поздней весной,
В ландышевый саван, свитый мне,
На опушке облачи лесной.

Если ж знойным летом я умру,
Пав на поле брани как герой,
Тополиным пухом на ветру
Будто саваном меня укрой.

Ну а если смерть свою найду,
В бой вступив осеннею порой,
Белыми кувшинками в пруду
Усыпальницу бойцу устрой.

Может, не успею увидеть
Я своих заслуженных наград,
Будут с неба звёзды припадать
К колышкам кладбищенских оград.

Может, будет некому всплакнуть
Над моею буйной головой,
Дай у ив плакучих отдохнуть,
Слыша ветра поминальный вой.

Если ж на дорогах фронтовых
Жив останусь, недругов губя,
Сделай для товарищей моих
Всё, о чём теперь прошу тебя.

ИЗ ССЫЛКИ

Мой чёрный цветок, я найду
Тебя на вершинах кристальных,
Где звёзды блистают во льду,
Застыв на полотнах батальных.

Священный росток, я взойду
Проведать тебя на высотах,
Где солнце, купаясь в меду,
Уснуло в наполненных сотах.

Мой скорбный исток, я гляжусь
В той зеркалА на рассвете
И, путь проторая, тружусь,
Моля о твоём долголетьи.

Мой снежный поток, я вернусь —
В годину, в разгар непогоды,
И, словно в купель, окунусь
В святые целебные воды.

На глади речной письма
Прочту и запомню навечно,
ПрославлЮ твои имена,
Поверив в тебя бесконечно.

Лечебный листок различу —
Единственный, незаменимый,
И сердцем к тебе прилечу,
Мой край, богатырь мой любимый!

ТОВАРИЩ

Ты помнишь ли, товарищ фронтовой,
Как нас с тобою в бой любой вели
Сирены полуночной адский вой,
И стон небес, и крик родной земли?..

Как Родину шакалам и волкам
Не дали осквернить и извести,
Как шёл ты по воде и облакам,
Спасая всех на огненном пути?..

Ты помнишь, как собою закрывал
Знамена штурмовые и людей,
Как в самый трудный час не унывал,
Кормя своим пайком чужих детей?..

Как не щадил себя в пылу атак
И ложь предателей изобличал,
Как пел, идя с гранатою на танк,
И, хороня товарищей, молчал?..

Как о счастливом будущем мечтал
В коротких передышках меж пальбой
И письма сокровенные читал,
Для дел геройских избранный судьбой?..

Как пленникам свободу подарил
И жизни не жалел, врагов губя,
Как кровь свою для Родины пролил?..
Я помню за тебя и за себя.

НАГРАДЫ

О нас забудут даже сводки,
Ну что ж, таков удел бойцов —
Пойдут солдатские пилотки
Нам вместо нимбов и венцов.

Судьба спасителей известна,
И наш сюжет давно не нов,
Беда сильна и повсеместна —
Хватило б Родине сынов.

Что нам невзгоды и лишения,
Да что там жизнь — была бы честь...
Бойцам ведь шрамы — украшенья,
А украшений нам не счесть.

И за границу повидали —
Лишь на войне, когда в бою
Планету мы освобождали,
Спасая Родину свою.

Шли по чужбине, в дальних далях
Добыв Победу для страны,
И наше золото — в медалях
И в солнце пламенной весны.

Век благодарности недолог,
Но в суете летящих дней
В нас каждый боевой осколок
Кристаллов дорогих ценней.

Наш дар — дыханье новой жизни
Да крест, стоящий на войне,
И сердце, верное Отчизне,
Что вечно бьётся в вышине.

ДОРОГИ

Куда укажет рок дорогу —
Каких нам судей вопрошать,
Когда к холодному острогу
Идти нам души иссушать...

Лишь в снах к родимому порогу
Стремимся в сладостной мечте
Иль, собираясь сразу к Богу,
Горим на огненной версте.

Уже давно шагаем в ногу,
Забыв про завтра и вчера,
Иль к зверю в чёртову берлогу
Всё мчимся с ночи до утра.

Крута тропинка иль полога,
Куда труба ни позовёт,
Ты потерпи, браток, немного —
Авось, до свадьбы заживёт.

Пусть новый век не судит строго —
Ему отдали всё сполна,
И лишь одна у нас тревога —
Чтоб не дошла до вас война,

Чтоб выла сирота и убого
Любая лютая беда —
Вы без ошибок и подлога
Сумейте вспомнить нас тогда.

А коротко мы шли иль долго
На край небес, за край земли,
На вечный зов святого долга
Судьбе ответить мы смогли.

ДЕТИ-ГЕРОИ

Пали в жестких битвах отцы,
Только не радуйся, враг!
Встали на смену дети-бойцы,
Встали за всех, кто им дорог.

Да, слишком рано им воевать —
Драться наивно и смело.
Да, быть убитым и убивать —
Вовсе не детское дело.

Видно, такая нынче война,
Что не щадит даже детство.
Видно, такая доля дана —
Меч им достался в наследство.

Недруг гиеной скалится вновь,
Хватит ли отрокам силы...
Мам убиенных слёзы и кровь —
Вот что наполнит их жилы.

Крепко сжимая хладную сталь,
Тонкие детские руки
Ни за фанфары, ни за медаль
Мир избавляют от муки.

Этим рукам бы гладить щенка,
Ягоды рвать на полянке,
Им бы веночки вместо венка,
Горницу вместо землянки.

Скольким придётся зрелость узнать,
Старость почтенную встретить?
В ангельской стае скольким летать?..
Некому сердцу ответить.

СКРЫТЫЕ СТРАНИЦЫ

Листая книги о войне,
Исправь чужой порок,
И всё, сгоревшее в огне,
Сумей прочесть меж строк.

Пускай сердца не согрешат,
Забвенья запретив,
Пусть слёзы чистые решат
Злой воле супротив:

Когда избавит божья рать
От дьявольской игры,
Кому прощать, кого карать,
Живя до той поры,

Кого назначила лжезнать
Героями времён...
Давно душе пора узнать
О списках всех имён —

В закрытых, проклятых, святых,
В них божий знак и свет,
В забытых, редких и простых,
В них тайна и ответ.

В их судьбах, грустных и родных,
И был наш тыл и фронт,
Здесь нет замен и запасных —
Сплошной алмазный фонд.

Пусть безъязычен и беспал
Здесь будет каждый лжец —
Люби и помни всех, кто пал,
И чти их нимб-венец.

ЧАСЫ ПОБЕДЫ

Часы, разбитые на счастье,
Остановились в День Победы,
Но он их носит на запястье
И, если подступают беды,

Указывает всем на время
В застывших стрелках циферблата,
И лёгким делается бремя
В мозолистых руках солдата.

Под треснувшим стеклом прибора,
Как будто в зеркале чудесном,
Гремит салют над чёрным бором,
Сверкает пламенем небесным.

С потёртым ремешком, простые,
Часы те много повидали —
Дороги пыльные, крутые,
Чужие огненные дали.

Бывали с воином в атаках,
В разведку в тыл к врагу ходили,
И в минном поле в алых маках,
Как пульсом, тиканьем будили.

Они знавали блеск парада
И шли торжественно и славно,
Теперь они — души отрада,
И служат вечности исправно.

И не страшны бойцу заботы:
Огонь, вода, труб йскус медный.
«Который час?» — спроси его ты,
И он ответит: «Час победный».

ВОЙНА И ПОБЕДА

Чёрной звездою скрыта луна
В солнцестояние лета,
Вороном кружит птица-война,
Ласточкой — Птица-Победа.

Сколько мелодий будет сполна
Миром спасённым пропето:
Воет сиреной песня-война,
Горном трубит Песнь-Победа.

Огненна, звёздна, льдиста, длинна
Минной тропой сквозь наветы
К высям и безднам тропка-война,
К славе — Дорога-Победа.

В душах Героев только весна
В самом разгаре расцвета,
Бледным закатом тлеет война,
Рдеет рассветом Победа.

Книгою судеб в ночи без сна,
Чьим-то письмом без ответа,
Скорбною прозой стала война,
Гимном — Поэма-Победа.

В двух половинках сердца одна
Вечность на счастье и беды —
Снова тревожит память-война,
Радует Память-Победа.

КОНЬ

Из жизни прежней снова мне приснится,
Что, обгоняя солнце и луну,
За эшелоном конь ретивый мчится
В чужую незнакомую страну;

Что, преодолевая волчьи ямы,
Над безднами и пропастью паря,
Всё скачет он за поездом упрямо
Под равнодушным небом ноября,

Быстрее стрел несётся неустанно,
Опережая ветер на лету...
Какие силы к неродному стану
Его влекут и манят в пустоту,

Какая власть велит ему стремиться,
Сметая все преграды на пути? —
Покуда не устало сердце биться,
Мечтает конь изгнанников спасти:

Крылатый бег его неутомимый
Ни ненависть, ни подлость не прервёт,
И вечный дух его неукротимый
Из пены и из пепла оживёт!..

Из жизни прежней он приходит снова —
Прекрасный призрак самых чёрных дней,
И вижу я, что верность вороного
Всемирного предательства сильней.

Врачует душу он живой водою,
Уныние и горе прочь гоня,
И день и ночь священною звездой
Блестает он в созвездии Коня.

ЛОБНОЕ МЕСТО

Где бесноватые вожди
Под корень рубят лóзы,
Идут кровавые дожди
И не смолкают грозы;

Где горе в горы проползло
Гадюкой подколодной
И чёрной тенью бродит зло,
Гиеною голодной;

Где слёзы ангелов текут
По обагрённым скалам,
Где клевета, как каракурт,
Как зверь с больным оскалом;

Где пламя скорби не залить
И ложь глядит в глаза нам,
Где ран орла не исцелить
Божественным нарзаном;

Где честь и преданность — вина,
И вместо судей шельмы,
Где палачам дала война
Взамен очей лишь бэльма...

Здесь подвиг вечный и святой
В красе недостижимой,
Здесь нимб над снежной высотой
И дух несокрушимый.

КНИГИ ПАМЯТИ

Книги Памяти — скорбные реки,
Лентой траурною бесконечной
Вы обвили мне сердце навеки
Чёрной болью безумолчной вечной.

Как безжалостный бич поколенья,
Списки Мучеников и Героев —
Причисленье и перечисленье
Всех, кто пал, не допев, не достроив,

Не дожив, не успев, не дождавшись
Светлых праздников, звёздного часа,
Не смирившись, не сдав и не сдавшись...
Вот она, эта высшая раса

Победителей, гибель поправших,
Эта каста спасителей мира,
Триумфаторов, горечь познавших
И предательство псевдокумира.

Сколько их — не поймёшь, не узнаешь,
Век идя по заросшему следу.
Сколько их?.. — только в вас сосчитаешь
Всех, в раю отмечавших Победу.

Синодальные долгие списки,
Жития все и мартирологи,
Перед вами, души обелиски,
Безнадёжно скудны и убоги.

В ваши перечни в будущем влиться —
Это лучшая честь, без сомненья.
Книги Памяти, вам поклониться —
Главный долг для любых поколений.

ЖЕРТВА

Всё ближе к нам врагов осиный улей,
Неделю не смыкали сонных век,
Пусть снайпер нас убьёт одною пулей
И свяжет смертью нам сердца навек.

Всё жарче те костры, что нам готовят,
Всё безнадежней звон колоколов,
На линии огня не пустословят,
Да речь орудий внятна и без слов.

Всё громче злобный вой и адский скрежет,
Но нам с тобою рук не разомкнуть,
Сигнальная ракета небо режет —
И с огненной тропинки не свернуть.

Всё уже наши славные дороги
К невидимой от дыма синеве,
Всё чаще Леты, ждущей нас, пороги
Дают карт-бланш изменчивой молве.

Всё круче нами взятые вершины,
Всё звонче медь чужих фальшивых труб,
Всё резче судеб раненных пружины,
Всё скорбней складки у любимых губ.

Всё хлеще град и огненные ливни,
Всё меньше дней отмеренных запас,
Но верим твердо, свято и наивно,
В смерть ради жизни на Земле — без нас...

ЗНАМЁНА

В небе над площадью флаги,
Словно багряные крылья —
Символы вечной отваги,
Праздничный шлейф эскадрильи.

Встречным ветрам не сдаваясь
И кумачом огнецветным
С юной зарёю сливаясь,
В пламени майском рассветном

Снова парят над судьбою
Радостно, гордо и властно,
Будто с последнего боя
К нам возвращаясь всечасно;

С вестью о светлой Победе
Замерший мир облетая,
Ныне в торжественном рейде
Вещая алая стая.

Кружат, пылают знамёна,
Мчатся по всем автострадам,
Помня бойцов поимённо
И награждая парадом;

Памятью чистой и яркой
В мудрых сердцах полководцев,
Ношей священной и жаркой
В крепких руках знаменосца.

К небу — как птица взмывает
Звёздной судьбой поколенья,
К подвигам вновь призывает
Знамя — святое знаменье.

НЕЗАМЕНИМЫЕ

Лишь кипы ненаписанных страниц,
Утраченной мечты беззвучный зов,
Ни у кого не будет этих лиц
И самых лучших в мире голосов.

Не ощутить неповторимых грёз,
Несочинённых песен не запеть —
Их катафалк истории увёз,
Им золотыми звёздами гореть.

А жизнь идёт, о многом позабыв, —
Уж замечает лет минувших снег
И чей-то грубо прерванный заплыв,
И не узнавший финиша забег.

О время, век украденный верни,
Пушкой спасённый мир давно окреп,
Но сердце верит в то, что лишь они
Растили б самый вкусный в мире хлеб;

Что были б всех вернее и честней,
В живых оставшись после той войны,
И Родину любили б всех сильней,
И были б больше всех теперь нужны.

При них дружной бы зацвели сады,
И мир бы стал счастливей во сто крат,
И матери бы не были седы,
И не стонал бы над землёй набат.

Кто знает, что там — если б да кабы,
Но сердце вновь не переубедить:
Незаменимы ратники судьбы,
Что, пав, сумели гибель победить.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Горит святой любви цветок
Негаснущим огнём,
Священной памяти исток
Дождливым летним днём.

Горит гвоздикой полевой,
Как взорванный рассвет,
Пылает сводкой фронтовой
Во тьме летящих лет.

Алеет раною сквозной,
Пожаром боевым,
Неопалимой купиной,
Тюльпаном огневым.

В нём свет победный золотой
Нетающей свечи
Зовёт прострелянной звездой,
Костром лесным в ночи.

Бессмертный факел всех эпох
Сияет сквозь гранит,
Земли спасённой каждый вздох
Лелеет и хранит.

В нём обжигающий кумач —
Всемирный антидот
И всех свершений и удач
Незыблемый оплот.

ЗЕНИТ

Палящее солнце в зените
И пушек зенитных огонь...
Где судьбы изорваны нити
И смолкла со стоном гармонь,

Подстрелянной птицею кружит
Над чёрной рекой самолёт,
Быть может, гибель послужит
И мимо сегодня пройдёт...

Быть может, продлится мгновенье
Для вдоха, для песни и слёз,
И грудь освежит дуновенье
Весенних безоблачных грёз...

И всё ещё сбыться успеет —
И радостный век и мечта,
И утро ещё заалеет,
И новая ждёт высота...

Как много дорог у живущих,
Любую из всех выбирай —
Влекущих, зовущих, ведущих.
Решай, только не умирай...

Палящей звездой в зените,
Багровой звездой на броне
И чёрной звездой в граните
Пусть вечность ответит войне,

Чтоб больше не стала мишенью
Усталая звёздная высь
И после невзгод и лишений
Победные звёзды зажглись.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Память сёрдца всегда на парадах
Лишь на самых почётных местах —
Там, где сердце сияло в наградах,
Там, где сердце купалось в цветах.

Там улыбки на лицах счастливых
Были майского солнца светлей,
Щебет ласточьих стай суетливых
Проносился над ширью полей.

Был в элите священного строя
Ярче золота каждый мундир.
Сердцем воина, сердцем героя
Эта память согрела весь мир.

Безупречная память о павших
В оглушительном звоне литавр —
О живых и безвёстно пропавших,
В благородный проросшая лавр.

Ты — планеты бессменная совесть,
Так же здравствуй и вечно живи,
Память сердца — бессмертная повесть
О спасеньи, добре и любви.

ГЕРОЙ

Былинным героем он быть не мечтал,
Решила судьба за него —
Он просто так жил, что легендой стал,
Совсем не желая того.

Кумиров себе никогда не творил,
Не жаждал мундира в крестах,
Но каждое слово, что он говорил,
Сегодня у всех на устах.

Труды летописцев нечасто листал,
И век ему выпал не ох,
Но сам золотою строкой он блистал
В анналах великих эпох.

Он счёта спасённым годами не знал,
Не помня их лиц и имён,
Но каждый в молитвах его поминал
Средь самых различных племён.

Быть может, звезду и не сразу достал,
Карьеры не сделал, увы,
Но сам он звездой небесною стал,
Украшив простор синевы.

Пусть славы своей не желал ни на миг,
Цветистых не жаловал фраз,
Народ ему памятник вечный воздвиг,
Чтоб радовать душу и глаз.

Ни в грусти, ни в радости песен не пел,
Справляясь с бедой без вина,
И подвиг победный свершить он успел,
Став песней на все времена.

ПЕСНЬ О ДУГЕРБИИ

Когда беда стучится
И гибнет мир в огне,
По небу всадник мчится
На вороном коне,

Атаки отражая
Израненным плечом
И силы тьмы сражая
Божественным мечом.

Спешит на зов молитвы
И громкий детский плач,
Чтоб вновь в разгаре битвы
Повержен был палач.

Грядёт освободитель,
Уже не страшен плен;
Прочь, смерть! — есть избавитель,
Есть Дугербий Узден!

Он рыцарь для Европы,
Он витязь навсегда,
С ним самой высшей пробы
Геройская Звезда

Сияет, согревает...
И лучше сказок быть,
Где зло одолевает
Кавказский богатырь.

Летит небесный воин,
Жалея и любя,
Мир, будь его достоин —
И он спасёт тебя!

СВЯТАЯ ВЕСНА

Уже давно окончена война,
Но не стареют нашей славы даты,
Опять пришла красавица-весна,
Чеканят шаг на площади солдаты.

Святая вера нам с тобой дана,
И нам её нельзя не оправдать.
Во всех боях, в любые времена
Пусть нас герои учат побеждать!

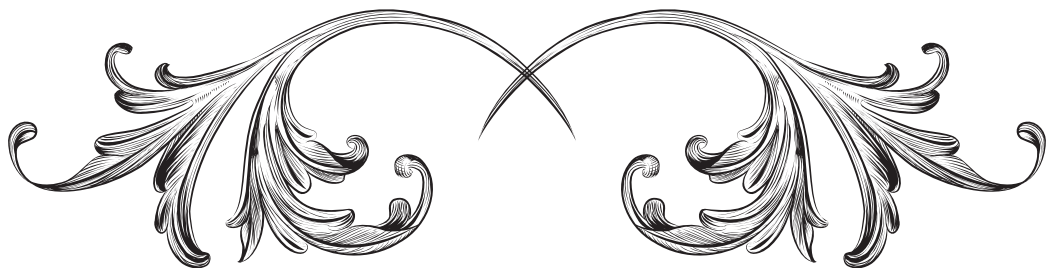
Блестит рассветным золотом броня,
Под орденами скрыты сердца раны,
И алым шёлком вечного огня
Вновь расцветают майские тюльпаны.

Святая память подвигу верна,
И нам его вовеки не предать.
Во всех боях, в любые времена
Пусть нас герои учат побеждать!

Восходит солнце над родной землёй
И отступают все бывшие беды,
Вслед за грозой с новою зарёй
На ясном небе радуга Победы.

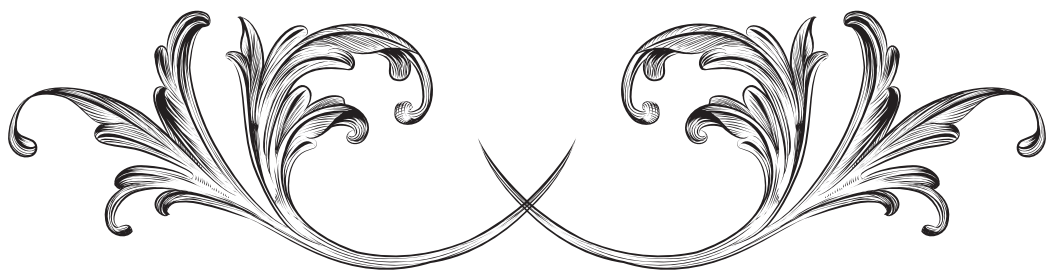
Святая вера нам с тобой дана,
И нам её нельзя не оправдать —
Во всех боях, в любые времена
За них, за всех, умевших побеждать!

ИЗ КНИГИ
«ДНЕВНИК
ПОЭТА»

...

МИССИЯ

Чтоб окунуться в воды Иппокрены,
Медовый кубок Одина испить,
Не избежать мне участи сирены;
Пора в ключе Кастальском утопить

Сомнений и неверия обузу, —
Из рук судьбы, как высший дар, принять
Пленительную роль счастливой Музы,
На фатум и фортуны не пенять.

Мне жребий, столь же щедрый, сколь суровый,
Ничем и никогда не заменить,
И нимб пророческий — венец лавровый —
Дороже всех корон всегда ценить:

Гармонией благословенных строк
Пусть песня дивная осилит рок.

СТИХИ

Я жду стихи, — сейчас они придут:
Уже благоухает матиола
И светлячки меня опять ведут
Туда, где не смолкает баркарола.

Я жду стихи, — сейчас они вспорхнут, —
И райских птиц недремлющая стая
Ко мне слетится, и ветра вздохнут,
Мои черновики легко листая.

Я жду стихи, — сейчас они взойдут
Светилами на древнем небосклоне:
Они уж протозвездами грядут
И вызревают во вселенском лоне.

Я жду стихи, — сейчас они блеснут
На древе жизни в вечноюной кроне
Иль молнией по мраку полоснут
И вспыхнут диамантами в короне.

ИЗ ЦИКЛА
«В РОДНОМ КРАЮ»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЭЛЬБРУСУ

Повелевающий ветрами,
Спи, снеговой,
Оберегаемый орлами,
Спи огневой;
Замёрзшей пенною волною
Сияй, гигант,
Сверкай звездой ледяною,
Как диамант.
Над бранным миром возвышаясь,
Зри, властелин,
От зла земного отрешаясь,
Грежь, исполин.
Творца великим изваяньем
Неси дозор,
Кристалльно-чистым одеяньем
Лаская взор.
Позолотит рассвет сусальный
Лик синевы
И увенчает лавр хрустальный
Твои главы.
Целебным духом полнить реки
Не уставай
И сердцем пламенным вовеки
Не остывай.
Тебе, мой ангел белоснежный,
Не ведом страх,
Спи, непокорный, спи, мятежный
Джинн Падишах.

АЛАНСКИЙ ОРЁЛ

Орёл, израненный змеей,
Из рук лилейных поскорей
Бальзам спасительный испей
И взмой, как прежде, над землёй.

Гордец, после священных битв
К моим ладоням льни, устав, —
В них тайна силы горных трав,
Всех берегов и молитв.

Лети, ты дорог мне любой,
И опалённые крыла,
Что солнце жаждет сжечь дотла,
Я исцелю — пусть снова в бой:

К триумфу вечному влеком,
Ты унесёшься в вышину,
Когда все беды я смахну
Благоуханным лепестком.

ГНЕДЫЕ АЛЬПИНИСТЫ

Вслед за солнцем по лаве, под грохот лавин
Восходили отважные кони,
Не заботясь о славе, в сияньи вершин
На альпийском божественном лоне:

Что ни день — камнепад, что ни шаг — ледопад
В этом царстве снегов вековечных,
Где неслышно ступал золотой леопард,
Где судьба не прощает беспечных,

Сотрясается твердь от полночной грозы,
Но стихия гнедых не пугает,
Вновь преследует смерть их шипеньем гюрзы,
Но с дороги свернуть не заставит.

Лишь Даур и Имбирь, Игилик и Хурзук —
Не забыть смельчаков златогривых,
Зачарованный мир, замерев, слышит стук
Их копыт и сердец их ретивых.

Где впечатался след от ледовых подков,
Где опасность хитра и безмерна,
Там к Эльбрусским вершинам несли седоков
Чудо-кони надёжно и верно —

Над обрывом и бездной, в туманный рассвет,
К высоте через бурные реки,
Чтобы воздух медовый теперь был согрет
Их горячим дыханьем навеки.

Где для самых отчаянных создан Приют,
Где не сбить мудрых всадников с курса,
Снова горные ветры свой гимн пропеют
Скакунам на вершинах Эльбруса!

**ОТ ГОЛУБЫХ ОЗЁР
ДО ВЕРХНЕЙ БАЛКАРИИ**

Озёрных колец с бирюзой
Извечная магия круга
И чара с жемчужной бозой
В ладонях у доброго друга.

Искусство седых мастеров
Под сенью благого почина
И символы тайных миров
На солнечном диске хычина.

Платков златотканых узор,
Удачный дебют ювелира, —
Всё радует любящий взор,
На всё отзывается лира.

Здесь каждый отраду найдёт —
Мудрец, сорванцы-непоседы,
Здесь время течёт, словно мёд,
В уюте неспешной беседы.

Здесь старая башня хранит
От зла и бывшего ненастья,
Вершины влекут, как магнит,
А дождь, коль идёт, — только к счастью.

КАРАКЁЗ

Мечта царя и падишаха,
Герой восточных дивных грёз,
Виновник вражеского страха,
Краса природы — Каракёз.

В тебе есть грация пантеры,
Ты — ветер горной вышины,
И жизни вечные барьеры
Тебе нисколько не страшны.

Нет смысла в рыцарском романе
Без подвигов твоих ничуть,
Лишь ты над пропастью в тумане
Найдёшь спасенья зыбкий путь;

В разгар сраженья или пира
Дорога лишь с тобой легка,
От града стрел и от секиры
Лишь ты избавишь седока.

И ярче звёзд порой сверкаешь
Ты парой верных чёрных глаз,
Не золотом упряжи блистаешь —
Ты сам изысканный алмаз.

Дитя ночного небосвода,
На скачках или с бороной —
Осилит всё твоя порода,
Мой несравненный вороной.

Когда ж в стремительном порыве
Ты унесёшься к небесам,
Созвездья засияют в гриве,
И ты светилом станешь сам.

ЛОШАДИ

Стремглав летят по бархатному лугу,
По ипподрома замкнутому кругу,
А после ввысь — к вершинам, к облакам.

Там, развевая, сказочные гривы
Ласкает тёплый ветерок игриво,
Сопутствуя прекрасным рысакам.

С великой волею нерасторжимы,
Всё мчатся — мчатся вдаль неудержимо,
Как будто счастье вечно впереди;

Над огнедышащей рекою лавы,
К сиянью звёздному нетленной славы,
И сердце птицей рвётся из груди.

ИЗ ЦИКЛА
«ПЕРЕВОДЫ С КАРАЧАЕВСКОГО»

ИСМАИЛ СЕМЁНОВ
ЗАЧЕМ ЖИВУ?

Кто-то заболел, испытал нужду,
Помощи ни в ком так и не найдя,
Если ж я спасти тоже не приду,
Человеком звать стоит ли меня?

Или, с бедняком не делясь куском,
Стану есть при нём, нищего дразня,
Кто же я тогда, в случае таком
Человеком звать стоит ли меня?

Сильный и большой, с мелкою душой,
Если горемык не жалею я,
Для чего живу? Нужен ли такой?
Человеком звать стоит ли меня?

МОЯ МАТЬ

«Отец» произнести, как на Эльбрус взойти,
А «Мать» сказать, как царский пурпур обрести,
Раз мамы больше нет, и солнце не светит —
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Не знала ты, что твой народ казнить придут,
В машинах смерти без разбора увезут,
Двух сыновей на двух чужбинах изведут,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Кто смел отеческую крепость разорить,
Кому мне раненное сердце отворить,
Где мощи той, чьё млеко так любил я пить,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

О Карачай, как перья сбитого орла, —
Сюда из всех несчастий свора проползла,
Народ твой в Азию судьбина угнала,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

«Отец» изречь — к благому делу побудить,
«Мать» молвить — небеса и землю озарить,
«Смерть» проронить — боль в каждом сердце зародить,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

«Отец» — ключи от дома Жизни для тебя,
А «Мать» ступени Жизни создаёт, любя,
Но «Смерть» нам всем придётся вымолвить, скорбя,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

«Отец» алмазную твердыню возведёт,
А слово «Мать» Жизнь в душу детскую вдохнёт,
Как счастлив тот, кто Жизнь такую обретёт,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Под покрывалом девять месяцев несла,
У свёкра и свекрови на руках жила,
И ночь и день ты для меня в ночном была,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Два года молоком питала ты меня,
Пуховой грудью ты мне стала, как броня,
Все силы даровала мне день изо дня,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Оберегала от воды и от огня,
Своим крылом меня, как горлица, укрыв,
От бед благою колыбельною храня,
Сияньем радужным все горести разбив.

Из синей байки мне костюм сумела сшить,
В кафтан из шёлка каназира нарядить,
И всем вокруг смогла любовь ко мне привить
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

В семь лет меня ты в храм науки привела,
Трудясь не покладая рук, изнемогла,
Сказав: «Живи», мне красный терем отдала
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

От всех стихий в горах молитвою спасла,
Чтоб я был цел, творила добрые дела,
И всю печаль-заботу на себя брала
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Особым именем охранным нарекла...
Я был вдали, когда ты в лучший мир ушла,
Твой вечноюный образ память сберегла,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Я слышал в зове муэдзина скорбный крик,
«Джулдуз угасла», — мне сказали напрямик,
От нестерпимой боли сердцем я поник,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Где всё, что наживала — скarb твой, скот и дом,
Где тело, тяжким изнурённое трудом,
И руки, делавшие шерсть златым руном,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Судьба отца — в святых местах покой найти,
А мать моя — святая странница в пути,
К чему рыдать — на помощь некому прийти,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Я целый год готов без отдыха идти,
Чтобы тебе, о мать, поклон свой принести,
Благослови лишь — и не страшно отойти,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Твою б могилу в Карачае я сыскал,
Тогда б и в Азию паломником не стал,
О, если б только я грядущее узнал,
Пока дышу, тебя бы я не покидал.

О, если б вовсе не родиться удалось,
Утраты горечь испытать не довелось,
Погост в чужом селеньи видеть не пришлось,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Житьём пресытившись и ожидая смерть,
Покорно Божью волю буду я терпеть,
Лишь Воскресенье с криком «Мой сыночек!» встретить,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Я милостыню каждый день готов подать,
Чтоб дал Аллах тебя воскресшей увидеть,
В ауле дальнем не всегда тебе лежать,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

Курган, чернеющий во тьме, — ночной мой век,
Корабль, уплывший в тишине, — дневной мой век,
Ведь слово «Смерть» познает каждый человек,
Царица звёзд, милее мёда мать моя!

МОЙ РЫЖИЙ КОНЬ

Мой рыжий конь, что волчьей сворой был убит,
Зачем твоё мне имя память вновь твердит:
Звал Белогривым я тебя — и украшал,
Звал Белогривым — на пиры и скачки брал.

Моей ты воле не перечил никогда,
Мои надежды ты оправдывал всегда —
Возил в любые дали, как бы ни устал,
Меня ни разу не подвёл и не отстал.

Так образ твой сегодня вспоминаю я:
Сошла с сеной высоких матушка моя,
Ты от волнения топтался предо мной —
И улыбнулась мама, видя нас с тобой...

Очнувшись, в думах я покой обрёл теперь,
И все кошмары детских снов швырнул за дверь,
Прозрел: тебя-то настоящий волк заклал,
Меня ж — завистник с волчьим сердцем оболгал.

Как мы с тобою схожи горестной судьбой —
Не зря тебя я вспомнил, друг мой дорогой:
Я тоже отдан на съедение зверью,
Но, вновь пройдя сквозь зло, рассёк я боль свою.

Мой рыжий конь, ты без мучений жертвой пал,
Я цел остался, но при жизни трупом стал:
Стреножил грязной сплетней клеветник меня —
И шагу не ступить, и в жилах нет огня.

НАШ МАЙ

Май, наш светлый месяц май,
Ты пришёл во все края.
Сердцу каждому внимай,
Всё тепло весны даря.

День печальный цвета туч
Нам свой чистый лик явил
И светила жаркий луч
На земную твердь пролил.

Пашню, что ещё спала,
Ты, смягчая, пробудил,
Чтобы зелень проросла,
Мир к цветенью побудил.

Птиц для пенья вдохновил,
Чтоб уют был в деревнях,
Глыбы льда ты растопил,
Колоски взрастил в полях.

Эй, трудящийся, вставай
Хлопоты весны встречать,
Жизнь светла, день тёпл — давай
Все мечтанья воплощать!

Май наш, светлый месяц май
Нас с тобой к труду зовёт,
Вместе с нами светлый май
Песни радости поёт.

ВСПОМИНАЯ УШЕДШИЕ ДНИ

Любовался народ моей весной,
Уважал моё лето люд честной.
Златокудрая осень теперь пришла,
Холодны́ её ливни и злы ветра́.

Опадает лес, мелеет река,
Всё короче день, тепло лишь слегка.
Осени шаги думами томят,
Призраки зимы беды мне сулят.

Шум летящей листвы и вѣтра вой
Моё сердце заполнили тоской,
Только память ушедший день вернѣт,
И душа моя в нём покой найдѣт.

Эх, лето с весной, не достать мне вас,
Осень да зима здесь царят сейчас!
Только мысли нынче мои крыла!
Радость — память о жизни, что прошла!

ЧЁРНАЯ ЗМЕЯ

Тебя я нынче видел, чёрная змея —
Ты из-за камня грозно поднялась, шипя,
Отпрянул я в испуге, обомлев от зла,
А ты в свою норú, свернувшись, уползла.

Язык твой — яда, смерть несущего, исток...
А мой язык — создатель несчастливых строк...
Ты жизнь души своей отравой бережёшь,
Я словом правды для людей бичую ложь.

И ты, и я — в бескрайнем мире две души,
Я наверху, а ты в норе своей дыши.
Мы под великим небом оба проживём
И на одной земле уместимся вдвоём.

Но кто ответит мне, зачем нам враждовать?
Кто тайны всей вселенной сможет разгадать?

В ЧАС ПЕЧАЛИ

Юность моя — словно радуг блистанье,
Старость моя — будто рыб колебанье,
Грёзы мои — семь небес освещали,
Годы мои — зимней ночи печали.

Не было сил — в небо не воспарил я,
Всех своих звёзд людям не подарил я,
Тем, кто грустил, сердце не отворил я,
Зависти гнёзд так и не отстранил я.

Камни ль предскажут, как дом я покину?
Как же солгу я, как совесть отрину?
Пел не фальшиво и не продавался —
Вот почему до вершин не добрался.

ЧЁРНЫЙ ВОЛКОДАВ

Как же ты развылся жутко,
Чёрный волкодав,
Я тебе внимаю чутко,
Плач твой услыхав.

Словно знал ты много боли,
Взгляд твой удручён,
Битый палками в неволе,
Слаб и истощён.

Расскажи мне про невзгоды,
Чтоб щитом я стал.
Кто, ответь, твою свободу
В цепи заковал?

Кабалою тяготишься
В ярости своей,
Только к воле и стремишься,
Рвёшься всё сильней.

Эх, бедняга, мной постигнут
Твой ужасный вой,
Я свидетель — ты покинут
Подлою судьбой.

Потому и стал все ночи
Жалобно рыдать,
Видно, нет уж больше мочи
Без вины страдать.

Чёрный волкодав, я знаю
Про тоску твою,
Сердцем сопереживаю
Скорбному вытью.

Как и ты, томясь уныло,
Цепью скован я,
Как в тебе, душевной силы
Нет и у меня.

ВЕСНА

Солнце взошло, всё вокруг осветив,
В стаи пернатых веселье вселив,
Не нагляжусь на прекрасный пейзаж,
К дивной мечте затеваю вояж:

К небу смогли б меня крылья нести —
Правду для бедного люда найти,
Эх, о народной беде б рассказать —
Нечего в мире мне больше желать.

АБРИКОСОВОМУ ДЕРЕВУ

Долго ль весны пламенело тепло,
Пристань в ветвях твоих юных найдя,
Но и для осени время пришло —
Хлещет холодным дождём, не щадя.

Было зелёным ты в месяц иной,
В кроне твоей соловей распевал,
Нынче стоишь, словно дряблый больной, —
Ветер сухую листву разбросал.

Эта пора твоей жизни пройдёт,
Ты возродишься грядущей весной —
Смятая ветвь, распрямясь, обрастёт,
Жилы наполнит полуденный зной.

Но не ворóтит весну человек,
Он только раз в этом мире цветёт...
Будто волчок, твой вращается век,
Жизнь, как родник, безвозвратно течёт.

МОЙ ДЕНЬ

Он ясным был, он тёплым был,
Мой день в полуденной поре,
Но в туче след его простыл —
День не являет очи мне.

И всё больней теперь следить
За скрытой в туче высотой.
Аллах не дал мне покорить
Вершин, зовущихся мечтой.

Старая, агнец видит в снах
Туман и холод, дым и мрак.
А солнце, что в моих мечтах,
Всё не покажется никак.

Аллах един! Я свято чту
Моих родителей завет!
А цвета ночи тучу ту
Навесил враг, крадущий свет.

Мне помолиться бы успеть,
Ведь с каждым часом всё темней.
Мне б солнце в вышине узреть
И звёзды радости моей.

ПЕСНЬ ТОСКИ

Я приехал к вам с тоской, друзья,
В горы над аулом Учкулан,
Всех живых сердечно обнял я
Лишь теперь, покинув мёртвый стан.

Расцелуем камни над рекой
И, прильнув к ключам родной земли,
Будем петь святым за упокой —
Тем, что на чужбине полегли.

Карачай мой, крылья распрямив,
Заслоню тебя от подлой лжи,
Обойду босой, про всех спросив:
Кто живым вернулся — расскажи.

Окроплю слезой горячей лик,
С сиротами вместе зарыдав,
Всем, кто пав отчизны не достиг,
Памятник на родине создав.

В шёлк сосновых прядей буду я
Бисер барбарисовый вплетать
И с могилы, что давно ничья,
Горсть земли кладбищенской искать.

Бедному народу моему
Песню в утешенье сочиню,
Где б я ни был, возвращусь к нему, —
В эти земли к роковому дню.

О мой край, священный Карачай!
Я от счастья плачу и пою —
Сына из далёких стран встречай
И тоску безмерную мою.

**МОЕМУ НАРОДУ
В ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ**

Четырнадцать лет в землю ногти вонзал
И хлеб пополам со слезами съедал,
Рыдая, родимые горы встречай,
Народ мой, израненный мой Карачай!

Твой люд брошен в Азии был до конца,
Там вечную боль поселил он в сердца,
Могилы в степи без священных камней
И образ убитых в войну сыновей.

Они не придут к нам из гибельных лет,
Тоскуя, горам не пошлют свой привет,
Им воды Махара уже не нужны
И скорбные песни живых не слышны.

Кровавых следов тех времён не сотрёшь,
Даст Бог — и опять сыновей обретёшь,
Ты песню о счастье горам возвращай,
Народ мой, израненный мой Карачай!

Усопшим желая в раю отдохнуть,
Живых наставляя на праведный путь,
Скажу и слезою блесну невзначай, —
О радости пой, мой родной Карачай!

ИСЛАМБИЙ
КРЫМШАМХАЛОВ

ВОЛК И КОТ
Басня

Необузданный злодей,
Ненасытный лиходея,
Там, где бор и буерак,
Где прохлады полумрак,
Дыбом шерсть и хвост трубой —
Серый хищник обитал:
Как заметит, скот любой
Вмиг хватал и поедал,
Признавал он лишь разбой,
Малых-слабых не щадил,
Каждой ночью на убой
В горы жертву уводил.
Взяв с собою верных псов,
Егеря за ним гнались —
Не успел догрызть улов,
Как до вора добрались:
И за горло, и за хвост
Псами схвачен был прохвост —
Истрепали ловкача,
Искусали палача,
Как с цепи все сорвались —
Чуть не до смерти дрались,
Вырвали у волка клок,
Еле лапы уволок.
Весь от бешенства кипя,
Задыхаясь и хрипя,
Морда в ранах, синяках,
Пена виснет на клыках,
Сплошь в крови — и нос, и пасть,
Чтобы вовсе не пропасть,
Притащился волк в квартал,
Там искать приют он стал:

Заглянул в укромный двор —
Всюду люди, в сердце страх,
Заметался серый вор,
Заплутал в чужих углах,
Дом последний обогнув,
Дух переводя с трудом,
В небеса взглянув, вздохнув,
Вдруг он встретился с котом...
Слёзы брызнули из глаз,
Волк с котом накоротке
Начал скорбный свой рассказ,
Весь в печали и тоске:
— Котик, золотце моё!
Ведь убьёт меня зверьё —
Коль догонят да найдут,
Шкуру заживо сдерут!
Подскажи, любезный друг,
Из домов, что есть вокруг,
Где меня как гостя ждут
И врагам не отдадут?
Кот задумался, привстал,
Путь к спасенью указал:
— В дом к Киикову Али,
Поздоровавшись, войди.
— Что? К Али?
— Да, к самому.
— Но ведь скормит он меня
Волкодаву своему,
В злодеянии вина, —
Всё стряслось не так давно:
Дождь был, холодно, темно,
Я во двор забрёл к нему,
Чтобы подремать слегка,
Сам не знаю, почему
Там случайно съел бычка.

— Что ж, Шахымов есть Чомак,
Будешь для него кунак.
— Зря меня пред ним чернят,
Что я скушал семь ягнят,
Мстить задумал он, а я
Чист, невинен, как дитя.
— Так беги же побыстрей,
Брось сомненья и испуг,
Скройся в том дворе скорей,
Где Наиб Батчаев, друг.
— Он врагом зовёт меня,
За козлёночка кляня,
— Если так, туда ступай,
Где Лайпана сын, Шамай.
— Ты сказал Шамай?
— Шамай.
— Я давным-давно слышал,
У него телок пропал —
Неизвестно, кто убил,
Но меня он не взлюбил.
— От тебя лишь подлость жди!
Сгинь же, прорва, пропади!
Живодёр и овцекрад,
Куча пакостных проказ,
Кто такому гостю рад!
Всюду встретишь ты отказ:
Что посеял, то пожнёшь, —
Получай, что заслужил,
Злом, что ты другим несёшь,
Палку с камнем ты нажил.
Кот изрёк свой приговор,
И одна из гончих свор
Тут же к волку подскочила —
Негодяя проучила
И со шкурой разлучила.

ИЗ ЦИКЛА
«ГОЛОСА МИНУВШЕГО»

ИСТОРИК

Когда набеги сарацинов
Иль битвы роз приснятся мне,
Ночные тени капуцинов,
Мелькнув, исчезнут в тишине;

Все призраки эпох минувших
Восстанут мрачною грядой —
Полузабытых, но вернувших
Мне грёзы старины седой, —

И зычный голос Александра
Полки к победе поведёт,
Я, словно вечная Кассандра,
Щитом от горя, что грядёт,

Стою над бездной, мир храня,
Но кто же слушает меня?

НОСТАЛЬГИЯ ПО АНТИЧНОСТИ

Где тайный мир загадок Сфинги
И песен солнечной Итаки,
Где под священный звон форминги
Арес готовится к атаке?..

Где вдохновение бездонно
И манит в небо мост Ириды,
Где нежный голос Аэдоны
Зовёт на родину Киприды?..

Где мудрость властного Солона,
Кариатиды и атланты —
Незыблемого Парфенона
Немеркнувшие алманты?..

Где гениев афинских речи
И Александр, любимец Ники,
И вещей Пифий лавр и свечи,
И блеск царицы Береники?..

Где бог искусный врачеванья,
Сын Зевса грозного и Лето,
Иных веков очарованье,
Мир эллинов, прекрасный, где ты? —

... Лишь там, меж звёзд, где тихо льётся
Нектар красавца Ганимеда,
И вновь Персей отважный бьётся
За жизнь любимой Андромеды.

КРЫЛЬЯ ФЕНИКСА¹

Лишь ты ведёшь, святая вера,
Сквозь все преграды и лишенья;
Ты знаешь всё — страданий меру,
Боль от потерь, надежд крушенья.

Ты помнишь клефтов², палликаров³, —
Их дух, с мечтою неразлучный;
Сражаешь, словно божья кара,
И палачей, и их подручных.

Не дай сломить судьбы ударам
Вольнолюбивого народа, —
Опять под медный звон гитары
Спой нам, как Ригас⁴, про свободу.

С тобою — непоколебимой —
Тропой тернистой и скорбной
Несём мы вечно Понт любимый
В сердцах и душах непокорных.

Святая вера, словно манна,
Ты грёзы хрупкие питаешь,
Как свет Земли Обетованной,
В крошечной тьме для нас блистаешь,

Чтоб феникс возродил Элладу
Из пепла крыльев обгоревших
И засияли вновь лампы
Во мраке окон опустевших.

1 Феникс — символ и эмблема на знамени тайной организации «Филики Этерия» — «Дружеского Общества» греческих патриотов, под руководством князя Александра Ипсиланти (понтийского грека) подготовившего греческую национально-освободительную революцию.

2 Клефты — греческие партизаны, селившиеся в горах (на Олимпе, Парнасе и др.), защитники народа.

3 Палликары (молодцы, парни) — бойцы вооруженных отрядов во времена турецкого господства.

4 Ригас Велестинлис — поэт, автор «Военного гимна», исполнявший его под гитару, создатель тайно-го общества «Этерия». Боролся за создание «Греческой республики», был казнён. Любимый поэт семьи Ипсиланти.

ИОАННА

И небо хмуро, и топор остёр,
Ну вот и хворост из священной рощи,
От ведьмы до святой один костёр,
Мне на него взойти — чего уж проще?

Наивна святость, клеветник хитёр —
Прости, что не оставлю даже мощи...
Но нет того, кто пот кровавый стёр,
Бледнеет память, да и шутки площе.

Сжигая клейма, грёзы и года,
Летит с земли горящая звезда
К седьмому небу в огненной молитве,

Бесценная безвинная душа,
Барвинками и ладаном дыша
И сокрушая мрак в последней битве.

ЗОЯ

*Зое Космодемьянской и всем девушкам,
разделившим её судьбу,
Посвящается.*

I

Опять несут восьмого марта
Кому-то алые цветы,
Но их красы и аромата —
Увы, уж не узнаешь ты.

Журналов глянцевого стандарта
В шаблонах мнимой красоты —
Пособники чужого старта, —
Нет, не твои у них черты.

И лишь гвоздикам на рассвете
Блестеть небесною слезою
И вахту скорби вновь нести...

Пред вечной памятью в ответе
Как быть без жизни, жить без Зои*
И мир безжизненный спасти?..

**Зоя (Zoe) — по-гречески Жизнь*

II

Звёзды победы зажглись,
Только какою ценою, —
Дева по имени Жизнь
Сбросила бремя земное:

Только такая могла
Справиться с этой грозой,
Жизнь не свою сберегла
Дева по имени Зоя.

Без покупной красоты, —
Славы мирской, скоротечной,
Как же до боли просты
Методы юности вечной:

Той, что спасла от забвенья,
От увяданья и тленья.

ИЗ ЦИКЛА
«ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ»

І КОНСТАНТИН
памяти одноклассника

Иду по той же улице одна,
Но на тебя похожих не встречаю, –
Лишь ты так ждал у школьного окна,
Мой верный друг, души во мне не чая.

Там чина ангельского горький плод
Вкушая без упреков и стенаний,
Меня избрал ты в свой последний год
Для нежности прощальной и признаний.

Они поныне в памяти свежи
С тех пор, как ты почтил меня наградой:
Стать светочем измученной души
И сердца угасавшего отрадой.

Той лебединой песней о любви,
Романсы заглушив и оперетты,
Звучали откровения твои,
Росою васильковых глаз согреты.

Так было – горе било через край.
Был гроб в лазурных розочках атласных,
Твоё сердечко улетало в рай,
И больше не было дорог опасных.

Я понимала, друг мой дорогой,
Хотя судьбу-убийцу не простила,
Что ангелу уже пора домой,
И я тебя навеки отпустила.

Теперь ты – в каждом любящих очах
И в ласковых застенчивых улыбках,
Тебя угадываю в их лучах,
Читаю в ненаписанных открытках.

Любовь отправлена на карантин
Из мира ненависти и наживы,
Но сердце ангела, мой Константин,
В моих воспоминаньях вечно живо.

В благоуханьи розы без шипов
Звезда любви твоим румянцем рдяна,
Всем волшебством тех чистых слёз и слов
Любовь твоя, как имя, постоянна.

II ВЛАДИМИР

Ещё нас ждали многие дороги
И сердцу были небеса слышны:
Ловя твой взгляд влюбленный на пороге,
Я выбрала спасение страны...

Лишь ты так улыбаться мог, из мира
Изгнав и грязь, и слякоть без следа,
И дивных глаз лучистые сапфиры
Меня оберегали от вреда.

Ты сам был – счастья золотое море,
И сердцем источал волшебный свет,
Как будто в жизни не бывает горя
И зла под солнцем не было и нет.

Щадя твою пленительную робость,
Одной Отчизне преданная дочь,
Я, в одиночество шагнув, как в пропасть,
От радости своей умчалась прочь...

О миссии священной не жалея
И жертвенность святую не кляня,
Ступаю на осеннюю аллею,
Где ностальгия вечно ждёт меня.

Благотворю, спасаю, исцеляю
И одаряю щедро всё вокруг, –
Лишь нас с тобою снова обделяю,
Незаменимый, незабвенный друг.

Пуškai не суждены нам перекрёстки,
И параллели к звёздам нас ведут,
Ночные ливни холодны и хлёстки,
И снегопады в сумраке грядут.

Но, может, в суете неотвратимой
Поймёт фортуна между прочих дел,
Что сам ты миром был неповторимым
И миром удивительным владел.

Чужда земля мне, да и небо зыбко,
Но в миг печальный помню всякий раз:
Мне освещает путь твоя улыбка
И нежное сиянье милых глаз.

ИЗ ЦИКЛА «ЛИКИ ЛЮБВИ»

РЫЦАРСКИЙ РОМАН

Я стану цветком в усталых руках,
Чтоб сердце твоё хранить в лепестках,
Ты, к жаркой груди прижав на века,
Неси меня за облака...

Я стану звездой, уснув на плече,
Алмазной слезой блеснув на мече:
Осилит душа, не дрогнет рука, —
Неси меня за облака...

Я стану мечтой в надеждах и снах,
Медовой росой горя на устах:
Как грёза, сладка, как ветер, легка, —
Неси меня за облака...

А там, на горе, наш замок зари,
Ты сердце своё мне в нём подари;
Дорога крута и цель высока, —
Неси меня за облака...

РЕЦЕПТ АФРОДИТЫ

Храни любовь от зла любого:
Обидами не смей казнить
И опрометчивого слова
В сердцах не вздумай обронить,

Укора не таи немого
И в мыслях не рискуй бранить, —
Судьба к отступникам сурова,
Тонка спасительная нить.

Не слушай злые небылицы
И ревность чёрную оставь,
Как над сокровищем, дрожи;

Цени священные крупицы,
От взгляда строгого избавь
И каждым мигом дорожи.

ПЕРИ

Где замок горной королевы
Над миром высится громадой,
Плывут волшебные напевы
И тучи грозною армадой.

В алмазной башне восседая,
Она могущество упрочит, —
Так ворожит зима седая
И звёзды вещи пророчат.

Меж лилий ледяных ступая,
Небес и бездн едва касаясь,
В цветах альпийских утопая
И в млечных облаках купаясь,

Она спасает мир, как прежде,
Хоть это невдомёк невежде.

В ЛЮБВИ

Весь в любви, весь во власти луны, —
Ты такой, как желает кумир;
Звёзды падают на галуны, —
Ты богаче теперь, чем эмир.

Наши тайны хранят валуны:
Был ты хладен, как вечный Памир,
Но, проказники и шалуны,
Духи грёз вдруг ворвались в твой мир.

Был беспечен ты лишь до поры,
Но с мечтою теперь визави, —
И глаза изумрудно блестят.

Весь в полоне у нежной игры:
Бьют без промаха боги любви, —
И цветочные стрелы летят.

ПОЛНОЛУНИЕ

Как нынче ночь приходит скоро:
Шкатулки лаковая ласка,
Луны трагическая маска —
Немые скорбные укоры...

Как хорошо, что ты высоко,
Недостижимое светило, —
Лишь ты мне грёз не запретило,
Святых небес ночное око.

Куда ни глянешь, всюду войны,
Но стрелы пролетают мимо,
Ведь ты всегда неуязвима —
Как блгостно мне, как покойно...

Луна — жемчужина во мраке, —
Так холодна и неизменна,
Будь вечно неприкосновенна
Меж облаков, как в древней раке.

НОЧНОЙ ВОСХОД

Войди, моё солнце ночное,
Шумливое и озорное,
Негаданное и шальное, —
Пусть снова запахнет весною.
Порою, такое родное,
Ты мчишься по небу со мною
Над звёздами и над луною;
Бываешь почти что земное,
Неведомое и смешное,
Но мир столько света и зноя
Не знает со времени Ноя.
Зачем мне светило иное,
Что блещет багровой казною
Иль манит обманкой-блесною,
Поддельное и запасное...
Раскрою оконце резное, —
Ты ягодой спелой лесною,
Цветочной росинкой степною
Войди, моё солнце ночное.

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Как ты меня теперь зовёшь —
Зухра, Венера, Миловица?
Какие травы в полночь рвёшь —
Тимьян, вербену иль душицу?

Всё ждёшь, когда же ночь пройдёт,
Чтоб утренней звезде молиться, —
Она блеснёт и пропадёт,
А счастье вечно будет длиться.

Какое имя вновь твердишь —
Астарта, Фрея, Афродита?
С тоской и нежностью глядишь,
Ища небесного вердикта:

Гадая, будет высь сурова
Иль небо явит лик мой снова.

ТАЙНЫЕ ПРОВОДЫ

Печальным чайкам тихо вторя,
Прервав сирен ночное пенье,
Любовь ушла обратно в море
И растворилась в чёрной пене.

Ушла, устав от ожиданья,
В девятый вал тоски нездешней,
И ливня хладного рыданья
Ей вслед неслись во тьме кромешной.

И море морщилось в кручине,
И волны в битве с берегами
Терзали сушу, как врагиню;

И звёзды падали в пучину,
И месяц плакал жемчугами
По удалявшейся богине.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Пусть мечты и надежды сгорели,
Зря хоронишь их, мой визави,
Зря играешь на чёрной свирели
О своей безответной любви.

Поминальной мелодии соло
Из утратившей веру груди
Не заменит тебе баркаролу.
Нынче сердце своё пощади, —

Сердце тихо поёт серенаду,
Не глуши её звоном монет,
Сердцу мести злосчастной не надо
Под неистовый треск кастаньет.

Возле жизни и смерти иль между —
К сердцу снова спешат с высоты
Стаи фениксов вечной надежды
И жар-птицы великой мечты.

НЕЖДАННЫЙ

Поклонник мой, от реверанса
Всё дальше дикий бег племён:
Прекрасный вестник ренессанса,
Попавший в лабиринт времён,

Что видишь ты, смотря пугливо
На странный строй чужих эпох
И озираясь сиротливо?
Тая в душе переполох,

Скажи, пришелец одинокий,
Случайно сбившийся с пути,
Поведай мне, небесноокий,
Как я смогу тебя спасти?

Дух подлинного совершенства
И позабытой красоты,
Верну ль для вечного блаженства
Былой гармонии черты?

ОСЕННЕЕ СОМНЕНИЕ

Что подарю тебе — усталость
От боли пережитых лет,
Недорастроченную жалость,
Садов осенних бересклет?

Всё начиналось словно шалость, —
Прогулку предвещал буклет,
Невинной краткой встречи малость
И в бездну на двоих билет...

То сердце зорко, то вдруг слепо,
Но дух любви, что зря страдает,
От всех сомнений огради —

Бояться поздно и нелепо,
Когда сама судьба гадает
По струйкам крови на груди.

ТВОЙ ВЗГЛЯД

Твой взгляд, как горький шоколад, —
То терпконежный, то медвежий,
Старинных струн нестройный лад
И жгучий лёд — колючий, свежий.

Твой плач — палач, казнивший сон,
Влекущий в неземные дали,
Небес полночных звёздный стон,
Что в унисон с тобой рыдали.

И уст твоих незрелый сок
Малиной дикой прянно рдеет,
И сердца сахарный песок
В часах любви судьбой владеет.

А рок пророчит: «Не уйдёшь, —
Не пожелаешь, не сумеешь,
Когда блаженство обретёшь,
В потоках патоки сомлеешь».

В крови твоей морская соль
И мёд из солнечного цмина,
В речах неистовство и боль
Иль хлад потухшего камина...

Любовью переполнен взгляд —
И труд любого зла напрасен,
И волчьих ягод чёрный яд
Уже для счастья не опасен.

СИЛА ЛЮБВИ

Тебе не нравятся мои товарки —
Печаль, Тоска, Кручина и Беда?
Они совсем не Музы и не Парки,
И у меня гостили не всегда.

Порой в подруги подлость набивалась,
Напрашивалась глупость на обед,
И клевета за мною увивалась,
И ненависть пыталась дать совет.

Призвав в соратники святую силу,
Изгнала окаянных, как смогла, —
Нет, не свели они меня в могилу,
Но сердце я своё не сберегла:

В нём грусть и горе прочно поселились,
Тебе, заступник, надобно признать,
Покуда реки крови не пролились, —
Надолго ль ты сумеешь их прогнать?

Коль совладать с врагами не сумеешь,
Целуя красноту распухших век,
И если боль мою не одолеешь,
Царевной с мёртвым сердцем буду век.

Сольюсь душою с чёрною тоскою,
И не освободив от тёмных чар,
Тогда полюбишь ты меня такую
И примешь скорбь мою, как высший дар.

ФУРИЯ

Уж лучше видь во мне исчадьё ада,
Чем в немощи младенческой винить,
Испугу твоему лишь небо радо,
А мне тебя наскучило дразнить.

Ни урагана в сердце нет, ни града,
Лишь памяти ветшающая нить,
Вокруг души колючая ограда,
Но не проси — не мне тебя казнить.

Для сил иных ты — лёгкая добыча,
Истрёпанный в мечтах о невозможном,
Лишь злость и жадность ты успел скопить.

И в небо сабелькой картонной тыча,
Грозь судьбе в безумии безбожном,
Ни мига счастья не сумел купить.

ЗИМНЕЕ СЕРДЦЕ

В сердце твоём всегда зима —
Чистая, ледяная нега,
Рушатся судьбы и дома
Под меховым покровом снега.

Сходят уставшие с ума
От изнуряющего бега,
В сердце твоём пуста сума, —
Нет ни письма, ни берега.

Ты так привык дышать и жить, —
Сердце от солнца в злой мороз
Пряча в сугробы и валежник,

Зимний покой свой сторожить
В хладном саду замёрзших роз,
Только судьба твоя — подснежник.

СВЯТКИ

Ты всё ещё пахнешь малиной
Иль время развеяло сны,
И старые пьесы Молины
Сегодня тебе не нужны?

Мой ветер, весёлый и вольный,
Закружишь ли в танце меня
Иль, серой судьбою довольный,
Забудешься, счастье кляня?

Сберёшь ли весною под вечер
Из ключиков райсих букет,
Считая мгновенья до встречи,
Играя с молвою в крикет?

Томясь и тоскуя в разлуке,
Устанешь ли грезить и ждать,
От раны сердечной и муки
В зеркальном тоннеле блуждать?

Венчальную песню ли сложишь,
Любовный венок ли сплетёшь,
Сберечь ли мечтания можешь
Иль, словно слезинки, смахнёшь?

Гадаешь январскою ночью —
И гаснет свеча за свечой,
И тучи взрываются в клочья,
И звёзды сверкают парчой.

Войдёшь ли в священные воды,
Найдёшь ли спасенье своё,
Вернёшься ль под милые воды,
Где сердце хранится твоё?..

РЕКА СУДЬБЫ

Река судьбы тебя уносит
Всё дальше, дальше от меня,
Тоска любовь забвеньем косит,
Былого счастья не храня;

Полынь в костёр священный бросит,
Но ей не потушить огня, —
Твой образ о спасеньи просит,
Во все колокола звоня.

Порывы яростной стихии,
Ветра пустынные сухие
Сдержу волшебною рукой;
Сакральные сложу стихи, и

Года зловещие, лихие
Смету безжалостной рекой.

БЕЗ ТЕБЯ

Как я творила без тебя, —
И не скажу теперь, наверно:
Ты не глядел тогда, любя, —
Так безответно, беспримерно,

И не срывался голос твой,
Не рдели юные ланиты,
И ветер липовой листвою
Не льнул так к сердцу из гранита.

Тогда не плакала зима,
О прежнем холоде жалея,
И не сходила ночь с ума,
Былое нежа и лелея;

Под снегом розы не цвели
И три семёрки виновато
На белых крыльях не несли
Меня к тебе в объятья марта.

Здесь райской рощей не была
Тогда ещё каменоломня,
И как творить я тут могла, —
Теперь, возможно, и не вспомню.

Всех недругов моих губя
С такой неистовою силой,
Как я творила без тебя, —
Ответь мне сам теперь, мой милый.

ГАЗЕЛЬ

Сердце, что пропало, где ты только ни искал:
Заходил в кабаки и проверял пустой бокал,

Ночью вглядывался в небо, спрашивал у звёзд,
Но бесстрастно и безмолвно лунный лал сверкал.

Чтобы камнем драгоценным сердце заменить,
Копию из царского рубина высекал,

Заполняя пустоту в израненной груди,
Сердце новое ты из багровых роз сплетал.

В краже заподозрив чародея, ты стремглав
За моря на край земли за миражом скакал.

В пасть заглядывал ко льву и на ковре парил,
Зря надежды тайные лелеял и ласкал:

След влюблённого сердечка навсегда простыл, —
Им давно владеет Пери, разве ты не знал?..

ГЛАЗА

Какие я глаза предпочитаю? —
Быть может, очи в тон морского льда.
Когда они в слезах, а я не таю,
Мне совестно и грустно иногда.

Небесную лазурь я избираю,
Безвинностью прельстившую меня,
Иль кареокого веду по краю,
Своими омутами полоня;

А, может, в серый взор, почти прозрачный,
Я страсть великую вселить хочу? —
Лукавый, простодушный или мрачный...
В любом священный жар изобличу.

Который взгляд всех боле ждёт успех? —
Влюблённые глаза прекрасней всех.

ЗИМНИЙ БАЛ

И звуки и цвета приглушены,
Земля уснула в ледяной постели,
И мы с тобою вновь приглашены
На зимний бал бурана и метели.

Прохожие январский вальс бранят,
Но всё, что сердцу мило и желанно,
Сиреневые сумерки хранят
За пеленою зимнего тумана.

Так полюби же снег за чистоту,
За белизну лебяжью и пуховость,
За диамантовую красоту,
За дикий нрав и хладную суровость.

Взгляни, как хороша теперь зима,
Расслышь мотив прекрасный в лютном вое,
Доверься — и тогда она сама
Отдаст свои сокровища с лихвою.

ФЕВРАЛЬ

Февраль закружит в контрансе,
Осталось только три денька —
Тоска и грусть в последнем шансе,
Хотя мелодия легка,

И радостен полёт снежинок
И белых вихрей кутерьма, —
С грядущим мартом поединок...
Ну что ж, до новых встреч, зима!

Скучать я буду, как ни странно,
И память добрую беречь.
А, может, расставаться рано —
До новых долгожданных встреч?..

Но всё ж, прощай, февраль-мятежник, —
Уж просыпается подснежник.

ВЕСЕННЯЯ МЕТЕЛЬ

Этот танец метели ночной
Я с тобою одним разделю, —
Так кружи в снежном вальсе со мной,
Каждый миг повторяя «люблю»...

После стольких дождей в феврале
Вдруг завьюжил неласковый март,
Звёзды скрылись в заснеженной мгле
И вошёл юный ветер в азарт...

В такт мелодии — вспышки огней
И качается старый фонарь,
По невздам твоих прежних дней
В тон метели звонит пономарь...

Видишь пролесков вещие сны
О рождении новой весны?..

ПЕРВОЦВЕТ

К чему салонные букеты? —
Они фальшивы и пресны.
Дари, как прежде, первоцветы —
Лишь в них дыхание весны,

Лишь в них природа оживает —
В дарах двенадцати богов.
Так много тайн ещё скрывают
Любимцы солнечных лугов:

В запретном поле собирая
Любви волшебные цветы,
Неся мне ключики от рая,
Откройся, знал об этом ты? —

Где примула для нас цветёт,
Тропа в Элизиум ведёт.

СТЕПНОЙ РОМАНС

Пусть ветер унесёт твою печаль,
Всему, что предначертано, переча,
И вновь — за высью высь, за далью даль,
И всё на свете — ради этой встречи.

Пусть месяц с негасимою звездой
О нашем счастье грезят неустанно,
Все беды исцелю святой водой
И лепестками дикого тюльпана.

Пусть неразрывно связанным сердцам
Отныне пребывать в разгаре лета,
Где всем, что есть, коронам и венцам
Ты предпочёл венок из первоцвета.

Степные травы стелятся ковром,
Судьба сплетает в сказочном узоре
И сердце, опалённое костром,
И свет полночных звёзд в любимом взоре.

КАЛИНА

Среди ягод прекрасных
Есть такая одна:
В холода дней ненастных
Ей метель не страшна,

Солнце зимнее млеет
Пред её красотой
И сердечко алеет
В каждой яголке той.

И пускай в зимней роще
Соловьи не поют,
Каждой птице продрогшей
Здесь найдётся приют.

Если чувство большое
Ты нигде не найдёшь,
То с озябшей душою
Вновь к калине придёшь.

Встречи миг, как песчинка,
Ускользает из рук,
Есть в калине горчинка
От постылых разлук.

Счастья жди неизменно
И судьбу не кори,
Весть о нём непременно
Принесут снегири.

Гроздья алой калины
Зорь июньских красней,
Губ влюблённых рубины
Всех сокровищ ценней;

Зноя летнего жарче
Предрассветный снежок,
Мёда майского слаще
Горькой ягоды сок.

КНЯЖЕНИКА

Целый мир в твоих руках —
Словно солнце в облаках,
Жизнь, как песня, удалась, —
Что же ты не весел, князь?

Отпусти печаль в небо алое
Капелькой застывшею малою...

Та звезда, что всех светлей,
На ладони спит твоей;
Жизнь, как золотая вязь, —
Что же ты не весел, князь?

Заблестит росой льдинка талая,
Капелькой застывшею малою...

Княженика — ягода судьбы.
Громче крика, жалобней мольбы —
Ты поведай мне свою беду,
В край запретный я к тебе приду;
Ты поведай мне свою беду,
В час заветный горе отведу.

ПРОСТИ

Прости, что горечь расставанья
Тебе досталась одному,
Что бесполезность упованья
Познать придётся самому;

Что бледность лунного томленья —
Теперь любви твоей цена,
Что тщетный дух сопротивленья
Сломила вечная весна;

Что даже краткая разлука
На пытки сердце обрекла,
Что непреодолима мука, —
И в ней душа изнемогла...

Прости себя, мой юный жрец,
За то, что ты — любви певец.

ГОТИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Встретил я Донну под чёрной луной —
Чёрною лебедью тонкой и томной,
Чёрный гранит за оградой стальной —
Нашей любви поручитель безмолвный.

Словно богиня порою ночной,
Вышла неслышно на берег укромный —
Чёрной жемчужиной, пенной волной
Спорить с судьбою моей вероломной.

Чёрная роза в душистом венке,
Мой карбонадо в лучистой короне —
Мрак осветит, словно око пантеры.

С тайной пророчеств на чёрном клинке
Сердце несу к алтарю я для Донны —
В жертву своей черновласой Венере.

ИЮНЬ

Пора июньская шагала,
Лучи искрились на лету,
Влюблённые с картин Шагала
Порхали возле лип в цвету, —

Жара им крылья обжигала,
Не веря в юную мечту,
Земля падением пугала
Сердца влюблённых в высоту.

Меж стаи бабочек-монархов
Они кружили в упоеньи
Среди разрядов искровых,

Презрев советы патриархов,
Не слыша предостережений
И туч не видя грозových.

ПОВЕРЬ

Поверь в любовь как в аксиому,
Как постулат её прими,
Пусть всё нежданно, незнакомо, —
Язык цветов и птиц пойми.

Лишь в сердце у себя, как дома,
Её приветь и обойми,
Она звездой зари ведома, —
Сомненья тщетные уйми.

Не ожидая подтверждений
И доказательств не ища,
Забудь про яд предубеждений,
Не сетуя и не ропща.

Прими любовь как дар желанный,
Немыслимый и необманный.

ИЗ ЦИКЛА «МУЗЫКА СФЕР»

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Глаза небес дождём кровавых слёз
Скудеющую почву орошают
И страстоцветом землю украшают
Среди дрожащих на ветру берёз.

Куда бы конь крылатый ни привёз,
Кругом все высь о чём-то вопрошают,
Грызут ли корку, манну ли вкушают...
Чтоб мир не истощился и не мёрз,

Светило на заре себя сжигает,
А после воскресает вновь и вновь —
И, жертвуя собою бесконечно,

Глядит, как люд закон седой свергает
И хлещет как вино святую кровь,
Приемля жертвы хладно и беспечно.

КЛАДБИЩЕ АЛЬПИНИСТОВ

Сердца упрямых, горделивых птиц,
Что к небесам стремились неустанно,
Не ведая запретов и границ, —
Нашли приют среди ледяного стана.

Седые благородные мужи
И те, кому не постареть вовеки, —
Метель, кружи над ними и тужи,
Смежи израненные хладом веки.

С судьбою залючённое пари
Крутые тропы к небу пролагает,
Сосновых слёз алеют янтари
И фёны песни скорбные слагают.

Вдали от серых будничных домов,
От низменностей блеклых и унылых,
Наделены свободой орлов,
Они среди гор почили снежнокрылых.

ИЗБАВЬ

Не дай мне, Бог, столкнуться с сумасбродством
В бездарный век духовной слепоты,
Когда заменят красоту уродством
И проклянут прелестные черты;

Когда кичиться станут вероломством
И требовать от правды немоты,
И, милосердию грозя банкротством,
Измажут дёгтем образ чистоты;

Когда объявят святость нищевродством,
Изгнав с позором светоч высоты,
И, щедрость попрекая благородством,
Оспорят твой Закон до хрипоты, —

Тогда своею праведной рукой
Избавь, Господь, от мерзости такой.

ВОЛЯ

Зачем мне твой дворец, губитель
Невинных душ, прекрасных дел, —
К чему мне мрачная обитель
И твой безрадостный удел?

Здесь розы кровью поливают
И гибнут соловьи в саду,
Здесь всё кошмары навевает
И вечно душно, как в аду.

Здесь роскошь царского наряда
Туманит разум и сердца,
Здесь чаша мёда с долей яда —
Цена продажного венца.

О бренном благе не скорбя,
Лишь воли жажду для себя.

БЕС И СВЯТОЙ

Задумал бес обворовать святого:
В терзаннях дни и ночи проводя,
Измучась от занятия пустого,
Нечистый чах, за недругом следя.

Святой-то был бедней церковной мыши,
Так что же у блаженного украсть? —
Иль грозовые тучи вместо крыши,
Или псалмов таинственную власть?

Ни барахла, ни пресловутых денег
Пустынник не носил на свой порог, —
С досады бес стащил священный веник,
Но жадность подавить в себе не смог.

Однажды в ночь, под полную луною,
За праведником по пятам крадясь,
Увидел бес над головой святою
Нимб, что белел, блистая и светясь.

«Издохну, но блаженного обчищу!» —
Воскликнул бес, рассудком помутясь,
И потянул мохнатые лапищи
К добру чужому, нимб сорвать стремясь.

Но мигом шкуру опалил лукавый —
И вместо клада в тысячу карат,
Исколотый терновою оправой,
Издох. А кто же бесу виноват?..

ЗОЛОТОЙ

Средь каинов, искарриотов,
Меж иродов и агасферов
Скажи, галилеянин, кто ты?
Какие ты покинул сферы?

Зачем в миру земных пороков,
Где власть купцов или корсаров,
Ты в одиночестве пророков
И обречённости пульсаров

Наперекор мирским заботам,
Блюдя закон запретной веры,
Вновь исцеляешь по субботам
И уповаешь в день Венеры?

Зачем ты с болью и волнением
Склоняясь над миром сиротливым,
Не обретёшь упокоенья
В раю беспечном и счастливом?

И там, где скорбных звёзд рыданье,
Где плачет высь водою талой,
Зачем ты будишь состраданье
В груди у ласточки усталой?..

СЕРАЯ ПЯТНИЦА

День начался с полумёртвой бабочки,
И не утешит ничего, —
С бегом минут играя в салочки,
Как же мне пережить его?

Тихий незрячий старик на улице,
Пёс-поводырь ему под стать —
Может, покрепче теперь зажмуриться
Или же сердце мне дорвать?

Всюду нелепица и сумятица,
Паперти края не видать
Так же, как этой серой пятницы, —
Сколько ж ещё мне ей подать?

Как её выкупить у закятости,
Сколько же слёз ещё пролить,
Чтоб в этот день королевской святости
Снова кого-то исцелить!

Громче молитвенного пения
Вновь золотой телец мычит;
Осатанев от нетерпения,
Злобный палач по встречной мчит.

Как же беду одолеть постылую
В этот забытый Богом день,
Если от боли опять застыну я,
Пряник готовить иль кистень?

Где б ни была, но всегда в пустыне я,
Как же покой я обрету,
Вечно спасая от уныния
Серую пятницу-сироту?

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

Для разрешенья всех сомнений,
Уважив мудрецов наказ,
Часы с кукушкой добрый гений
Для нас придумал как-то раз,

Чтобы ночами сна лишали
И беспокойно рвались в дни,
Чтобы забыться нам мешали, —
Но понапрасну не брани.

Недуг, труды или пирушка,
Нам — пленникам чужой игры —
Твердит несносная кукушка:
«Всё бrenно, всё — лишь до поры...»

Проходит час — какая малость,
Но будь со временем «на Вы», —
Ведь, сколько нам ещё осталось,
Кукушка промолчит, увы.

Устав нести земное бремя,
Мы, коротая век, подчас,
Как можем, убиваем время,
А время убивает нас.

То птицей счастья пред свиданьем,
То, как стервятник у одра,
Пусть счёт блаженству и страданьям
Ведёт без лиха и добра

Судьбы-индейки та подружка, —
Покуда ржавчина не съест,
Неугомонная кукушка
Пускай несёт свой тяжкий крест.

К ЯРУ

Беда налетит ураганом,
И, чтобы судьбу наказать,
Доверю я только цыганам
Мне счастье опять предсказать:

Лишь их обещаньям манящим
В тиши колдовского шатра,
Гаданьям, гитарно звенящим,
И пляскам босым у костра.

Поверю их любящим взглядам —
Нежданым, как дождик грибной,
Их праздничным пёстрым нарядам,
Навеянными вечной весной.

Поверю их песне сердечной
Про очи чернее ночей
И скрипу кибитки беспечной
В сияньи закатных лучей.

Пускай всё обманно и тленно,
Пускай всё напрасно и зря,
Но радость моя непременно —
Вещуньям не верить нельзя.

И по-над болотом поганым
По радуге на вороном
Лечу я в былое к цыганам,
Объятая сладостным сном.

РОЗА

Там, где солнце спорит с тенью, —
Даже в смерчи не дрожа,
Роза вечного цветенья,
Чьим закатом ты свежа?

Чьи рассветы окропляют
Лепестки твои росой,
Что за силы окрыляют
В ливень хлёсткий и косой?

Соловьёв влюблённых стая
Вновь поёт на все лады,
Для тебя лишь прилетая
К ночи в райские сады,

Гимны счастья и расцвета
Принося царице лета.

РАЗНЫЕ ПТИЦЫ

Есть птицы, несущие яйца,
Есть птицы, несущие свет, —
Пусть же их судьбы разнятся,
На всё у небес есть ответ.

Порою, без гнёзд и пшеницы,
В алмазной пыли января
Эдемские певчие птицы
Гостят в этом мире не зря:

Их песня светла и сурова,
Гортань не сжимает кольцо,
У всех самодив Васнецова
Прекрасной жар-птицы лицо.

Кто смеет хотя бы мгновенье
Винить неземное творенье?..

ПОТОП

Сокровища, что вечно жаждут крёзы,
Оставлю и, вглядевшись вдаль, замру,
Войду в потопа вóды, и все слёзы,
Что в мире есть и были, — все утру;

И погружу в ковчег былые грёзы,
И камни вековые соберу,
И обниму озябшие берёзы,
Продрогшие под ливнем на ветру.

Так серы небеса, что в них надежде
Отныне места вовсе не найдёшь.
Любви свой трон и скипетр уступая,

Спеша туда, где был так счастлив прежде,
Ко мне ты словно по суху идёшь —
По улицам, что стонут, утопая.

ПАРАДИЗ

Словно белый маг и фея,
Неразлучны никогда,
Эвридику и Орфея
Мы сменяем иногда.

Ни Маздака, ни Матфея
Не читал ты, — вот беда, —
Мудреца и корифея
Не осталось и следа.

Но как лотос и нимфея,
Дети райского пруда,
Мы во млеке Амалфеи, —
Небо наше навсегда.

Будь то прихоть иль каприз,
Не оставлю парадиз.

В ПОИСКАХ МУЗЫКИ

Когда протяжный скрип калитки
Или гудок автомобиля,
Аэрофонный вид улитки
И нежное дыханье штиля

Напомнят мне, как я тоскую
По музыке времён ушедших,
Я вновь пойду искать такую
Как аромат лугов отцветших.

Прибудет на свиданье с детством
«Барон цыганский», может статься,
И я упыюсь любимым действием,
Желая в нём навек остаться.

А если... Что за встреча, боже! —
Люблю тебя всё больше, маска!
Тобою нынче грежу в ложе,
Филармоническая сказка.

А вот и Моцарт — ангел рая:
Пусть эликсир вольётся в вены
И сердце покорит, играя,
Дуэт пленительный из Вены.

В финале — попури из вальсов, —
Из розы, кружева и вздоха
Твой флёр изысканных романсов,
Моя любимая эпоха.

О, пробуженье чувств уснувших,
С сомнением пагубным прощайся,
Очарованье дней минувших,
Скорее к сердцу возвращайся.

ИЗБРАННИК

Сентиментальные девицы
Давно увядшие цветы
Упрячут в тайные страницы —
И обветшалые листы

Напомнят им любимых лица
Среди грядущей суеты,
Но время — памяти возница —
Умчит заветные черты...

Бутоны книжной пылью станут —
Но ты, в стихах увековечен,
Не бойся тлена и страданья:

Пока другие в Лету канут,
Ты будешь счастлив и беспечен,
Избавленный от увяданья.

ЗАСУХА

Который день мир без небесной влаги
Уныло чахнет в городской пыли
И молит высь о долгожданном благе —
Чтобы сады былые зацвели;

Как выпивоха, жаждет пенной браги —
Чтоб зёрна наконец-то проросли,
Но высыхают реки и овраги...
И, чтобы ливни поскорей пришли,

Мир жертвует всем тем, что сокровенно:
Прекрасным, самым добрым заплатив —
Себя спасает, лучшее губя.

А я, чтоб не исчезла Ипокрена,
В Кастальский ключ всю кровь свою пролив,
Поэзии вновь жертвую себя.

МЁРТВЫЙ РАДИСТ

Смерть — дружище, спасибо, что пулею в сердце скосила,
Мне от взрыва теперь погибать совершенно нельзя:
Жизнь ушла, но ведь руки-то целы — и есть ещё силы
Сделать так, чтоб успели спастись боевые друзья.

Погодите немного, мои белоснежные крылья:
Пусть морзянка летит впереди, как священная речь,
Я успею ещё раствориться во мгле звёздной пылью, —
Только дайте товарищей мне на прощанье сберечь.

Пусть пульсирует мёртвое сердце в последней шифровке:
Сколько надо — ещё и ещё — я её повторю,
И отправлю небесным посланьем в посмертной сноровке,
И ответа добьюсь и дождусь, ну а после — сгорю.

Высь безгрешная, ты уж прости, что вернусь слишком рано:
Я бы землю пахал, рожь растил — лет, как минимум, сто,
Но не знавшая планов моих смертоносная рана
Всё решила, не глядя, смолчав — для чего и за что...

И радируя SOS до и после потери дыханья,
Не считая давно уже вечностью ставших минут,
Снова радиограмму твержу, словно текст заклинанья, —
И не важно, что чудом всё это потом назовут.

Ничего мне не жалко ничуть — и скажу без притворства:
Счастье высшее в жизни короткой мне было дано —
Для спасенья родимой Отчизны свершить чудотворство
Даже мёртвому сердцу возможно, коль любит оно.

УХОДЯЩИЙ

Плачьте по мне, луга,
Плачьте, степные травы,
Отчие берега,
Ельники и дубравы.

Тайте по мне, снега,
Стыньте, моря и реки,
Вой на помин, пурга —
Я ухожу навеки.

Я уже не вернусь
Ни в какие года,
Только раз оглянусь —
Чтобы помнить всегда,
Белой птицей взметнусь
Прямо в высь — без следа,
Я уже не вернусь —
Лишь во сне, иногда...

Не забывай ни дня,
Брошенная долина.
В скорби зови меня,
Сложенная былина.

Снова по мне звоня,
Сетуй, любовь, безгрешно,
Каждый мой шаг храня,
Будь по мне безутешна.

Я уже не вернусь
Ни в какие года,
Только раз оглянусь —
Чтобы помнить всегда,
Белой птицей взметнусь
Прямо в высь — без следа,
Я уже не вернусь —
Лишь во сне, иногда...

Вдовствуй, мой юный лавр,
Траура не снимая,
В медном котле литавр
Грусти не унимая.

Боль заливай, Земля,
Ливнями сиротливо,
С небом печаль деля
Преданно и тоскливо.

Я уже не вернусь
Никогда-никогда,
Лишь на миг оглянусь —
Чтобы помнить всегда,
Белой птицей взметнусь
Прямо в высь — без следа,
Я уже не вернусь —
Лишь во сне, иногда...

ВЕНОК ПОБЕДЫ

Венок Победы — лавр, тюльпаны и гвоздики,
Но разве только им святая честь дана? —
В лугах нескошенных цветы хмельны и дики,
В полях трава полынной горечью полна:

Здесь мчались всадники на грозные сраженья,
И каждый цмин их звёздный путь благословлял,
Ромашка врагу желала пораженья,
А колокольчик всех героев прославлял.

Там дикоросы — безыскусные, простые —
Бойцов выхаживали раненых, порой,
А партизан спасали заросли густые,
Кормили ягодники за крутой горой.

И девы юные земель освобождённых
Дарили воинам душистые цветы —
Всё, что в краях любимых, заново рождённых,
Сумели вырастить из веры и мечты.

А где в кровавой сечи мученики пали,
Лишь сон-трава ковром под ивой проросла...
Венок Победы, людям сосчитать едва ли
Всё то, что Слава вечная в тебя вплела.

ОТЗЫВЫ

«Мне уже за 60. В своё время — и в студенческие годы, и позже, работая на заводе, я участвовал в художественной самодеятельности, декламировал стихи со сцены. Любил книги, в том числе творчество поэтов. Но по-настоящему я открыл для себя поэзию и полюбил её, читая стихи Ирины Узденовой».

*Алхаз Семёнов,
пенсионер.*

«Недавно мне довелось познакомиться с Ириной Узденовой — самобытным автором из плеяды современных поэтов Юга России. Я был на встрече поэтессы с читателями в Кисловодске. Тембром голоса, певучей речью, преданностью поэзии она напомнила мне поэтов 60-х годов, многих из которых я знал лично. Несомненно, Ирина — талантливый литератор. Количество жанров, в которых она работает, впечатляет. Здесь и лирика, и сонеты, и баллады, и песни, и поэмы, и эпиграммы, и посвящения, и басни, и переводы классиков востока и запада, а также переводы произведений карачаевского ашуга Исмаила Семёнова... С любовью пишет она о родном Кавказе — о его суровой и прекрасной природе, о людях, о мудрости и величии предков. Особенно импонирует, что Ирина Узденова посвятила много стихов памяти о Великой Отечественной войне. Думается, что Ирина Узденова — яркое явление в современной литературе Кавказа».

*Анатолий Безуглов,
член Союза писателей СССР и России,
доктор юридических наук, профессор,
бывший помощник генерального
прокурора СССР и ведущий тележурнала
«Человек и закон».*

«О красоте мира можно рассказывать разными способами и на разных языках. Художник творит кистью и красками, скульптор являет великолепие форм из мрамора, композитор работает со звуком, архитектор создаёт гармонию линий на бумаге, строитель воплощает её в явь. А наш современник, Ирина Узденова, говорит о мире на языке поэзии. И, кажется, что её поэзия вобрала в себя и живопись, и скульптуру, и музыку, и архитектуру, и, конечно же, магию слова.

Хотите убедиться? Прочитайте только два четверостишия одного стихотворения, и вы увидите, и услышите, и почувствуете то, о чём я говорю.

Ослеплённая солнцем, земля
Видит только цветы золотые,
В полдень площади, словно поля,
Ливнем летних лучей залитые;

Вечноюными слёзами роз
Переполнены чаши фонтанов,
И у мраморной девы поднос
Полон фруктов в руках неустанных.

В её стихах — невероятная палитра красок, гамма чувств, особый, поэтический взгляд на жизнь. Сквозь разнообразие жанров, ритмов и рифм мы видим автора — человека тонкой души и поэта до кончиков ногтей, который выступает то в облики лирика, в чьих строках звучит особая доброта, «усталая нежность», о которой говорил Константин Бальмонт, то — весёлого трубадура, то пламенного трибуна, обличителя пороков общества, то насмешника — мастера колких эпиграмм.

Природа, пожалуй, занимает одно из центральных мест в творчестве Ирины Узденовой. Так красочно, зримо звучат строки стихов, что создаётся впечатление, что мы видим живописные пейзажи, написанные маслом — вот «Золотая осень», зима — невеста в фате, «что ткал с утра мороз», «Весна в венце из первоцвета», и площади, «ливнем летних лучей залитые...». Иначе, как магией слов, такие стихи не назовёшь.

Можно много говорить о поэзии Ирины Узденовой. Но лучше любого литературного критика о ней расскажут вам сами стихи. Советую прикоснуться к творчеству этого уникального автора всем, кто в нынешний цифровой век может позволить себе роскошь общения с бумажной книгой».

*Борис Айдаболов,
писатель, поэт, художник.*

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги «Распятое солнце».....	5
Из книги «Соловьиное сердце».....	29
Из книги «Одолень-трава»	135
Из книги «Песни жар-птицы»	273
Из книги «Пламя победы»	397
Из книги «Дневник поэта».....	467

Ирина Шарафатдиновна Узденова
Гармония сфер
Поэзия

План университета 2019

Редактор Н. В. Ефрюкова
Корректор И. Ш. Узденова
Компьютерная верстка М. М. Вихлянцев

Подписано в печать: 12.09.2019

Формат 70x100/16

Бумага офсетная

Объем 34,75 уч.-изд. л.

Тираж 1000 экз.

Издательство Карачаево-Черкесского
государственного университета:
369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29.
Лицензия ЛР №040310 от 21.10.1997

Отпечатано в типографии Карачаево-Черкесского
государственного университета:
369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 46.